

уральский

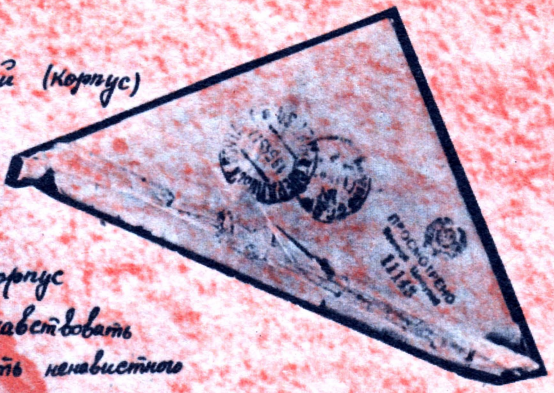
следопыт

№5 *** 1975

В комиссию по отбору в добровольческий (корпус)
Танковый корпус "Уралцев"
От шуровщины цеха 44 род. 1924г.

Заявление

Прошу принять меня в добровольческий корпус
"Уралцев", так как я горю желанием участвовать
в числе почетного танкового корпуса и быть известным
врага, фашизма, нашу священную
родину.
4/III-43

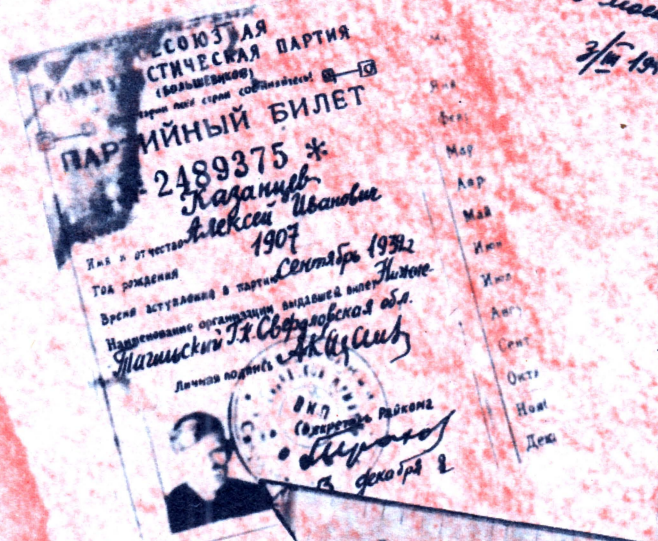

В. Мартынов

Заявление

Прошу принять меня в ряды добровольного танкового
корпуса, так как я не могу равнодушно относиться к
тебе злодеяниям, которые творят фашистские шурвалы.
Я желаю быть членом танкового корпуса целью
уничтожить этих мерзавцев.
Прошу не отказывать в моей
7/III 1943

на партийную организацию цеха №29 от комсомола
Соловьева Алексея Владимировича
рождения 1925г.

12.12.44.

Здравствуйте дорогие мои
родители папа, мама, бабушка и
Владимир!

Поздравляю вас с наступающим
новым годом и желаю всего
хорошего в вашей дальнейшей жизни.
Надеюсь, что 1945 год будет последним
годом войны. Скоро мы пойдем
вперед. В сердце немецкого логова
Берлин. Наш путь назад лежит
только через Берлин. Вперед выведи
Катю Кривошеину, вы вероятно ее знаете.
Она вас всех хорошо знает, помните она
жила у Коробковых. Я с ней вместе в
одной части, в той которая формировала
мало у вас. К нам в часть
приезжал зимой Каторжыян. Тогда
мы били за Киевом. Теперь же дале
ко за Вислой. Мы всегда везде были
в первых рядах, такой уж народ
танкисты. Теперь мы опять пойдем
вперед и пронесем знамя седого
Урала по всей немецкой за-

в номере!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Дорохов В ТРИНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ	2
С. Мешавкин ПЕСНЯ-ЭСТАФЕТА	6
Ю. Левин, А. Пшеницын ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ	12
Л. Квин ТРИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ СТРУКОВА. Документаль- ная повесть	19
В. Молодцов МОИ РЕБЯТА	40
М. Татарнинова ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ	41
В. Анурьева ЖДУ ЗВЕЗДУ	42
А. Тумбасов ДОМИК НАД РЕКОЙ	44
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	46
Н. Ерышев ПАМЯТЬ	48
В. Печенкин СТАЛИНГРАД ВОЛОДИ МЕЛЕХИНА	49
Ю. Алан ЕГО ПРОФЕССИЯ	54
«ПОМОГИ МНЕ РАЗОБРАТЬСЯ...»	57
Ф. Суркис СОТВОРЕНИЕ МИРА. Рассказ	58
Ю. Липатников ПРОПАВШАЯ ВЫСТАВКА	65
Н. Барсов СОВРЕМЕННЫЙ ЕГЕРЬ	66
Л. Осинцев ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАУРАЛЬЕ	67
В. Петров ПОИСК	68
А. Барков ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА	69
МИР НА ЛАДОНИ	77

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/1 1975 г.
НС 21083.
Подписано к печати 13/III 1975 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 9,1.
Тираж 275 000
Заказ 53
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
В. МЕРИНОВА.

© «Уральский следопыт», 1975 г.

№5 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

В ТРИНАДЦАТЬ МА

Юрий
ДОРОХОВ

Это было с бойцами
или страной,
или в сердце
было в моем

Это документальный очерк о ленинградском пионере, сыне полка, отважном юном разведчике Пете Селезнев. Особенность рассказа в том, что автором его в значительной степени стал сам герой — Петя Селезнев. Он описал последний год своей жизни. И еще авторами этого очерка стали пионеры из 7«б» класса ленинградской 466-й школы, той самой школы, в которой учился Петя Селезнев в 1938—1941 годах. Эти ребята создали в своем школьном музее уголок, посвященный пионеру-герою. Начнем же мы наш рассказ с 1942 года.

В том году Свердловск казался прифронтовым городом. Почти все его заводы перешли на производство оружия и боеприпасов. Ежедневно на вокзал прибывали эшелоны с ранеными и эвакуированными. В школьных дворах горами громоздились ученические парты, а в классах вместо них стояли госпитальные койки.

Самым многолюдным местом в Свердловске в те дни был, наверное, городской военкомат. Сюда часто приходили молодые свердловчане, рвавшиеся на фронт. Сюда шли фронтовики, закончившие лечение в госпиталях. Сюда ходили матери, жены, дети фронтовиков, чтобы хоть что-нибудь узнать о своих родных, потерявшихся в огненной круговерти войны.

В один из сентябрьских дней 1942 года в переполненном коридоре военкомата появился мальчик лет двенадцати. Он был одет в солдатскую форму. На груди поблескивала медаль «За боевые заслуги». Мальчик решительно пробрался через толпу, шумевшую в коридоре, и распахнул дверь кабинета военкома.

Усталый человек поднял от стола воспаленные глаза. Мальчик козырнул и протянул свое удостоверение. На серой бумаге военного времени было написано:

«Красноармеец отдельного батальона связи 92-й стрелковой дивизии Селезнев Петр Максимович направляется в Свердловский горвоенкомат для дальнейшего прохождения службы».

— Из Ленинграда я, — сказал Петя, не дожидаясь вопросов. — Отец здесь в госпитале лежал. Теперь уже выписался. Воевать больше не будет — инвалид. Вот меня и послали в Свердловск.

Военком кивнул. Задумался. Повертел в руках удостоверение.

— Ну, вот что, красноармеец Селезнев, будем считать твою службу законченной. Пойдешь в первую школу, ска-

ЛЕТЧИШЕСКИХ ЛЕТ

жешь — я прислал, — военком жестом остановил пытавшегося возразить Петю. — Хватит, навоевался! Будешь с отцом жить. Учиться тебе надо. Понял?

— Так точно, товарищ военком, — нехотя сказал Петя.

С этого дня началась для него мирная жизнь. Теперь Петя, кажется, ничем не отличался от своих сверстников: у него была семья, он учился в четвертом классе. Среди одноклассников Петя выделялся, пожалуй, только тем, что продолжал носить солдатскую форму. Да еще обращали на себя внимание его серые серьезные глаза. Это были глаза взрослого человека.

По вечерам Петя доставал из тумбочки пачку твердой желтой бумаги и садился к столу. Он писал обо всем, что довелось ему увидеть за первый, самый трудный год войны, он описывал свою короткую мальчишескую жизнь. Далеко не каждому мальчишке в тринадцать лет придет в голову писать свои воспоминания. Но тут был особый случай. Пете, действительно, было что вспомнить.

ИЗ ДНЕВНИКА ПЕТИ

До войны наша семья жила в деревне Смоленской области. Там у отца с матерью родился я, там родились моя сестра и мой брат. Отец был бедняком и одним из первых вступил в колхоз. Работник он был хороший и скоро его назначили бригадиром. Работала в поле и моя мама. Семья у нас была хорошая, дружная.

Отец с матерью жили в согласии и к нам, детям, относились ласково. Когда мне исполнилось пять лет, отец часто брал меня с собой в поле и показывал, как нужно сеять, косить и убирать хлеб. Так мы жили до 1935 года. Этот год был тяжелым для нашей семьи. Заболела воспалением легких мама. Когда она поправилась, врачи запретили ей делать тяжелую работу. Но мама продолжала ходить в поле, ей нравилось убирать хлеб, косить траву...

В 1936 году мама заболела снова и умерла. После похорон отец стал тихим и задумчивым, все больше молчал и вздыхал. Я был самый старший и уже понимал, что отцу трудно: ведь ему нужно было не только работать, но и смотреть за нами, кормить нас, вести хозяйство. Однажды отец не выдержал и написал письмо своей сестре в Ленинград. Тетка предложила всем нам ехать в Ленинград и жить у нее. Через несколько дней

мы простились с могилой мамы и всей семьей поехали в Ленинград. Жили мы там в одной комнате: тетка с мужем, да нас четверо. Жить было трудно. Хотя отец хорошо зарабатывал, но мы подрастали и требовали все больше внимания и ухода. Отец решил жениться, чтобы в доме была хозяйка...

После женитьбы отца мы переехали в комнату мачехи. Отец работал, мачеха хозяйничала. В том году я начал ходить в школу. Мачеха отно-

силась к нам хорошо и заботилась о нас. Но в 1941 году началась война, и отец ушел в армию. Мачеха сначала кормила нас, но в городе становилось все хуже и хуже с продуктами, и скоро она не могла уже ничего сделать для нас. Началась блокада.

Пока в доме были кое-какие запасы, было терпимо, но скоро и они кончились. Мы стали опухать с голоду, еле ходили. Я бродил по городу в поисках пищи для себя, сестры и брата. Даже в мусорных ящиках уже ничего нельзя было найти. Мы, ребята, собирались вместе и ловили птиц, кошек, собак, мышей. Если «охота» была удачной, вечером мы варили суп для всей семьи. Голод становился все сильнее. Люди падали и умирали прямо на улице. Мой брат и моя сестра уже не вставали. Скоро они умерли. Я остался один.

В соседней заброшенной квартире я нашел лыжи и ушел на фронт. В то время фронт проходил совсем близко, и я довольно легко добрался до блиндажей, в которых расположился какой-то отряд. Там меня обогрели, накормили и разрешили остаться. Командир Логинов спросил: «Ты не побоишься, если я буду посылать тебя за линию фронта?» — «Я пионер и ничего не боюсь!» — ответил я. Так началась моя военная жизнь. Я ходил в разведку и потом рассказывал, где у немцев какие части стоят. А еще я работал на кухне, помогал повару, топил печь, колот дрова и носил воду. Работать было труднее, чем ходить в разведку: от голода в Ленинграде я очень похудел и ослаб. Но зато теперь я спал в тепле и ел хорошо. Были у меня друзья: совсем еще молодой солдат Коля Теткин и повар дядя Ваня Никитченко.

Наша часть все еще стояла у самого города и иногда я ходил навещать мачеху. Однажды после большого перерыва я опять пошел к ней. Открыл нашу комнату, но там было совсем пусто и холодно. Я еще постоял во дворе, посмотрел на наш дом и побрел на улицу. Я шел по Ленинграду на фронт, обгоняя страшно худых, истощенных людей. Они едва волочили ноги, но шли на заводы, шли на посты противоздушной обороны.

Атаки немцев на нашу оборону становились все реже и слабее. Теперь атаквали мы. Однажды нашей части был дан приказ наступать. Старшина Строгов взял меня с собой. Сначала мы бежали по заснеженному полю и вокруг нас рвались снаряды. Потом мы попали в какой-то барак, и Строгов оставил меня там погреться, а сам ушел куда-то. Я сидел в бараке, но вдруг подошла машина. Я испугался, подумал, что она немецкая. Осторожно выглянул, но это была наша и сидел в ней... дядя Ваня Никитченко.

Первыми, кого я увидел в своей части, были Коля Теткин и капитан Кондеев. Они очень обрадовались, что я нашелся. Капитан сказал: «Молодец, что остался жив! Теперь будем вое-

вать по-настоящему». За время моего отсутствия в нашем отряде появилось еще двое мальчишек: Саша и Витя. Они были младше меня. Теперь в разведку мы ходили втроем. Нам, маленьким, легче было пробираться в немецкий тыл.

Однажды я узнал у железнодорожного сторожа, что скоро пойдет немецкий состав с солдатами и снарядами. В этот раз я был в разведке с группой бойцов. Мы решили взорвать состав. Подползли к насыпи. Меня послали вперед, к самым рельсам. Прижимаясь к земле, я добрался до небольшого моста, юркнул под него, заложил мину и пополз обратно к дяде Мише и дяде Ване. Они отправили меня в лес, а сами залегли в кустах. Я ушел совсем недалеко, когда сзади раздался страшный взрыв — это взлетел на воздух немецкий состав вместе с мостом. Мы благополучно вернулись к своим. Командир похвалил всех, а мне сказал: «Из тебя, Петя, смелый солдат выйдет, только вот подрасти надо».

А фронтовая жизнь продолжалась. Я очень подружился со своими новыми товарищами. Мы ходили в разведку, но чаще я ходил один, как старший и знающий местность.

Однажды, когда наша часть стояла в какой-то деревне, мы вышли на улицу все втроем. Только что рассвело, и кругом стояла необычная тишина. Одиноким воробей чирикал на заборе. Он был какой-то взъерошенный, и, наверное, ему было очень холодно. Мы поймали его. Он был очень слабенький и худенький. Мы принесли ему крошек, а потом отпустили, и в это время нас позвали к командиру.

«Вот что, ребята, — сказал он, — в соседней деревне стоят немцы. Там за выгоном есть два сарая, в них лежат боеприпасы и теплая одежда для фрицев. Надо поджечь эти сараи. Вам это сделать легче всего...»

Я сразу согласился и сказал, что возьму с собой только Сашу, Витю брать не буду — маленький он.

Через час мы лежали в кустах, на выгоне. У сарая стояли часовые. Мы слышали, как они переговариваются и хохочут. Часовые все время сходились и расходились, видно было, что им очень холодно. Потом затеяли какую-то возню, стали толкать друг друга и смеяться. Мы воспользовались этим и перебежали поближе, в канаву. От земли было очень холодно, а замерзшая трава была жесткой и ломкой. А немцы перестали бороться. Один из них достал из кармана губную гармошку и стал играть. Второй немец в это время подошел к первому и остановился.

Мы проползли под проволокой, которая окружала сарай, и забежали за угол. Нужно было пробежать вдоль стены первого сарая и добежать до второго, где хранились боеприпасы. Саша на дороге споткнулся и чуть не упал. Но мы все-таки успели добежать и бросили в дверь второго сарая толовые шашки. Раздался взрыв, из дверей

полыхнуло пламя, а мы бросились в канаву. Часовые подняли стрельбу и побежали в нашу сторону. Но в это время в сарае раздался второй взрыв, гораздо сильнее первого. С сарая сорвало крышу, все вокруг заволочло дымом. Это взорвались боеприпасы.

Мы выбрались из канавы и побежали в лес. Опомнились только у своих, голова у нас кружилась, нас рвало. Но мы знали, что теперь все позади.

Скоро наша часть пошла в наступление. Меня ранило в ногу в первом бою. Я лежал в госпитале, в подвале одного из ленинградских домов. Все меня угощали, чем могли, а я мечтал попасть снова к своим. В августе 1942 года мне сообщили, что меня разыскивает отец, Селезнев Максим Игнатьевич, который лежит в госпитале № 1710 в Свердловске. Командир решил направить меня туда.

Так заканчиваются записки Пети Селезнева. Впервые я прочитал их еще в 1965 году. Очень мне захотелось узнать о дальнейшей судьбе этого мальчика. Я разыскал старую учительницу Зою Ивановну Аничкину. Она жила в Свердловске и была уже на пенсии. Это в ее класс в 1942 году пришел из военкомата мальчик со взрослыми глазами. Зоя Ивановна и рассказала мне о последних месяцах жизни Пети.

В первые дни пребывания в школе он сторонился своих одноклассников. Наверное, казались они ему совсем еще детьми. Но постепенно Петя «оттаивал» и скоро стал всеобщим любимцем. Зоя Ивановна объясняла это тем, что в классе было много ребят, эвакуированных из Ленинграда. В Пете они видели защитника своего города. Да и по характеру Петя оказался очень добрым, очень искренним. Любили ребята слушать его рассказы о родном городе, о фронтовой жизни.

Приближался новый, 1943 год. Хоть и трудное было время, а все-таки захотелось ребятам отметить новогодний праздник. Елку решили поставить в квартире у Пети. Вечером 31 декабря там собрался весь класс. Каждый принес на праздник, что мог: кто кусочек сахару, кто ломоть хлеба, был даже настоящий чай. Встречали 1943 год весело, пели песни, плясали вокруг елки. Когда Зоя Ивановна рассказывала мне об этом вечере, на глазах у нее блестели слезы: «Какое это трудное было время, и какие же это были замечательные ребята: голодные, плохо одетые, многие из них потеряли на фронте отцов. И все равно они умели быть веселыми, очень добрыми по отношению друг к другу. И жалко мне их было и гордилась я ими».

Вскоре после Нового года Петя заболел. Открылась рана, не залеченная как следует в госпитале, сказались голодные блокадные дни. Пришлось снова лечь в госпиталь. Петю навещали друзья, учителя, отец. Но состояние мальчика все ухудшалось. Ничего не могли сделать врачи.

10 февраля 1943 года Петя Селезнев умер. Прощалась с ним вся школа. У гроба юного солдата стояли в почетном карауле все его друзья-пионеры.

Так закончилась короткая жизнь пионера Пети Селез-

нева. О ней я написал в 1965 году в Свердловской областной молодежной газете «На смену!». И вот здесь-то началась новая история, связанная с именем и подвигом пионера-героя. Оказалось, что выступление газеты прочитали ребята из многих школ Свердловской области. Пионеры Краснотурьинска, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского, Туринска начали сбор материалов о Пете Селезнев. Ребята из этих городов ежегодно в День Победы, 9 мая, приезжают в Свердловск и возлагают цветы на могилу Пети. В музее Свердловского Дворца пионеров бережно сохраняются документы и личные вещи юного солдата. В Свердловской школе № 1, в той самой, где в 1942 году учился Петя, ребята создали даже целый спектакль, в котором рассказывалось о пионере-герое. Родственникам Пети Селезнева были вручены воинские награды, заслуженные юным героем: медаль «За оборону Ленинграда» и юбилейные медали, посвященные 20-летию победы в Великой Отечественной войне и 50-летию Вооруженных Сил СССР.

А недавно я получил письмо из Ленинграда, от пионеров 7«б» класса 466-й школы. Оказалось, что ребята разыскали учительницу Нину Васильевну Никитину, у которой в довоенное время учился Петя. Вот что написала она пионером:

«Дорогие ребята! Сегодня получила ваше письмо и сразу же хочу ответить. Вы сомневались,— та ли я Нина Васильевна, которая учила Петю Селезнева. Могу заверить вас — именно та. Конечно, прошло много лет, но, читая ваше письмо, я сразу вспомнила Петю. Никак не подумаешь, что такие простые мальчишки могут стать героями! Видно, таков уж наш советский народ!

Что же я могу сообщить вам о Пете? Помню, что был он очень спокойный, тихий мальчик. Учился неплохо, но и не был как-то особенно талантливым. Вот разве что писал хорошо, грамотно (соответственно возрасту, конечно). Умел пересказать прочитанное и даже записать в своем изложении.

Товарищи относились к нему хорошо, уважали его. Помню, пришел как-то в школу отец и очень тепло о Пете рассказывал, о том, как Петя ему во всех домашних делах помогает.

Посылаю его снимок, сделанный в декабре 1940 года. Смотрю на него и думаю: какой же это был славный мальчик! Это очень хорошо, ребята, что вы меня разыскали и рассказали о Пете. Плачу вот сейчас и в то же время горжусь, что был у меня такой ученик...»

Вот этим письмом старой учительницы я и хочу закончить рассказ о пионере Пете Селезнев, пережившем трагические дни ленинградской блокады, сражавшемся на фронте и умершем от раны в одном из госпиталей Свердловска.

ПЕСНЯ-ЭСТАФЕТА

Станислав
МЕШАВКИН

Фото
А. Нагибина

*В марте сорок третьего я получал на ва-
шем заводе танк Т-34. Эти машины дарили нам
в счет колонны «Свердловский комсомолец»
девушки, вкладывая в них труд и личные сбе-
режения. Мы, фронтовики, хотели вместе с бо-
евыми машинами иметь в подарок и фотогра-
фии девушек. Одна фотография у меня сохра-
нилась. Девушку звать Аней. Фамилию не за-
помнил. Может быть, она и сейчас на заводе.
Если удастся что-то узнать — сообщите.*

П. Перетолчин,
г. Иркутск

Вот такое письмо пришло недавно в партийный ко-
митет Уралвагонзавода, и нельзя на такое письмо отве-
тить отпиской: мол, прошло тридцать лет и, располагая
лишь именем да фотографией, где же найти эту самую
Аню. Фотографию и письмо опубликовали в заводской
многотиражке, снабдили заметку обращением к чита-
телям: откликнитесь!

Память человеческая имеет одно необъяснимое
свойство. Вдруг через десятилетия всплывет какое-то
событие, которое прежде казалось преходящим, обыч-
ным, каких вроде немало бывает, а тут внезапно обо-
жжет сердце и встанет оно перед глазами с беспощад-
ной яркостью, как что-то такое дорогое, которое нельзя
забывать.

Давно отшумела бомбовыми раскатами, отсверкала
бликами «катюш» война, а она все помнится, время не
властно над ней. Она — в романах, стихах, кинофильмах,
рассказах фронтовиков, она в памяти, в сердце народном.
И не только того поколения, которое пережило мрачный
сорок первый и победный сорок пятый. Пожалуй, лучше,
чем поется в песне, не скажешь. Помните того парня,
который встал до зари, ощущая неясную тревогу
в душе — то ли гроза грохочет над полночью, то ли эхо
прошедшей войны. И пронзительные строки: «...что-то
с памятью моей стало, все, что было не со мной,
помню».

Я хожу по просторным цехам «вагонки», беседую
с ветеранами и молодыми, листаю документы сороковых
и семидесятых годов и явственно, возникающая сама
собой, звучит глубинная переключка времен, переключка
поколений.

...8 декабря сорок первого года заслуживает быть
упомянутым хотя бы одной строчкой в истории Великой
Отечественной войны. В этот день с конвейера Урал-
вагонзавода сошла первая «тридцатьчетверка». Водитель-
испытатель танков Ф. Захарченко тронул рычаги боевой
машины, и танк медленно двинулся по сборочному цеху.
Да, прямо по цеху. Все, кто был там, бросили работу
и кинулись к нему. Танк гордо промчался по всей тер-
ритории завода, а затем по поселку. Из землянок, заслу-
шав лязг гусениц и рокот мотора, выскакивали люди.
Вздыхая клубы снега, Т-34 мчался под ликующие крики,
как предвестник победы.

А до победы было долгих и трудных четыре года. Завод, как солдат, с первых же дней войны надел фронттовую шинель. Вся жизнь многотысячного коллектива подчинялась суровому ритму конвейера, короткому, как выстрел, призыву: «Фронту — танки».

Старожилы еще помнят, как на месте нынешнего поселка вагоностроителей шумел лес. Могучие сосны в два-три обхвата. Деревья пошли под топор, на землянки. Строили их, как сказали бы теперь, по типовому проекту. Рыли большой котлован — на четыре секции, в каждой секции по четыре комнаты, итого получалось шестнадцать. В середине котлована стояла железная печка, одна на всех. На уровень земли выводили окна, сверху накат из бревен, засыпанный землей, — жилье готово. Жили семьями, с малыми детьми.

В краеведческом музее Нижнего Тагила хранится картина художника с Уралвагонзавода Ивана Воскобойникова «Седой Урал кует победу». Название точно передает содержание произведения, на котором изображен седой, но еще могучий старик кузнец. У живописи свои законы, свой образный язык, но если в будущем появится грандиозное полотно на эту тему, то героями ее в первую очередь должны стать все же Женщина и Подросток. Мужчины ушли на фронт (только с «вагонки» две тысячи человек), и основная трудовая ноша легла на женские и мальчишеские плечи. Они выстояли эту неимоверно трудную вахту.

Мальчишки и девочки фронтовых лет давно стали взрослыми, иным за сорок, а иным под пятьдесят. Годы берут свое. Но и сейчас сильно в них фронтовая закалка. А когда встречаются с друзьями боевой юности, нет-нет да услышишь: а помнишь? Им есть что вспомнить...

РАССКАЗ ТАТЬЯНЫ ХАРЛАМПИЕВНЫ БРЕВНОВОЙ (ЕМЕЛЬЯНОВОЙ), НЫНЕ СМЕННОГО МАСТЕРА УРАЛВАГОНЗАВОДА.

На завод я пришла в сорок втором. Было мне пятнадцать. Ростом, как видите, и сейчас невелика, об акселерации мы тогда и слыхом не слыхивали. Мастер посмотрел на меня и буркнул:

— Мала. Не приму. Здесь тебе не в куклы играть.
— А вы попробуйте, — отвечаю.

Что мастеру делать, нужны ему рабочие руки. Принял с испытательным сроком. Подвел к груди медных трубок, согнул одну и говорит: а теперь ты гни. Ну вот, гну я эти трубки день-другой. Понемногу наловчилась, советы разные слушаю. А много или мало делаю — понятия не имею. Не ругают, и ладно.

Кончился месяц, приходит в цех фотограф.

— Ты Тая Бревнова! — спрашивает.

— Ну я.

— Поверни голову.

Послушалась, повернула, раз человек просит. Он щелк-чик фотоаппаратом и ушел.

Иду я на другой день, а у проходной на заводском щите двухсотников красуется — батюшки-светы! — моя фотография. И фамилия, и имя — все честь по чести.

После смены вызывает начальник цеха.

— Не куришь! — спрашивает.

— Не курю.

— И водку не пьешь!

— И водки не пью.

— Ну что, — смеется он, — за стахановцы нынче пошли: не пьют, не курят. Ну, а шоколадные конфеты, по крайней мере, ешь!

И подает мне бумажку, на которой написано: «Талон на получение двух кг шоколадных конфет». Из этих «кг» я только одну конфетку съела. В этот день цех отправлял посылку на фронт, и я вложила в нее всю свою первую премию.

В пятнадцать лет стала бригадиром. Надя Хайдукова и Галя Скробот местные, тагильские, а трое приезжие, эвакуированные. Мария Егорова и Надя Быкова из Калинина, а Феня Скибарева из Ленинграда. Как

Татьяна Харлампиевна
БРЕВНОВА (ЕМЕЛЬЯНОВА)

порасскажут, что они там видели, мы и так на работу злые были, а тут еще яростнее гнем наши трубки, будто от них одних вся победа зависит. Перешагнули за двести, потом за триста процентов, дошли до 380, а вот четырехста не даются, и все тут. Стала после смены с девчатами оставаться, все, что сама знала, показывала. Вместе разные штуки выдумывали, чтобы силы сэкономить. Стали, наконец, давать за смену 8 норм. В награду получали дополнительный обед или сухой паек: сто граммов хлеба и тоненький — на свет проглядывается — кусочек сала.

Приближался новый, 1944 год. Бригада давно «ходила в передовых», была фронтовой, и мы были почему-то твердо уверены, что нас всех позовут на новогодний бал. А нам ни одного пригласительного. И поставили бригаду в праздничный вечер на рабочую смену.

— Ну, девчата, — говорю, — давайте такой рекорд дадим, чтобы на всех елки звезды зажглись. Даешь тысячу!

И пошло-поехало. Ни до этого дня, ни после я не помню, чтобы так работала, как в этот праздничный вечер. Все кипело в руках. Поздно ночью звоню, чтобы прислали трех счетчиков да двух мастеров принимать сделанное — твердо были уверены, что рекорд поставили. В ОТК отнекиваются, народу, мол, маловато, праздник ведь как-никак, а я настаиваю. Пересчитали и глазам своим не верят — 1401 процент за смену! Мы, честно говоря, и сами удивились. А трубки вот они, перед глазами.

Мастер наш хмельной стал от радости.

— Девчата мои милые, — кричит. — Требуйте премии, чего хотите! Цех не даст, сам разденусь, все с себя продам, а достану, чего ни попросите.

Мы быстренько пошептались.

— Елку, — говорим. — Повторите для нас новогодний вечер.

Вечером первого января наша бригада в полном составе получила приглашение на новогодний вечер. Каждой вручили именную кулек с подарками, а на кулке цифра «1401».

Пули не свистели над нашими головами, а чувствовали мы себя как на фронте. И как на фронте, лучшие бригады соревновались за право именоваться гвардейской. Заслужить это было ой как нелегко. Сначала надо завоевать звание фронтовой, а потом в течение нескольких месяцев занимать первое место по заводу. Судите сами — на «вагонке» во время войны работало около 1600 фронтовых бригад, а звания гвардейской удостоились только 15. Первыми гвардейцами на заводе стали девчата моей бригады. Выдали премию — каждой по хлопчатобумажному костюму. Ох, и обрадовались мы! Война-войной, а ведь мы все-таки были девочками. Скинули с себя рваные обноски, натянули костюмы — совсем другими стали. И на ногах не брезентовые туфли на толстых дере-

вянных подошвах, стук от которых, как от нынешних модниц на платформах, за версту слышен, а настоящие фабричные дамские туфли. Шагали в клуб легко, красиво.

Клуб нас встретил песнями. Звучала набатом «Вставай, страна огромная...», потом задумчивая «Темная ночь». Очень любили мы тогда ныне малозвестную песню об уралочке, которая «на фронт прислала валенки, а пишет, что пимы». Я и сейчас слова помню.

*На каждом слове «токает»,
Все то, да то, да то,
Зато такого токаря
Не видывал никто.*

Приезжала к нам в прошлом году бывший комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе (была в войну такая должность) Рита Сухотинская. Вспомнили мы тот вечер, вспомнили и такое. Пришли на вечер молодые танкисты. И Рита, отзывая каждую из нас в сторонку, тревожно шептала:

— Девочки, не шушукайтесь, пожалуйста, с мальчиками. Война идет, понимаете!

А потом наступила та минута, которую я и сейчас помню.

— Приглашается на сцену гвардейская бригада Тани Бревновой.

Вышли мы, смущенные, радостные. Под овации зала нам вручили медали «За трудовую доблесть».

Да, в сражениях я не участвовала, но что такое война и что значит тыл для победы — это я знаю. Это — на всю жизнь,

РАССКАЗ АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ДОБРОРАДОВОЙ (ВРЕЩАКОВ), КОНТРОЛЕРА УРАЛВАГОНЗАВОДА.

— Выдали нам, помню, огромные телогрейки и валенки. Я на рост не жалуюсь, а некоторым девчонкам телогрейка была до самых пят и ноги в валенках свободно болтались. Но зато как уж помогли нам эти телогрейки! В цехе холодно, придешь в общежитие и там холодина. Затопить печку не было сил. Так в телогрейках и ложишься, прижавшись друг к дружке. А сверху — матрац, для тепла.

Я сварщицей была, башни варила. Двенадцать часов трещит перед глазами электродуга. Целых двенадцать. И так, бывало, устанешь, что даже не заметишь, в какой миг сон подкрадет. Да и сном-то нельзя назвать. Просто сознание на миг отключается. Очнешься, словно кто тебя толкнул: дуга прервалась, электрод так пристыл, что не оторвешь. Мастер ходит от башни к башне и кричит-умоляет:

— Девчата, не спать. Давай, девчата, не спать.

На заводе много было солдат, они за танками приезжали. А машины нет, она еще в производстве, надо в очередь вставать. А они все такие нетерпеливые, на фронт, в бой рвались. Сидишь на башне, варишь, а танкист подходит и спрашивает.

— Ну, красивая, скоро сварить! Это для меня машина.

Порой даже осерчаешь:

— Не видишь, мол, что ли, как торопимся. Подожди чуток — моментом будет готова.

Есть хотелось по-страшному. Бывало, получим хлебный паек на декаду и сразу съедаем, невозможно удержаться, хотя прекрасно понимаем, что потом будет еще голоднее. Так Маша Зеленко (она и сейчас на заводе), которая отвечала за наше питание, стала от нас прятаться. Выдаст на день, что положено, и убежит.

Война заставила особенно остро понять, осознать, что все мы, по существу, одна семья. Одинокий человек не выдержал бы испытаний, сломался, погиб. Я вот и теперь просто не представляю, что бы с нами было, если бы не чувствовали дружескую руку коллектива.

Настала пора дать слово Подростку. Впрочем, сначала несколько слов москвичу Владимиру Иосифовичу Антонову, который в январе сорок четвертого получил

Анна Васильевна ДОБРОРАДОВА (ВРЕЩАКОВА)

на заводе «тридцатьчетверку». Готовили танкистов, вспоминает Антонов, наспех, наезжено у них было всего по десять моточасов. С волнением взялся Антонов за рычаги. Подходит к нему парнишка.

— Подвинься, — говорит баском. — Поедем на стрельбище.

Лихо управлял парнишка танком. Сделал пристрелку, похвалил машину и на полной скорости повел ее назад. Не успел Антонов слова сказать, как парнишка, выйдя из люка, уже шел к следующей машине.

РАССКАЗ ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВОЛОЖАНИНА, НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ.

— Ну, такими знающими и опытными, как вспоминает Антонов, мы стали далеко не сразу.

Пришли мы на завод пацанами. Воспитаны были на фильмах «Мы из Кронштадта», «Чапаев», «Тринадцать». Грезил войной и казалось, что стоит нам, мальчишкам, попасть на фронт, как дела сразу пойдут на лад. Стрелять, ходить в разведку — удел мальчишек, а возиться с железяками — занятие для девчонок. На какие только хитрости не пускались. На городском базаре нередко устраивали проверку документов, и тех, кто не имел их, отправляли в военкомат. Ребята специально попадали под такие облавы, но как только узнавали, что они с «вагонки», разговор был коротким — обратно на завод. Пробовал удрать и я, но добрался лишь до Свердловска.

После нескольких попыток смирились мы с судьбой. Подходит ко мне как-то комсорг ЦК ВЛКСМ Нина Пернач и спрашивает:

— Слышал о фронтовых бригадах!

Откровенно ответил, что нет. Да и то сказать, на весь цех тогда приходился один номер многотиражки. Рассказала Нина о фронтовой бригаде Михаила Попова с Уралмаша и предложила создать комсомольско-молодежную бригаду в нашем цехе. Меня — бригадиром. Всего набралось 12 ребят — строгальщик, сверловщик, расточник, токарь, словом, вся технологическая цепочка.

Поработали месяц — оказались в числе отстающих. Закончился второй — снова мы хуже всех. Начальник цеха в сердцах кинул:

— Тоже мне, комсомольцы. Языком трепать мастера, а на деле — пшик.

Я хожу сам не свой. Приготовился упреки слушать. И вдруг на доске показателей вижу, что наша бригада стоит на первом месте. А норма выработки не проставлена — пустое место. Теперь-то я понимаю, что к нам применили педагогический прием, попытались воздействовать иным путем, а тогда было не до психологии.

Собрал я ребят.

— Не стыдно по цеху ходить, а! Многие думают, что мы и правда передовики.

Молчат ребята, друг на друга глядеть не хочется. И подействовало ведь! Словно подменили бригаду. Перепланировали участок, перешли на многостаночное обслуживание: я работал, например, на четырех станках, Ваня Яковлев — на трех. И уже по заслугам стали занимать первую строчку на цеховой и заводской досках почета.

Душой бригады был комиссар, нынче бы его назвали наставником, Николай Михайлович Минкин. Он был для нас отцом, хотя ему всего-то было 32 года. Хранил наши хлебные карточки, чтоб не теряли, если кто заболел — первым приходил проведать, в перерыве читал сводки Совинформбюро.

В войну с нашего завода ушли две танковые колонны «Свердловский комсомолец». До последнего винтика машины собраны комсомольцами во внеурочное время. А внеурочное время — обеденный перерыв. Отработаешь полностью рабочий день, дождешься, пока твой сменщик уйдет обедать, и эти 30—40 минут точишь, сколько сможешь, детали. Из этих минут и родились грозные колонны.

В сорок четвертом было учреждено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и наркомата танковой промышленности. Первой его завоевала бригада Тани Бревновой. А потом до конца войны мы не выпускали его из рук, и оно осталось у нас на вечное хранение.

В апреле сорок пятого срочно вызвали в дирекцию. В числе лучших бригадиров страны меня приглашали на Всесоюзное совещание. Еще гремели пушки, а страна готовилась к мирным будням. На совещании предстояло обсудить, как готовить производство на выпуск гражданской продукции и как перейти с 12-часового рабочего дня на 8-часовой. Одному из инженеров поручили срочно написать текст моего выступления, а мне было велено готовиться. Легко сказать...

Грязный рабочий комбинезон, в котором я пришел в дирекцию, был и моим выходным платьем. На всю комнату, в которой нас жило 18 человек, было всего два «парадных» костюма. На свидание с девушками ходили

Незадолго до этого он был на нашей «вагонке» и вручил мне именные часы. Он и пришел на помощь.

— Товарищ Воложанин, — говорит. — Откинь в сторону бумажки, что тебе инженеры написали. Послушай. Вот сейчас ты делаешь 150 балансиров за двенадцать часов, а теперь надо будет делать за восемь те же 150. Вот и расскажи об этом просто, по-рабочему.

— По-рабочему, — обрадовался я. — Ну хорошо.

Перво-наперво сбросил я галстук, от которого в горле удушье делалось и почувствовал себя как на родном заводе. Не знаю, хорошо или плохо я выступил, но говорилось легко.

Трудно переходил завод на выпуск вагонов. Многие приходилось менять, в том числе отношение людей. В ходу были такие рассуждения: в войну, мол, квалывали, а сейчас можно передохнуть. В одном из цехов изготавливались пятники, есть такая деталь в вагонной тележке. Их требовалось десятки, а выпускали 5—6. И рабочие, и мастера доказывали, что, мол, больше нельзя, такова технология.

Вызвал к себе нашу бригаду директор завода Юрий Евгеньевич Максарев.

— Поручаю вам, ребята, фронтное задание. Так и сказал «фронтное». Перевожу на самый трудный участок. Выжмите из оборудования все, что можно.

И мы «выжали». Через два месяца участок давал по 75 деталей за смену. Потом нас кинули на выпуск полускатных осей. Звание гвардейской, завоеванное в войну, бригада подтвердила и в мирные годы.

А ТЕПЕРЬ ДВА КРАТКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВА.

Первое. За годы войны Уралвагонзавод выпустил 35 тысяч танков. Они участвовали во всех крупнейших сражениях, обеспечивших окончательную победу в мае сорок пятого.

Второе. «Танк-34 бесспорно был подлинным шедевром в истории развития военной техники» (из отзыва западногерманского журнала).

А СЕЙЧАС САМАЯ ПОРА СКАЗАТЬ О МОРКОВКЕ.

У секретаря заводского комитета комсомола Николая Данилова это любимая присказка. Беседует он, скажем, с начальником цеха, а тот, пользуясь случаем, начинает жаловаться: кто-то из комсомольцев прогулял, другой норму недотянул. «Вот мы раньше», — ударится в воспоминания начцеха, а кончает сакраментальной фразой: «не та молодежь пошла».

— И морковка тогда погуще, потолще была, рукой, бывало, не ухватишь, — спокойно поддакивает Николай.

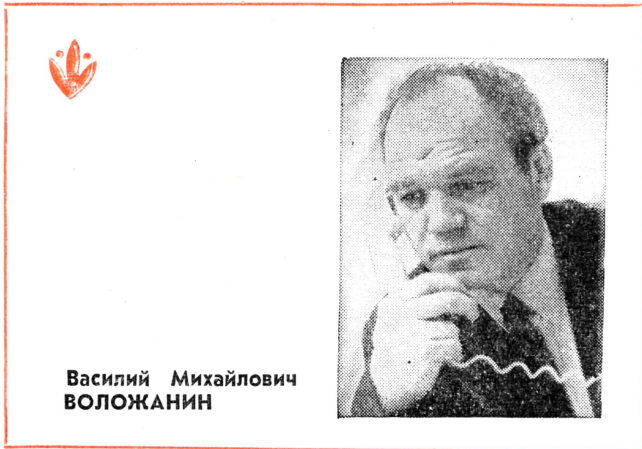
— Какая морковка, — сердится ошеливший начцеха. — Я ему о деле, а он...

Нет, Николай не уходит от спора, да и не такой у него темперамент, чтобы прятаться в кусты. Если всерьез, он — за дискуссию. Если она не заведомо бесплодная, как этот разговор. Нельзя механически сравнивать одно поколение с другим, особенно, если смотришь на мир со своей возрастной «кочки зрения».

Примечательно, как Николай встал у руля заводской комсомолки. Учился в Ленинграде, несмотря на заманчивое предложение остаться на кафедре, поехал на Урал. С увлечением вгрызался в заводскую жизнь, как вдруг последовало предложение перейти на комсомольскую работу. Предложили раз, другой. Николай категорически отказался.

Наконец его пригласили в партийный комитет. Секретарь парткома Игорь Александрович Горинов перебрал какие-то бумаги. Руки у Горинова, это сразу бросалось в глаза, крупные, крепкие, всю войну отслужили на заводе в горячих цехах.

— Ну так как же, Николай, — спокойно заговорил

по очереди, исходя из наличия гардероба. Не лишать же мне ребят удовольствия!

Нашли портного, который за два дня сшил пальто, костюм, рубашку, туфли и даже галстук. Галстук я надел впервые в жизни.

В поезде я только тем и занимался, что зубрил текст. Столько там мудреных слов было понаписано, что иные я вообще не слышал.

Вышел я на трибуну при галстуке, при полном параде. Читаю этот проклятый текст и на каждом слове запинаюсь.

Председательствовал на совещании В. М. Молотов.

он. — Слышал я, что с тобой бѣдѳвали, да ты уперся. Так вот я повторяю: у коммунистов есть мнение рекомендовать тебя секретарем комитета.

— Нет, нет, — горячо возразил Николай. — Не справлюсь я. Трудно... — Он ждал продолжения разговора, приготовился на каждый довод ответить контрдоводом, у него все было обдумано.

А Горинов молча встал, обошел длинный стол и остановился перед Николаем. Все также молча загнул штанину. Обнажилась нога, обожженная до костей.

— В войну спецдежду не успевали выдавать, — спокойно пояснил Горинов. — Как ты полагаешь, трудно ходить на таких ногах? А хожу... Легкой жизни ни мне в парткоме, ни тебе в комсомоле не будет. Это я тебе обещаю твердо. Уговаривать не буду. Решай сам.

Николай ДАНИЛОВ

В трудные, но и радостные для завода годы стал Николай комсомольским вожаком. Начало девятой пятилетки совпало с четвертым по счету рождением завода. Поднялся он на лесной тагильской окраине в 1936 году, выпускал вагоны. В сорок первом переключился на танки, в сорок пятом снова на вагоны.

Уральский завод — флагман отечественного вагоностроения. С его конвейера сошло полмиллиона вагонов. Вагоны-работяги исправно несут свою службу на подъездных путях угольных карьеров, металлургических комбинатов, машиностроительных заводов, мчатся по магистралям страны. 25 процентов мирового грузооборота по железным дорогам приходится на долю вагонов с маркой «УВЗ».

Стремительными темпами растут масштабы производства, возникают в тайге города и заводы, прокладываются новые железнодорожные линии — одно короткое слово БАМ что значит! И все настойчивее звучит требование: вагоны, вагоны! По Директивам XXIV съезда КПСС в девятой пятилетке предусматривалось поставить 420—430 тысяч вагонов, из них более ста тысяч изготовить нижнетагильскому заводу. Так, на повестку дня стало четвертое рождение предприятия — коренная реконструкция. Цели ее коротко можно сформулировать так: требуется и количество, и качество.

Грузовой вагон знает каждый. Железный каркас, деревянная обшивка. С конвейера он выходит чистенький, нарядный, смотреть на него приятно, как на школьника в день первого сентября, — весь светится, полблескивая. Через месяц не узнать чистюлю: обшарпанный, грязный, с разорванными в клочья боками. И нет в том его вины. Чуть ошибется в расчетах машинист крана, и многопудовая глыба всей массой вдарит по обшивке. Где тут выдержать хрупкой дощечке! Два, а то и три раза в год меняет вагон свой деревянный костюм.

В 1973 году завод выпустил первые 530 цельноме-

таллических вагонов. Сейчас столько выпускается за месяц. В ближайшей перспективе каждый год с конвейера будет сходить 10 тысяч вагонов. По ряду ведущих показателей детище тагильских мастеров превосходит аналогичные изделия американских фирм. В конце прошлого года цельнометаллическому вагону присвоен государственный Знак качества.

Второе принципиальное новшество в официальных документах звучит так: замена подшипников скольжения на подшипники качения. Слово буквы знакомое всем. Не честь газетных заметок о происшествиях на транспорте, где главной героиней была буква. Подшипники скольжения, те самые буксы, своего рода гурманы, они не могут жить без масла, они буквально катаются, как сыр, в масле. Случись утечка или, не дай бог, попадет песок, недалеко до беды. Подшипники качения действуют на принципиально иной схеме и практически не требуют к себе внимания на весь срок службы вагона.

Реконструкция проходит в условиях действующего производства. Это значит, в цехе, где, допустим, три пролета, на месте одного зияют котлованы, высятся груды металла, а два других трудятся с максимальной нагрузкой за троих. Потом придет их очередь молодеть.

Дополнительных штатов на реконструкцию не дают. Не придут на завод чужие дяди, чтобы перелопатить горы земли, провести демонтаж станков, установить новые технологические линии.

— Все на субботники! — бросила клич комсомолка. А субботников было немало. Можно назвать обобщающий итог — всего во внеурочное время отработано 120 тысяч часов. Это был трудовой фронт сегодняшнего молодого поколения Уралвагонзавода.

Фронтные традиции живут и в бригадах. Они, понятно, носят иное название — комсомольско-молодежные. Но с фронтowymi их роднит одно общее: быть там, где трудно, где решается судьба реконструкции. Комитет комсомола вместе с парткомом и дирекцией определил девятнадцать «горячих точек» завода и направил туда 19 целевых комсомольско-молодежных бригад. Сведения от них, как боевые сводки, поступают в комсомольский штаб реконструкции. Малейшая заминка, и на помощь бригадам идут сотни добровольцев из других цехов.

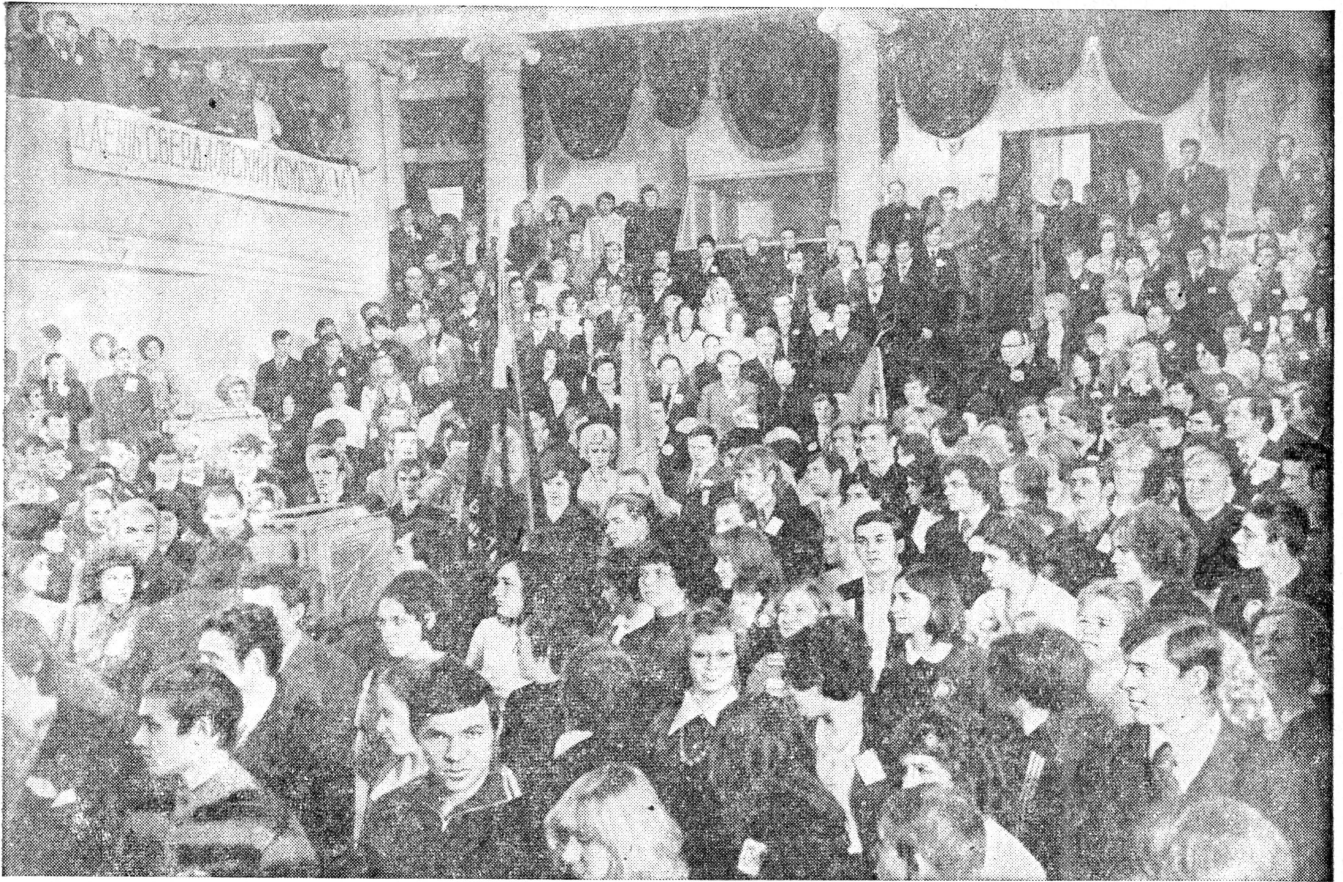
— Летом мы работали по двенадцать часов в сутки, — рассказывает бригадир токарей Александр Зинченко. — Конечно, с разрешения завкома и все такое. Говорят,

Александр ЗИНЧЕНКО

только добровольно. А нас и не надо было агитировать — мы сами. Видим, что иначе нельзя — не останавливать же завод.

В цехе, где трудится Александр, молодежь составляет половину работающих. В его бригаде только одному за тридцать — наставнику. Аркадию Михайловичу Овсянникову. Молодость в труде не помеха. Особенно когда она в сплаве с опытом. Пришла после ГПТУ Лена Ксеник —

ее поставили в пару с Овсянниковым. Иван Коврижный, кавалер значка «Ударник девятой пятилетки», о котором говорят, что он, когда работает, «со станком срастается», шефствует над Тоней Горшковой, которая вообще до завода имела лишь аттестат зрелости и никаких трудовых навыков.

Я не удержался и спросил его, что он думает по поводу той самой «морковки». Александр помолчал, прежде чем ответить.

— Знаете, я вам лучше про армию вспомню. Служил я на территории ГДР, командиром взвода. Дисциплина, понятно, была, однако часто обращались запросто: Ваня, Саша. В шестьдесят восьмом в Чехословакии оживилась «контра». Нас подняли по тревоге. И сразу всю семейственность как ветром сдуло. «Товарищ лейтенант», «товарищ сержант» — по другому и не обращались, только по-уставному, с полуслова любую команду выполняли. Обстановка, конечно, была не фронтовая, но напряженная, сами понимаете. Выдержали.

Десять тысяч юношей и девушек Уралвагонзавода соревнуются за звание лучшего молодого рабочего. Победителей чествуют на слетах, которые созываются раз в квартал в заводском Дворце культуры. Лучшей комсомольско-молодежной бригаде вручается Красное знамя ЦК ВЛКСМ и наркомата танковой промышленности. Да, то самое знамя, которое было когда-то отдано на вечное хранение фронтовой бригаде Воложанина. Знамя не пылится в сейфе, оно в действующем строю.

На «вагонке» популярны турниры. В них участвуют до тысячи человек — велико желание проявить свои силы, стать лучшим в своей профессии. Сначала турниры проводятся в цехах, а потом победители выявляют сильнейших по заводу. Многие спортивные состязания могут позавидовать им по числу болельщиков. В механосбороч-

ном, где проходил конкурс токарей, пришлось участок огородить забором. Ретивым подсказчиком он не послужил помехой. Пожилой рабочий, свесившись через забор, кричал молодому пареньку:

— Я тебя учил как зажимать детали! А ты что делаешь?

...Есть на Уралвагонзаводе площадь Трудовой славы. Отсюда, когда не было еще самой площади, отправлялись танковые колонны «Свердловский комсомолец». С этих же подъездных путей в последние годы взяли старт три эшелона вагонов «Тагильский комсомолец». Первый был посвящен столетию со дня рождения В. И. Ленина, второй — 50-летию рождения ВЛКСМ, третий — пятидесятилетию присвоения комсомолу имени вождя.

Утром 13 июля 1974 года к проходной завода двинулись сотни людей, хотя на календаре и значилась суббота. У проходной их приветствовали дети пионерским салютом. Каждому вручили листовку-обращение. Десять тысяч человек отметили коммунистическим субботником 50-летие присвоения комсомолу имени Ленина.

Когда читатель получит этот номер журнала, на площади Трудовой славы, видимо, уже состоится торжественный митинг, посвященный 30-летию великой Победы. Сто вагонов, построенных из сэкономленных средств, — трудовой рапорт юбилею комсомолки Уралвагонзавода.

И снова загремит оркестр. И снова взметнется в небо песня старшего поколения, песня и нынешнего поколения, песня-эстафета.

Наш паровоз, вперед лети!

В коммуне остановка...

ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ

Ю. ЛЕВИН,
подполковник
запаса,
А. ПШЕНИЦЫН,
подполковник

Фото
В. Вохмина

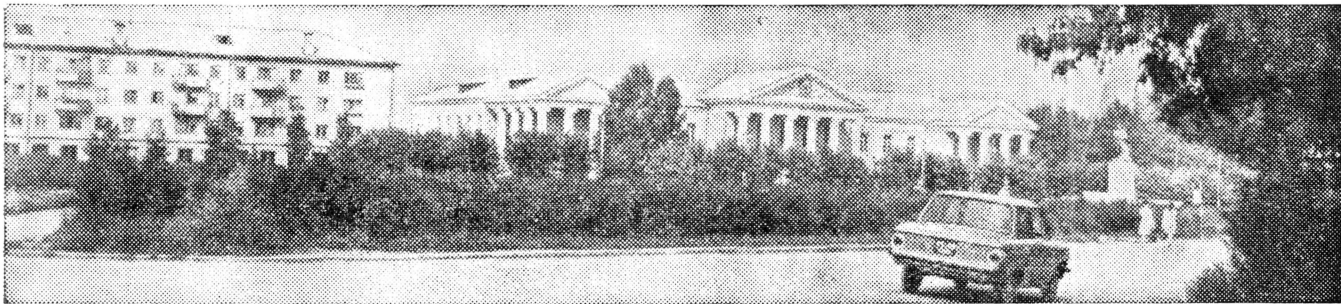
*Наш маршрут — по Сибирскому тракту.
Мы пройдем по той самой дороге,
которая в дореволюционные времена
снискала себе печальную известность.
В старину жители селений,
расположенных вдоль этой полоски
российской земли,
часто слышали звон кандалов.
За годы Советской власти
здесь, как и всюду в нашей стране,
произошли
огромные перемены — вдоль Сибирского тракта
возникли целые города,
а старые селения превратились
в многолюдные совхозные и колхозные поселки.
Путь наш
не так уж и длинен — от Свердловска до Талицы,
всего около трехсот километров.
Но и на таком коротком пути
мы встретились с целым созвездием
легендарных имен.
Среди тех, кто родился и вырос здесь,
немало Героев Советского Союза.*

Первую остановку мы сделали в поселке Белоярском. Каждый школьник знает, что именно здесь, в Белоярском районе, с 1964 года действует первая промышленная атомная электростанция, что эта земля дает стране «горную кудельку» — асбест. Здесь расскажут вам быль о том, как морозным январским днем 1841 года крестьянин деревни Крутиха Максим Кожевников нашел на маленькой речушке Токовой несколько изумрудов и с того времени возникли изумрудные копи.

Белоярцы гордятся хлебными полями, искусственным морем, поселком Заречным, выросшим рядом с атомной электростанцией в вековом бору, санаториями «Баженовский» и «Кристалл». Они при случае напомнят, что именно из их района вышел Уральский народный хор, в который влились почти все участники художественной самодеятельности — лучшие певцы и певицы из поселка Белоярского, из деревень Измоденово и Бутаковой. Вот так!

А когда мы повели разговор о войне, то исполняющий обязанности райвоенкома старший лейтенант Астапенко так сказал:

— Пожалуй, не найти в нашем районе дома, который не послал бы на войну своего солдата.

Краевед Аркадий Федорович Коровин положил перед нами пять папок, в которых собраны десятки документов, рассказывающих о жизни и делах пятерых Героев Советского Союза.

Ананьин Степан Константинович. Коммунист. Летчик. Начал войну старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, закончил — полковником, командиром авиаполка. Десятки сбитых вражеских самолетов на его счету. 30 июля 1943 года командарм в представлении писал: «31 мая группа в двенадцать ИЛ-2 под командованием С. К. Ананьина в сложных метеоусловиях, при сильном дожде атаковала вражеский аэродром и уничтожила 10 самолетов. Ананьин, тяжело раненный в обе руки и голову, истекая кровью, героически отражал все атаки истребителей противника и на сильно поврежденном, почти неисправимом самолете, зажав руль управления ногами, перетянул за линию фронта и сел на своей территории».

Изматдинов Виктор Андреевич. Коммунист. Старший сержант. Моторист катера 5-го Выборгского Краснознаменного ордена Кутузова тяжелого моторизованного понтонно-мостового полка. Отличился в боях на Одере в апреле 1945 года. Под сплошным огнем врага перебросил группу десантников на занятый противником берег. Затем прибуksировал четыре понтона для строящегося моста через Одер. Несколько раз на изрешеченном вражескими снарядами катере подвозил десанникам боеприпасы.

Попов Николай Антонович. Комсомолец. Автоматчик. Воевал под Сталинградом, Воронежем, Харьковом. Первым в составе небольшой группы форсировал Днепр. На правом берегу реки, командуя группой, овладел важной высотой. Фашисты, подтянув свежие силы, бросились в контратаку. Когда гитлеровцы добрались до вершины, Попов, уже раненый, вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Это и спасло положение. Высота осталась за нами.

Сысоев Петр Акимович. Коммунист. Старший сержант. Помощник командира взвода. Одним из первых форсировал Одер. Пятеро суток, возглавляя взвод, удерживал отвоенный у гитлеровцев плацдарм. Отличился в боях на улицах Берлина. В одном из боев уничтожил несколько танков врага.

Едомин Михаил Михайлович. Коммунист. Командир орудия 330-го гвардейского истребительно-противотанкового артполка. Сражался на Курской дуге, на Днепре, в Польше, Германии. В числе первых вместе со своим орудием форсировал Днепр. На правом берегу вел огонь прямой наводкой и уничтожил несколько дзотов и танков противника.

Эту старушку мы встретили у Сухого Лога. Мы ее спросили:

— Сколько километров до Талицы?

Нам нужно было засветло добраться до села, в котором родился прославленный комбат Герой Советского Союза **Степан Андреевич Неустроев**, чей батальон первым ворвался в Рейхстаг и заставил вражеский гарнизон капитулировать.

— Поди, верст тридцать будет, — ответила старушка и, в свою очередь, спросила: — А вы к кому в гости едете? Случаем, сами не талицкие?

— Мы, бабушка, к Неустроеву.

— К которому? В Талице, поди, полсела Неустроевы. Может, к тому, который до Берлина дошел?

— К тому самому.

— Подумать только, и это Андреев сынок Степка, наш талицкий, взял ихний... как его?..

— Рейхстаг, бабушка!

— Во-во! Я ведь тоже из Талицы, а на старости лет в Сухой Лог перебралась. Сын у меня на цементном работает, к себе и забрал. А так я талицкая... А сколь верст будет до этого рестагу?

— Да много. Несколько тысяч.

— Батюшки, далече Степку занесло...

...Мы шли по сельской улице, которая знала Героя еще мальчишкой. Здесь он играл в лапту. По этой улице он первый раз пошел в школу. Вот там, за оврагом, стоял дом его отца... А люди, окружавшие нас, — его земляки.

— Знал ли я Степана? — удивленно переспросил невысокого роста мужчина с двумя рядами орденских планок на груди. — Мы с ним дружки. Вместе росли. Родину вместе защищали.

Семен Михайлович Неустроев, ныне секретарь Талицкого сельсовета, тоже фронтовик. Всю войну на передовой.

— У нас, как видите, село не очень-то большое, — продолжал Семен Михайлович. — В Талице триста двадцать жителей. На фронт ушел каждый третий. Воевали в разных землях: кто на Украине, кто в Латвии, кто в Венгрии, кто в Польше, кто в Германии. Всюду был талицкий солдат... Ну, а Степан — это наш правофланговый.

Обычно, когда говорят о Неустроеве, связывают его подвиг с заключительной страницей войны — штурмом рейхстага. Это верно. Именно в Берлине особенно ярко проявились и его командирский талант и его личная храбрость. Но мало кто знает, что Неустроев-герой начинался еще под Старой Руссой, когда он первым во главе взвода под страшным огнем врага форсировал реку Ловать. Затем были Невель, Великие Луки, Прибалтика, Польша...

Нам в руки попал интересный документ — листовка политотдела 3-й ударной армии, выпущенная в Берлине, в мае 1945 года. Вот ее текст:

«Пройдут годы, зарубцуются раны войны, сотрутся следы боевых походов, а народ никогда не забудет людей, водрузивших алое полотнище — Знамя Победы над столицей Германии. Потомки наши откроют торжественную книгу побед и увидят в ней выведенные золотыми буквами имена героев, принесших человечеству свободу и счастье, спокойствие и мир.

И среди многих имен богатырей будет стоять простое имя — Степан Неустроев.

Благороден его подвиг. Славен его путь. Вот он стоит сейчас, капитан Красной Армии, у здания германского рейхстага, над которым реет Знамя Победы. Он сюда пришел первым, а вместе с ним и его батальон.

Нелегко далась победа. Позади тяжелая дорога походов и сражений. Семь раз был ранен капитан Неустроев. В битвах рождался опыт, мужал характер, вырабатывалась и закалялась офицерская воля. Таким, с пятью высокими наградами на груди, пришел капитан Неустроев со своим батальоном к берегам берлинской реки Шпрее. За ней, совсем близко, через квартал, лежала Королевская площадь — центр Берлина, а на ней — здание рейхстага...

Стремительность помогла батальону быстро форсировать Шпрее. Противник ошеломлен.

Наступил долгожданный момент — генеральный штурм рейхстага. Бойцы ринулись вперед, захватили лестницу главного входа и ворвались в рейхстаг.

Комбат Неустроев умело управлял действиями своего героического батальона. К исходу 30 апреля фашисты были полностью изгнаны из всех этажей. Остатки вражеского гарнизона засели в тоннелях и подвалах рейхстага. Бой продолжался и 1 мая. Враг не выдержал удара и капитулировал.

Штурм рейхстага — это кульминация. Здесь проявился весь Неустроев — бесстрашный, мудрый, негибаемый.

Тысячный гарнизон гитлеровцев засел в подвалах рейхстага. Как выкурить их оттуда? А не попробовать ли пойти на переговоры? И комбат принимает решение — идти к немцам.

Втроем — он, замполит старший лейтенант Берест и рядовой Прыгунов — вечером 1 мая по ступенькам спустились вниз. Навстречу вышли немецкие офицеры. Они молча выслушали условия капитуляции и обещали ответить минут через двадцать.

Но фашисты молчали всю ночь. На рассвете Неустроев приказал начать штурм.

Бой был коротким. Вскоре из подвала показались белые флаги: фашисты капитулировали. Вражеский гарнизон рейхстага сложил оружие. Это было 2 мая.

— Степан изредка навещает нас, — сказал нам секретарь сельсовета. — Вот в прошлом году приезжал. Интересовался жизнью совхоза, был на фермах, в поле, гостил

Слева направо: Степан Константинович Ананьин, Виктор Андреевич Изматдинов, Николай Антонович Попов, Петр Акимович Сысоев, Михаил Михайлович Едомин, Степан Андреевич Неустроев.

у односельчан. Как ни говорите, а нам очень лестно, что наша маленькая Талица дала Родине такого героя.

— У нас тоже есть герой,— произнесла стоявшая рядом с нами женщина.— Я из деревни Таушкан. Отсюда четыре километра. Может, знаете генерала Сысолятина, Ивана Матвеевича? Он тоже Герой Советского Союза. Так это наш, таушканский.

Оказывается, Александра Игнатьевна Панова — соседка Сысолятиных, знает хорошо всю семью.

— Их было три брата — Степан, Николай и младший Иван. Все ушли на войну в сорок первом. Помню, их отец Матвей гордился своими хлопцами, все говорил: мой-то крепко фашистов колотят! Ну, а Иван в восемнадцать лет Героем Советского Союза стал.

Это было на рассвете, в сентябре сорок третьего. Двенадцать автоматчиков во главе с Иваном Сысолятиным высадились на правый берег Днепра. У самой воды группа потеряла пятерых. Но семеро все-таки отвоёвали себе плацдарм и удержали его до подхода основных сил полка. В том бою Иван Сысолятин был ранен.

О подвиге ефрейтора Григория Кунавина уже не раз писали. Это имя давно стало символом братства двух народов — польского и советского. Жители польского села Герасимовиче свято чтут память русского воина-брата Григория Кунавина.

Тридцать лет тому назад, июльским днем сорок четвертого года ефрейтор Григорий Кунавин — парторг роты — ценой собственной жизни расчистил путь нашему подразделению, наступавшему на деревню Герасимовиче. Он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

В знак благодарности русскому брату-освободителю жители Герасимовиче решили занести Григория Павловича Кунавина навечно в список почетных граждан своей деревни. Они дали наказ учителям: каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа о воине-герое и его соратниках, чьей кровью добыто для польских детей право на счастье и свободу.

«Пусть прослушают дети рассказ стоя,— повелевает принятое жителями села постановление.— Пусть их сердца наполняются гордостью за русского брата-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов».

Вот уже тридцать лет именно так все и происходит. Есть в Герасимовиче школа имени Кунавина. Есть могила, где он покойся. Люди ежедневно приносят ему живые цветы.

Сибирский тракт привел нас в Богданович. Здесь есть улица имени героя. Сохранился домик, где жили его отец и мать. А в нескольких километрах от города расположено село Бойны, в котором он родился. Здесь сейчас — центральная усадьба колхоза имени Свердлова. Старики помнят

Слева направо: Григорий Павлович Кунавин, Петр Мартынович Перепечин, Анатолий Агеевич Чертов, Борис Самуилович Семенов, Степан Михайлович Черепанов, Виктор Васильевич Кирилюк.

то бурное собрание в Бойнах, на котором Гриша Кунавин, только что вернувшийся с армейской службы, сказал: «Наступило время строить колхоз. Без него нам не прожить. Я первый вступаю в артель. Думаю, что и отец мой последует этому примеру». Поднялся отец: «Твоя правда, сын. Пишите и меня».

...Мы приехали в новый район Богдановича. Остановились среди многоэтажных красавцев домов, выстроенных в годы девятой пятилетки. В одном из них живет Герой Советского Союза **Петр Мартынович Перепечин**.

У Петра Мартыновича скоро юбилей, ему исполнится 60 лет. Его фронтовая биография начиналась еще во время боев у озера Хасан в 1938 году и продолжалась все 1418 огненных дней Великой Отечественной войны.

О себе Петр Мартынович почти ничего не рассказывает. Говорит все больше о друзьях, которых потерял на дорогах войны. Но нам, людям военным, одна только его должность в армии говорит уже о многом: был Перепечин командиром роты противотанковых ружей.

...Стояли последние октябрьские дни 1943 года. Вместе со своим полком П. М. Перепечин вышел к Днепру севернее Киева. Ранним утром началось форсирование реки. Старший лейтенант Перепечин переправлялся на лодке-плоскодонке, остальные плыли на плотках, на бревнах, на связанных бочках, одним словом, на всем, что могло держаться на воде.

Фашисты открыли огонь из всех видов оружия. Многие смельчаки погибли, но Перепечину с горсткой солдат удалось добраться до небольшого острова на середине реки. Там и окопались. Держались двое суток. Днем над ними постоянно висели вражеские самолеты, поливали землю из крупнокалиберных пулеметов. По острову вели огонь минометы и артиллерия. Но перепечинцы выстояли, удержали за собой этот клочок земли.

В боях за Киев Петр Мартынович второй раз был ранен. Ранение в голову было столь тяжелым, что вскоре после выздоровления, в 1946 году, пришлось по состоянию здоровья уволиться из армии.

Ветеран 167-й дважды Краснознаменной Сумско-Киевской стрелковой дивизии в 1946 году вернулся на Урал, в свои родные места, где в начале войны и формировалась дивизия. В 1947 году односельчане избрали его председателем сельсовета. Затем он был заместителем председателя Богдановичского городского Совета.

Спидометр нашей машины наматывает вторую сотню километров. Въезжаем в Камышловский район, который соседствует с Богдановичским. Здесь искони хлебные места. Уборка уже в основном завершена, и лента сибирского тракта вьется меж золотистого жнивья.

Перед самым въездом в Камышлов мы увидели небольшой укрытый деревьями домик, а на нем — необычную табличку: «Здесь живет мать Героя Советского Союза **Чертова А. А.**»

Матрону Матвеевну мы нашли в огороде. Золотые шапки подсолнухов качались выше ее головы. Пожилая женщина (ей уже перевалило за семьдесят семь) наполнила нас ключевой водой и повела в избу. Показала нам рукой

на портреты фронтовиков, а сказать что-либо от нахлынувших слез не смогла.

А было это так. Стоял сентябрь, теплый, почти безветренный. Когда взвод разведчиков подошел к берегу Днепра, вокруг все окутала ночь. Лишь одиночные вспышки ракет на какое-то время озаряли реку, затем она снова погрузилась в темноту.

Солдаты действовали тихо, осмотрительно. На воду были осторожно спущены лодки и плоты.

— Вперед! — услышали солдаты голос командира, и десант взял курс на противоположный берег.

Метров тридцать проплыли благополучно. И вдруг луч прожектора, разрезав темноту, скользнул по головам десантников. Тут же фашисты открыли огонь. Били из минометов, строчили из пулеметов.

Лодку, на которой плыл Анатолий Чертов, так качнуло, что солдаты, сидевшие в ней, еле удержались. Кто-то свалился в воду с плота, чей-то стон повис в воздухе.

Но лодка продолжала плыть. Вот и берег. Толя Чертов первым выпрыгнул на берег.

— За мной, ребята! — крикнул он и на ходу открыл огонь.

Десантники стреляли из автоматов, кидали во вражеские окопы гранаты. Тем временем к берегу подплыл и плот...

Сутки стояли насмерть солдаты. Несколько раз гитлеровцы пытались столкнуть разведчиков в Днепр, но безуспешно. Десантники прочно удерживали плацдарм до тех пор, пока через реку не переправились основные силы.

Анатолия на фотографии мы узнали сразу. Молодой паренек с открытым русским лицом, с грустинкой в глазах. Разведчику 955-го стрелкового полка 309-й стрелковой Пирятинской дивизии рядовому Чертову было всего-навсего двадцать три года, когда он стал Героем Советского Союза.

У Матрены Матвеевны и Николая Михайловича было два сына — Анатолий и Бронислав. В 1941 году Анатолий заканчивал действительную службу в армии, но начавшаяся война не позволила ему вернуться домой. Вслед за ним попали на фронт Николай Михайлович и младший, Бронислав. Три солдата было у Матрены Матвеевны на фронте. Последним в 1944 году погиб Анатолий...

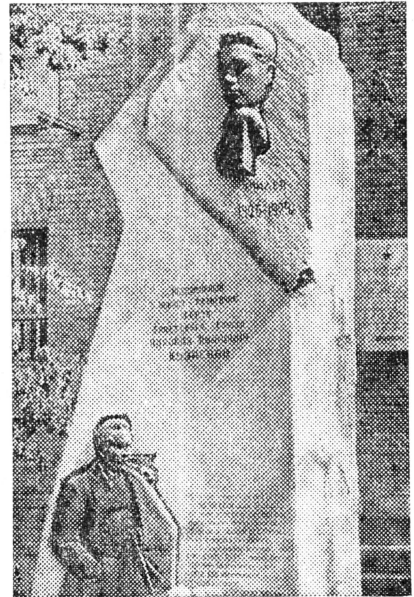

...Автомобиль выезжает на улицу, которая носит имя **Бориса Самуиловича Семенова**. Спрашиваем первую попавшую нам навстречу женщину: давно ли переименовали улицу?

— Да уж больше десятка лет, — ответила она и тут же добавила: — О самом-то Семенове мой сын, наверное, лучше меня вам все обкажет. Учительница их недавно водила к дому, где жили Семеновы, виделись они с матерью Героя...

Позже мы узнали, что камышловские школьники под-

На снимках: Н. И. Кузнецов. Портрет Н. И. Кузнецова, выжженный на фанере учениками 6-го класса школы-интерната № 48 г. Ленинграда. С. И. Брускова с посетителями музея Н. И. Кузнецова. Памятник Н. И. Кузнецову в г. Талице, возле техникума, где он учился.

держивают тесную связь с жителями села Северцы Житомирской области, где находится могила героя.

В двадцатилетнем возрасте старший лейтенант Борис Семенов уже командовал стрелковой ротой. На Днепре, форсировав реку, его рота под огнем врага прямо-таки вгрызлась в занятый фашистами берег. Гитлеровцы вели огонь из всех видов оружия, кидались в атаку, но рота не думала отступать: ее юный командир был не только человеком бесстрашным, но и умел хорошо организовать бой. Сколько раз фашисты поднимались из своих окопов и бросались на роту, но Семенов так расставил огневые средства — пулеметы, минометы, — что в любом месте, откуда бы ни появился враг, его встречал смертоносный огонь. А когда фашисты вынуждены были отступить, Семенов не мешкая поднял роту и буквально на плечах противника наши бойцы ворвались в его окопы.

На Днепре рота Семенова сделала почти невозможное. Она не только сумела захватить плацдарм на берегу реки, но и значительно углубилась в оборону врага, захватив его опорный пункт — село Лютеж.

Гордятся камышовцы и третьим своим Героем — **Степаном Михайловичем Черепановым**. Он погиб в боях за освобождение небольшого венгерского городка Дебрецен.

Один из подвигов, который он совершил, в буквальном смысле не имеет precedента.

Небольшая группа пехоты успешно форсировала Днепр и захватила плацдарм на правом берегу. Трудно пришлось храбрецам, у них было только стрелковое оружие да гранаты, а гитлеровцы бросали против них танки и авиацию. Переправить к ним артиллерию не представлялось возможным: днепровская вода в районе форсирования кипела от разрывов снарядов и мин.

Вот тогда капитан Черепанов и предложил старшему артиллерийскому начальнику с наступлением сумерек переправить орудийные расчеты вплавь, а пушки протаскать по дну реки. Многие засомневались: возможно ли вообще это сделать? Но капитан упрямо доказывал, что маневр можно осуществить без особого риска потерять орудия: он нашел местного жителя, который хорошо знал в этом месте дно реки.

К полуночи батарея С. М. Черепанова была уже на правом берегу. С ходу артиллеристы стали отражать вражеские атаки. Плацдарм был удержан.

Трогательная встреча состоялась у нас с жильцами дома № 39 по улице Ленинградской. Здесь с 1921 по 1940 год жил вместе с родителями Степа Черепанов. Нина Александровна Мокрова хорошо помнит отца героя Михаила Васильевича, с которым она работала на заводе, и мать Анну Егоровну, учительницу одной из школ города.

Пять фашистских бомбардировщиков, прячась в облаках, шли на бомбежку позиций наших войск. Шли без сопровождения истребителей, нагло: знали, что в такую погоду летать трудно.

Но вдруг откуда-то сверху в их строй врезался краснозвездный «ястребок». Один против пятерых. От первых его выстрелов загорелся ведущий самолет врага. Среди фашистов наступило замешательство. А советский истребитель уже стрелой взмыл вверх и изготовился к атаке на нового противника. Четыре вражеских самолета, сбросив бомбы в лес, повернули назад.

За штурвалом советской боевой машины находился лейтенант **Виктор Васильевич Кирилук**, житель города Талицы, выпускник Свердловского аэроклуба. С декабря 1942 года и до конца войны, пока он находился в действующей армии, Виктор Васильевич произвел 610 боевых вылетов и лично сбил 32 самолета противника. Ко дню Победы на мундире отважного авиатора красовалась Золотая Звезда Героя, орден Ленина, пять орденов Красного Знамени, ордена Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, югославский орден «Партизанская слава» I степени и девять медалей.

Неподалеку от Талицы стоит село Зырянка, где в 1911 году родился легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Здесь Ника, так его ласково звали в деревне, начинал познавать нелегкую трудовую жизнь. Мало кто знает о том, что с рождения Кузнецова нарекли Никанором. Это имя ему очень не нравилось и, став совершеннолетним, он сменил его на Николая.

Мы надеялись встретить кого-нибудь из тех, кто знал Николая Кузнецова в те годы, когда он жил в Талице. И вот приятная неожиданность: оказывается, нынешняя хранительница музея Софья Иосифовна Брускова вместе с Николаем Кузнецовым училась в школе-семилетке в Талице. Они даже сидели рядом. У Софьи Иосифовны сохранилась фотография, где они с Кузнецовым запечатлены в группе одноклассников.

Музей размещен в одной из аудиторий лесотехнического техникума, в котором учился будущий разведчик.

В Талице многое напоминает о Н. И. Кузнецове, но есть особенно дорогие горожанам места. Это — сквер имени Н. И. Кузнецова, в котором установлен бронзовый монумент героя.

Здесь и закончился наш маршрут. Но прежде чем отправиться в обратный путь, мы долго стояли у голубых елей перед монументом, вспоминая идущие от самого сердца слова, сказанные когда-то самим Кузнецовым: «Я люблю жизнь, я еще молод, но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это! Пусть фашисты знают, на что способен русский патриот и большевик! Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце...»

ТРИ ЖИЗНИ Николая СТРУКОВА

Документальная повесть

Лев
КВИН

Рисунки
Н. Мооса

**ГЕРОИЗМ — ЭТО ПОБЕДА ДУШИ
НАД ТЕЛОМ.**

Анри АМЬЕЛЬ,
швейцарский писатель.

Каждому из нас дана только одна жизнь, от рождения до смерти. Никто не может жить дважды — таков непреложный закон природы.

И все-таки, хоть и редко, встречаются люди с биографией настолько насыщенной событиями, с такими резкими поворотами судьбы, что, кажется, не может всего такого множества вместить одна-единственная человеческая жизнь. Для этого нужно прожить дважды или даже трижды.

К таким удивительным людям относится и Николай Терентьевич Струков, о котором пойдет речь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Выбор

Однажды кинопередвижка, желанный, но редкий на Алтае по тем временам гость, привезла новый фильм — «Истребители». Молодежь села Соколово, особенно парни, как зачарованные, следили за захватывающими дух полетами и любовными перипетиями смелых летчиков. Не мешало ни надсадное таракхтенье движка за стеной клуба, ни долгие перерывы между частями, когда механик, гордый и важный, словно он сам изобрел кино, включал свет, чтобы перезарядить пленку.

Из клуба возвращались тихие, неразговорчивые.

— Да, это настоящая жизнь! — вздохнул, прощаясь, Саша Кубанов.

Николай промолчал.

А весной, ближе к концу учебного года, в Соколово неожиданно приехал необычный гость — представитель летного училища. Он ходил по селу в красной темно-синей летной форме, с тремя красными кубиками в голубых петлицах — старший лейтенант, весь в новеньких скрипучих, по-особому пахнущих ремнях, старательно оберегая от активно возрождавшейся после зимней спячки грязи свои блестящие хромо-вые сапоги.

На сто верст вокруг славилось село Соколово своей грязью. Не какой-нибудь там особенной лечебной, с высокими исцеляющими свойствами, а самой обыкновенной, липкой киселистой, которая весной и осенью плотно забивала разухабистые сельские улицы.

Грязи хватало и в других алтайских селах. Названия их говорили сами за себя: Ямино, Грязнуха, Землянуха... Но в Соколово из-за свойств глинистой почвы грязь была особой кондиции. В старое время в ней тонули повозки, а позднее стали надолго застревать на своих машинах проезжие шофера-горемыки. Даже тракторы выбивались из всех своих десятков лошадиных сил в неравном единоборстве с густым черным киселем в гигантских чашах луж...

Сельские кумушки взволнованно судачили у колодцев. К кому же заявился старший лейтенант? Вроде родственников у него здесь не имеется. Тем более, что остановился приезжий командир не у кого-нибудь в доме, — в школе.

Загадка, да и только!

Все прояснилось на следующий день. В одном из просторных классов собрали старшекласников. Старший лейтенант оглядел притихших парней.

— Ну, — сказал весело, — рожденный ползать летать не может — это известно. А как насчет рожденных летать?..

Домой Николай ворвался вихрем.

— Я записался в летчики! — восторженно кричал с порога. — Осенью уезжаю в училище!

Мать тихо заплакала, возясь с ухватом у печи. Отец стоял хмурый, положив на стол свои большие, натруженные, крепко сжатые в кулаки руки.

— Никуда не поедешь, — произнес он тихо, но так твердо, как еще никогда не говорил с Николаем.

И первый раз в жизни Николай возразил отцу:

— Нет, поеду! Все ребята записались. А я что — хуже всех?

Мать всхлипнула:

— Убиваются ведь они, сынок! Вон в Бийске...

— погоди, не о том разговор, — остановил ее Терентий Михайлович. — А отцов-матерей вы спросили? Или это теперь уже лишнее? А слово мое сегодня такое: на свои ноги станешь, тогда и решай.

— Но, тятя, послушай...

— Нет! — отец громыхнул кулаком по столу. — Это ты меня слушай!.. Не пойдешь в летчики, ясно? Не пускаю тебя!..

Ушел в летчики Саша Кубанов, ушел и двоюродный брат Николая Виталий. Сам же Николай остался дома. Не смог он послушаться отца. Но про себя решил твердо: все равно поступит в военное училище! Не разрешает отец в летное — хорошо, в летное он не пойдет. Поступит в другое. Не может отец запретить ему дважды.

В августе сорокового вместе со своим соучеником Васей Покровым Николай поехал в большой сибирский город поступать в зенитно-артиллерийское училище. На медицинской комиссии врач-старичок постучал пальцами по широкой груди Николая, попросил его присесть несколько раз, послушал сердце и удовлетворительно кивнул:

— Очень хорошо!

Так Николай стал курсантом военного училища.

В конце сорокового стукнуло ему восемнадцать. Совершеннолетний по всем статьям!

Ох, уж эта правая!

Еще девятилетним Николай повредил себе правую руку. Произошло это так.

В Соколово появились первые грузовые машины. На них возили зерно. Каждый мальчишка считал подвигом хоть немного да прокатиться на новом грузовичке.

Улыбнулось счастье и Николаю. Грузовик с зерном зафыркал, закапризничал и стал возле самого их дома. Николай моментально оказался на улице, а когда шофер справился с неполадками и тронул машину, мальчик заскочил в кузов и, счастливый, уселся на теплом от солнца зерне.

Шоферу это не понравилось. Он, не останавливая машины, погрозил Николаю кулаком. Николай не стал испытывать терпение шофера, решил прыгнуть: ведь он уже и так прокатился. Но соскочил неудачно. Машину как раз подбросило на ухабе. Николай упал и сильно разбил себе локоть.

Расстроенная мать потащила Николая к бабке. Та пошептала-поколдовала над его рукой:

— Ну все. Пройдет, даст бог!

И вручила матери каких-то трав для примочек.

Не помогло. Руку всю разбарабанило, боль не отпускала ни днем ни ночью. Пришлось вести Николая к фельдшеру.

Тот лечил как умел. Потом видит — не помогает его лечение. Направил мальчонку к хирургу в Бийск.

В городской больнице Николая свели на рентген. И тут-то обнаружилось, что у него самый настоящий перелом кости. А времени уже прошло с его падения чуть ли не месяц. Поздно что-либо исправить.

Так и срослась неправильно правая рука Николая. Сгибалась и разгибалась не полностью. Но это ему нисколько не мешало. И окружающие тоже не замечали. Даже врач на медицинской комиссии в военном училище не обратил внимания.

И вдруг беда. Из-за этой самой неправильно сросшейся правой руки.

Шли зимние полевые учения. Курсанты, чертыхаясь и проклиная все на свете, катили в гору тяжелую пушку. Рослый, сильный, Николай ухватился обеими руками за колесо и, упираясь плечом, не давал ему соскальзывать с обледенелой дороги.

Когда пушку, наконец, вкатили на гребень, командир учебной батареи, все время наблюдавший за Николаем, позвал:

— Курсант Струков — ко мне!

Николай подбежал к командиру, отдал честь, молодежато пристукнул каблуками.

— Что у вас с правой?

— У меня? — Николай смешался. — Да так, ничего.

— Как это — ничего? Я же вижу. Ушибли, что ли? Докладывайте!

Пришлось рассказать старую полузабытую историю. Командир заставил его согнуть и разогнуть руку. Удивился:

— Как вы медкомиссию прошли?

И завертелась карусель. Сначала санчасть, потом опять медицинская комиссия. И снова тот самый врач-старичок, который при поступлении в училище заставлял Николая присесть и слушал сердце. Теперь он был еще с одним врачом, помоложе. Оба долго щупали и мяли его правую руку. На сей раз никто не кивнул удовлетворенно, не похвалил: «Очень хорошо!»

— Одевайтесь!

Комиссия признала Николая ограниченно годным к несению воинской службы. Его отчислили из училища...

Отец ничего не сказал, но по его виду было заметно — доволен, тем более, что старший сын — Сергей — давно уже уехал из села, жил в Бийске.

Мать откровенно радовалась:

— Хоть ты теперь с нами будешь. — И утешала: — Насчет руки не печалься. Она у тебя к любому труду пригодна.

Как-то вечером забежал к Струковым председатель сельсовета. Уважительно поздоровался за руку с отцом, с матерью, и сразу к Николаю.

— Что делать-то надумал?

— Не решил еще.

— Послушай, парень, — сказал председатель без всяких обиняков, — хватит тебе думать-гадать. Давай-ка ты лучше ко мне, в сельсовет.

— Печи топить, что ли? — усмехнулся Николай.

— Начальником военно-учетного стола, — торжественно провозгласил председатель.

Николай озадаченно поскреб в затылке, а отец энергично затряс головой:

— Нет, нет! Много чести ему — начальником! Молод еще над людьми командовать.

— Да ты что, Терентий Михайлович! — всплеснул руками председатель, которому очень захотелось заполучить в сельсовет грамотного юношу, который к тому же как-никак знал военное дело. — Какой же это начальник! Бумажки выписывать, в папки раскладывать. Одно название только — начальник. А если по-старому, то писарь, самый что ни на есть писарь!

— Ну, писарем еще куда ни шло, — успокоился отец.

— Вот и я говорю...

Председатель сельсовета хитрил. Не прошло и трех недель, как он выдвинул Николая на гораздо более ответственную должность — секретарем сельсовета.

Горькие вести

Война нагрянула ошеломляюще неожиданной грозой с ясного солнечного июньского неба. Запели свои провожальные песни многочисленные гармошки. Бабы рыдания саднили душу.

В первый же день войны был мобилизован в армию старший брат Сергей. Он не смог даже приехать в Соколово попрощаться с родными. Лишь через два дня доставили его записку на имя отца. Сергей просил не беспокоиться.

Отец возвращался с работы насупленный, хмурый:

— Письма нет?

Мать виновато качала головой и торопливо

собирала на стол. Терентий Михайлович ковырнет два-три раза в тарелке, затем встанет и начинает вышагивать до самой ночи из угла в угол. Никто из домашних не решался заговаривать с ним.

Народу в селе заметно поубавилось. Почти все руководящие должности в организациях и хозяйствах заняли женщины. Председатели колхозов — женщины, бригадиры, звеньевые — все женщины.

Пришла женщина и в председатели сельсовета. Звали ее Елена Михайловна Кулик. Добрая, отзывчивая, работающая, организатор хороший. Свалилось на нее множество самых разнообразных дел. Тут и сбор теплой одежды для фронтовиков, и подписка на военный заем, и размещение эвакуированных, и помощь семьям воинов... А у самой дома растут трое ребятишек, да муж с фронта вестей о себе не подает.

Стали поступать первые извещения о гибели на войне, или, как их тогда называли, похоронки. «Ваш муж... ваш сын... погиб смертью храбрых...»

Иногда представлялось Николаю: летает в непроглядном ночном небе проклятой черной птицей беда, роняет над селом свои черные перья. Они, кружась, медленно опускаются на землю. И там, куда ночью неслышно падают перья беды, раздастся поутру истошный женский вопль. И переглянутся испуганно в других домах:

— Опять похоронка...

Вскоре поступила лихая весть о смерти его племянника Александра. Он, как задумал, стал летчиком, но вскоре погиб в воздушном бою.

И пошло, и пошло... Саша Воробьев, соседский паренек, с которым Николай в раннем детстве совершал налеты на колхозные бахчи — больше, разумеется, из мальчишеского озорства, чем из надобности: арбузы росли чуть ли не в каждом дворе... Алеша Ращупкин — тот самый, который, как орешки, щелкал труднейшие задачи придиричивого математика. Говорили, Алешу посмертно представили к Герою Советского Союза: отличился в бою под Никополем...

Война шла тяжелая, кровопролитная, никого не щадила. При виде почтальонши женщины хваталась за сердце. Девушки в почтовом отделении, рыдая, срывали с себя сумки:

— Не пойду! Не пойду, хоть убейте! Не буду смерть по домам разносить!

Залетело черное перо проклятой птицы и в дом к Елене Михайловне Кулик. Трое ее детишек стали сиротами, а она — солдатской вдовой. Всю ночь прорыдала Елена Михайловна. А утром, опухшая от слез, вышла на работу и стала, как и до этого, заниматься устройством в селе военного госпиталя.

Николай, глядя на нее, черную от горя, скрипел зубами от лютой ненависти к фашистам.

По сельсоветским делам Николаю приходи-

лось бывать в Бийске, и каждый раз он забегал в райвоенкомат.

— Ну, когда же?

В ответ сухая фраза:

— О мобилизации вашей категории приказа не поступало.

— Да что я, черт побери, немощный или инвалид?! — взрывался Николай. — Ворошиловский стрелок, руками подковы гну!

— Не было еще приказа.

— Да поймите же, людей совестно!

Невозмутимо твердят одно и то же:

— Ваша категория мобилизации не подлежит.

— Тьфу ты!..

Так и уходил ни с чем.

И ведь надо же такому случиться! Именно в эту пору Николай... влюбился.

Любовь не пожар...

Отбиваясь от бронированных гитлеровских полчищ, страна одновременно производила массовое перемещение на восток промышленных предприятий. Многочисленные эшелоны, растянувшиеся от Ленинграда и Одессы до Красноярска, Иркутска, Читы, везли на своих платформах не только станки и прочее заводское оборудование. Они везли еще и ростки будущей победы. Совсем крошечные, слабые, но уже приметные зоркому глазу.

Один из таких эшелонов, направляющийся через Алтай в Казахстан со станками Харьковского тракторного, не смог преодолеть крутого подъема на однопутной дороге. Маломощный паровоз, выбиваясь из сил, пыхтел чуть ли не полдня, а затем, окончательно признав свое поражение, погнал эшелон задним ходом на небольшую железнодорожную станцию Рубцовку. Оттуда дали телеграмму в Москву: «Как быть?» Ответ гласил: «Попытайтесь разместиться на месте».

Станки выгрузили в деревянные, типа сараев, железнодорожные склады. Меньше чем через восемь месяцев отсюда пошла на фронт первая продукция. Здесь возникло новое предприятие тяжелой промышленности, известное ныне всей стране и далеко за ее пределами — Алтайский тракторный завод.

Очень тесно стало и в маленьком Бийске. Пришлось срочно переводить в близлежащие села некоторые мелкие предприятия и организации.

Разумные и заботливые люди решили направить в Соколово Бийскую зональную школу для слепых детей. В деревне лишненным зрением ребятам и поспокойнее будет, и с питанием все-таки полегче.

Так появились в Соколово, где все знали друг друга и здоровались при встрече, незнакомые лица.

Среди новеньких Николай заметил смуглую черноглазую, сразу понравившуюся ему девушку.

Однажды девушка встретилась ему на опушке бора. Она вела на прогулку ребятшек. Устремленные вдаль неподвижные взгляды говорили о их слепоте. Девушка увлеченно рассказывала о бело-розовых в лучах заходящего солнца стволах берез, о золотистой дымке, окутавшей пышные кроны сосен...

Поравнявшись, Николай поздоровался. Она не ответила.

Николай не обиделся, понял. Девушка даже и не услышала его. Ей важно сейчас только одно: чтобы дети ощутили то, что ощущает она, чтобы дошла до них красота угасающего осеннего дня.

Он долго смотрел вслед медленно удалявшейся группе...

Передвижка привезла первый фронтальной кинобортик, включивший в себя несколько короткометражных фильмов о войне. Народ валом повалил в клуб. Николай едва успел ухватить для себя местечко с самого края.

Фильм, видать, уже до Соколово порядком поистрепали. Лента все время рвалась, то и дело вспыхивал свет. Совсем еще юный паренек, заменивший ушедшего в армию опытного механика, нервничал, покусывая губы. Но никто не шумел, никто не ругал его, не топал ногами. Все терпеливо ждали. А когда снова раздавался стрекот аппарата, следили за разворачивающимися на экране событиями затаив дыхание.

Еще во время сеанса Николай заметил в двух рядах от себя приглянувшуюся ему смугляночку. Когда фильм кончился, он, не без некоторых усилий, оказался на выходе рядом с девушкой.

— Здравствуйте,— поздоровался, широко улыбаясь, как со старой знакомой.— Где это я вас уже встречал, а?

Она скосила на него веселые глаза:

— Вероятно, в Москве. Где же еще?

— Нет, там бывать не доводилось.

— Мне тоже,— рассмеялась девушка.

Пошла у них обычная в таких случаях веселая пикировка.

Не успели разговориться — вот уже и школа слепых.

— Знаете что,— насмелился Николай,— давайте пройдемся немного. Такой хороший вечер! Весь день пылица, а теперь и ветер унялся, тихо.

— А куда? Далеко мне нельзя.

— Ну хотя бы до берез и обратно.

Березы называли единственным зеленым пятнышком в центре села, где до начала войны любила топтаться по вечерам молодежь. С десятка старых, неведомо когда и кем посаженных берез, несколько чахлах кусточков.

До берез метров триста, а шли туда и обратно часа два. Николай узнал, что зовут девушку Марией. Она коренная бийчанка, отец работает

начальником пожарной охраны. Окончила десять классов, и вот ее первая работа, в школе для слепых детей...

Домой Николай не вошел — ворвался. Схватил мать, поднял, закружил по кухне. Щелкнул небожно по носу выскочившую на шум из комнаты младшую сестренку.

— Ошалел! — испуганно шарахнулась та...

В народе говорят: любовь не пожар, а разгорится — не потушишь. Да, пожар запольхал славный! Не прошло и двух месяцев, как Николай вернулся с вечернего гулянья не один.

— Вот, дорогие родители, знакомьтесь, пожалуйста. Жена моя, Мария Александровна. Прошу любить и жаловать!

Мать, до которой сарафанное радио донесло уже кое-какие слухи, сразу пустила слезу, смутив еще больше и без того смущенную новоиспеченную невестку. Отец, всегда твердый и молчаливый, и на сей раз остался верен себе:

— Время чай пить, мать!

Пододвинул к столу табурет, звонко хлопнул по сиденью ладонью:

— Садись, Мария. Твое место вот тут...

Но судьба словно ждала этого часа, — недолгим было счастье Николая и Марии. Пришла повестка: «Вам надлежит пройти переосвидетельствование...»

В Бийске Николай, посмеиваясь, выслушал, как медики, бегло осмотрев его, продиктовали в протокол, что «несколько травмированная рука гражданина Н. Т. Струкова не может являться препятствием к несению им воинской службы». Ведь всего каких-нибудь полтора года назад их коллеги на медицинской комиссии в училище с непрекаемой категоричностью, несмотря на все просьбы и мольбы Николая, заявляли, что нельзя, ну никак нельзя служить в армии с поврежденной рукой!

Что ж, все понятно. Изменилось время, изменились и критерии.

Еще несколько дней дома в ожидании призыва — и вот уже Николай держит новую повестку, предписывавшую явиться на сборный пункт, имея при себе «смену белья, ложку, кружку».

Терентий Михайлович напоследок сдал. Постоянная выдержка изменила ему, и он глухо и неумело зарыдал, припав к груди сына. Тот оторопел. Слезы матери — это было привычно. А вот отца он увидел плачущим первый раз в жизни. Николай гладил его по морщинистой мокрой щеке и повторял растерянно:

— Будет, тятя, будет... Что тут такого?

А вот Мария просталась без крика, без слов. Николая это даже слегка задело. Других вот мужей как жены провожают — всему селу слышно.

Лишь в последнюю минуту у Марии вроде бы дрогнул голос, и она шепнула тихо-тихо:

— А ведь у нас с тобой ребеночек будет.

— Что?!

— Да, Коленька, да...

Он не знал, радоваться или печалиться. Время-то какое! С ним самим что еще будет, неизвестно. Впереди фронт.

Мария смотрела на него со спокойной улыбкой. Лишь в глубине ее черных глаз едва угадывалась накрепко схороненная тревога.

Вблизи передовой

Вскоре, в учебном подразделении Николая чуть-чуть пообкатали — и в маршевую роту. Не было никакой надобности долго обучать парня азам военного дела. Он все это постиг за полгода в училище.

Начало осени в Подмоскowie — чудесная пора. Но когда ты с полной солдатской выкладкой, со скаткой через плечо, с винтовкой в руках, с неудобным круглым котелком, который колотит тебя в бок, целый день с утра до вечера то бегом, то ползком штурмуешь учебную полосу препятствий или совершаешь в строю форсированный марш по пересеченной местности, а попросту говоря, несешься во весь дух по бездорожью, лишь изредка переходя на быстрый шаг, и пот с тебя в три ручья хлещет, и гимнастерка на спине вся взмокла, тут уж не до красот природы.

После целого дня утомительных занятий ужасно хотелось есть. А питание было более чем скромным — все лучшее отдавали фронту. Шестисот граммов хлеба, два раза в день жиденькая баланда, по верху которой гонялись друг за другом мелкие кусочки американской баночной колбасы. Солдаты не без юмора прозвали эту колбасу «вторым фронтом»: поддерживают, мол, союзники харчем — и то ладно.

Среди постоянно ошивавшихся возле кухни Николай заприметил шустрого востроносого паренька из соседней роты. Ребята рассказывали: он из местных, раз-два в неделю мать притаскивает ему кулечки с сухарями. Часть он сгрызает при ней, у проволоки возле караулки, остальные плотно набивает карманы. Ночью в землянке, из-под шинели, которой востроносый накрывается с головой, долго слышится торопливое «хруп-хруп»...

Были случаи, правда, редко, когда с доставкой хлеба запаздывали. В такие дни хлеб выдавали не к завтраку, а поздно вечером. Командир отделения Николая, сержант Бурицкий, шутил, хлебая в обед пустую баланду:

— Бывают в жизни огорченья: хлеба нет — едим печенье.

Бурицкий, человек уже немолодой, лет сорока, очень нравился Николаю. В гражданке он занимал ответственную должность в Главсевморпути, имел в своем подчинении сотни людей. И вместе с тем был чрезвычайно простым. И очень веселым. Смотрит, приуныли ребята — дождь полил

на полевых занятиях или просто так, крепко устали. Сразу же скривится, скособочится, залопочет что-то на непонятном лающем языке. Поднимается хохот: Геббельс да и только! Или раздуется, ходит важно, неся перед собой несуществующее, но с предельной точностью обозначенное пузо. Все угадывают: Геринг! И Гитлера тоже изображал так, что все со смеху падали.

Но когда требовалось, Бурицкий мог не только шутить.

Одно время в роте шла молчаливая, но упорная война со старшиной. И вот из-за чего. Ровно в одиннадцать вечера звучал сигнал отбоя. И ровно в одиннадцать вечера начиналась передача очередной военной сводки Совинформбюро. Солдаты собирались к черной тарелке репродуктора. Лица их были суровы. «Наши войска оставили Севастополь... оставили Ворошиловград... оставили Ростов». Фашисты рвались к Волге.

Приходил старшина и молча выдергивал из розетки вилку репродуктора.

— Товарищ старшина! Дайте хоть дослушать!

— Отбой был. Не слышали?

— Так сводка ведь!

— Разговорчики!

И угрожал непослушным взысканием.

Бывало, что с самого отбоя старшина и вовсе не отходил от репродуктора, не разрешая его включать.

Солдаты и младшие командиры ворчали, но сделать ничего не могли. Армейский распорядок! Против устава не пойдешь.

Один Бурицкий не смирился. Пренебрег угрозами старшины и, нарушив установленные правила, обратился с жалобой прямо к командованию части.

Неожиданно явился к отбою полковой комиссар и потребовал от старшины при всех объяснить причину своего упорного нежелания включать радио во время передачи сводок.

Оказалось, старшина действовал так не из вредности, как считалось в роте. Учитель по специальности, еще молодой, без особого опыта, он решил, что полезнее будет солдатам не слушать безрадостные фронтовые известия.

Мешковатый пожилой комиссар выслушал его взволнованные объяснения. Помолчал немного, произнес глухо:

— Правда всегда полезней. И для малых ребятшек, и, тем более, для солдат. Злее будут!

И сам воткнул штепсель в розетку...

В конце ноября дивизия погрузилась в эшелоны и отбыла на Волховский фронт.

На передовую попали не сразу. Долго стояли в низкорослом болотистом лесу. Жили в шалашах из еловых лап — почва тут такая, что даже неглубокой землянки вырыть нельзя. Чуть копнешь — сразу вода.

С темна до темна военная подготовка, а потом домой, в шалашах. Разведут там костры,

оставят дежурного подбрасывать поленья и следить, чтобы никто из спящих не подпалил одежду. Но какой это сон! С одной стороны припекает, с другой обдает сырым пронзительным холодом. А тут еще простывший сосед бухать начнет в самое ухо. Встанешь посреди ночи, сядешь к костру и клюешь носом, подставив огню продрогший бок.

Ближе к январю стали на занятиях все чаще взятие бруствера отрабатывать. Днем сооружали из снега высокий вал, заливали водой, чтобы подмерз. А по ночам поднимутся по тревоге — и на штурм.

Ясно стало: готовят их не к оборонительным боям. Солдаты поопытнее — а были в роте и такие, что возвращались на фронт после ранения, некоторые даже после второго — воспрянули духом.

Как-то вечером провели общее построение полка. Выступил с речью комиссар: «Вас ждут голодные и измученные дети Ленинграда...» Потом на импровизированной сцене из составленных в ряд нескольких грузовиков дал свой концерт фронтовой ансамбль. Сначала спели с чувством «Вставай, страна огромная!». У Николая мурашки бежали по коже и сами собой сжимались кулаки. Затем пошли удалые солдатские песни, веселые частушки в исполнении «самого Гитлера», подвязанного цветастым бабьим платком. «Потеряла я колечко», — выводил, подвизгивая, артист, явно намекая на Сталинградский котел, где Красная Армия добивала окруженных фашистов.

Вернувшись с концерта в шалаш и хлебая на ужин необычно густой пшенный суп с салом, солдаты единодушно решили, что Гитлер в ансамбле все же никудышный. То ли дело их Бурицкий!

Легли спать взбудораженные, веселые. А ночью снова — привычная уже тревога. Кто-то проворчал:

— Могли разок и пропустить, мы бы не были в обиде. Да и мороза-то никакого, бруствер весь потек.

Но тут последовал необычный приказ:

— Гасить костры в шалашах!

На сей раз тревога оказалась совсем не учебной. Дивизия за ночь совершила марш-бросок на тридцать километров.

Рано-рано утром рота Николая остановилась на кромке леса. Впереди взлетали ракеты, озаряя мертвенно-желтым светом унылую низменность. Изредка взлаивали пулеметы, посылая в небо длинные разноцветные цепочки трассирующих пуль.

Передовая...

— Отрыть индивидуальные окопчики! — следовала по цепи короткая команда.

Отрыть-то отрыть, но как это сделать? Сверху все замерзло, а прорубишься лопатой сквозь мерзлоту — вода прорывается.

Еще не рассвело, когда из сотен стволов оглушительно ударила артиллерия. Бывалые фронтовики сосредоточенно всматривались в тусклую сиреневую пелену, где вспыхивали и мгновенно гасли огненные цветы: ну, разворотит фрица или не разворотит? А молодые бойцы ошалело переглядывались. Значит, это и есть артиллерийская подготовка? И правда, бог войны!

В заключение пропели «катюши», если можно назвать пением громopodobные звуки, сопровождающиеся визгом, раздирающим душу. Немецкая сторона залилась сплошным огнем.

Затем на несколько секунд все стихло.

И в этой внезапной тишине громко прозвучал голос командира роты:

— Вперед!

Николай поднялся и вместе со своей ротой побежал туда, где только что бушевало яркое пламя разрывов, а теперь темно-серое предрасветное небо сливалось с такой же серой землей.

Бой первый... и последний

Очень часто в первом наступательном бою необстрелянного новичка охватывает тягостное ощущение какой-то бестолковости, хаотичности происходящего. Но бестолковость эта мнимая, кажущаяся. Солдату ведь сообщают только его собственную ограниченную задачу, ну, может быть, еще задачу подразделения. Ему неведомы планы наступления, детально и тщательно разработанные оперативниками в штабах полков, дивизий, армий, всего фронта. Не знает солдат и не может знать и направления главного удара, хотя каждый убежден, что именно он находится на самом острие наступления.

У Николая в первые часы наступления тоже возникало подобное чувство. Задача как будто поставлена ясная: подобраться к поселку и взять электростанцию, которую фашисты окружили железобетонными дотами и превратили в настоящую крепость. Но почему они всей ротой бегут не прямо к поселку, а куда-то в сторону? Откуда вдруг по ним открыли такую пальбу из минометов? Неужели немцы? Ведь во время артподготовки снаряды на той стороне все перепахали, он сам видел. Или, может быть, наши минометчики ошиблись и лупят сдуру по своим? Так почему же им никто не сообщит? Что за бестолковщина такая?

Но вскоре, чуть пообвыкнув, он сообразил, что мины эти не свои, а немецкие. Противный вой, сопровождавший их полет, возникал со стороны поселка. Сначала едва слышный, на высокой ноте, он быстро нарастал, переходя на бас. А затем мина теряла скорость, падала и разрывалась с оглушительным треском. Важно было по изменяющемуся звуку уловить момент ее падения и успеть броситься на землю.

Это у Николая получалось, пока противник пристреливался одиночными минами. А потом они пошли целыми стаями, завывая не хуже голодных волков. И стало почти невозможно различать, какой миной следует пренебречь, а перед какой пасть ниц, ни секунды не раздумывая.

Совсем рядом с Николаем рванула мина — он даже присесть не успел. Над головой тоненько пропел рой осколков. Кто-то в цепи громко ойкнул и покатился с горки, по ровной мерзлой земле.

— Вперед! Вперед! — У командира роты сел голос, но он все кричал и кричал.

Вблизи затыкали наши «сорокапятки» — эти небольшие пушконки шли в атакующих порядках пехоты. И, словно притянутые ими, тяжелым градом ударили фашистские снаряды и мины.

Николай, задыхаясь от волнения и бега, свалился за торфяную скирду. Их было немало разбросано по всей низменности. Очевидно, прежде тут велись торфоразработки.

На глазах убило сержанта Бурицкого. Большой осколок разорвавшейся рядом мины угодил ему в грудь. Бурицкий даже не охнул.

Под огнем противника на какие-то мгновения залегла вся рота.

— Сержант! Ну, сержант! — ошалело тормозил Бурицкого Николай.

Где там!..

— Вперед!

Командир роты поднялся первым и побежал. Он словно позабыл все другие слова, кроме этого краткого «вперед!», которое выкрикивал хрипло и яростно. Николай и другие солдаты, залегшие возле скирды, рванулись вслед за ним.

За целый день боев продвинулись в направлении поселка километра на полтора. Угнетало, что так и не увидели ни одного убитого врага. А ведь столько стреляли. И попадали, кажется, тоже. Завороженные они, что ли?

Секрет был прост, и позднее солдатам разъяснили его политработники. Тогда еще немцы, отступая, уволакивали не только своих раненых, но и убитых. Чтобы добиться, так сказать, психологического воздействия на противника. Что ж, в известной степени это им удавалось.

День был кошмарный. Но и ночь тоже. Несмотря на то, что прошла она сравнительно спокойно, все воспринималось как в тяжелом бреду. Страшно хотелось пить. Рано утром, перед началом артподготовки, солдат накормили селедкой, и Николай, обрадовавшись редкому в армии лакомству, умял целых две порции — за себя и сержанта Бурицкого, еще не списанного с довольствия. Воду из фляжки Николай давно уже выхлестал, а больше взять негде. Даже снега нет — земля вся перепахана снарядами и минами. А в старых воронках, где снег еще кое-где сохранился, стонут раненые, ожидающие эвакуации.

Так пролежал Николай в полудреме, одолеваемый жаждой и холодом, за очередным торфяным стогом, подстелив под себя сложенную вдвое плащ-палатку — по примеру более опытных солдат.

Бредовая ночь сменилась таким же бредовым днем. Николай потерял представление о времени. Опять он полз, бежал, укрывался, стрелял, снова полз.

К вечеру поселок словно вырос. Стали различимы дома, сарай, голые деревья в палисаднике. Но огонь противника стал еще более плотным. Рота несла большие потери. Николай удивлялся только одному: других убивает, ранит, а вот его еще нет. Почему так?

Опыт на фронте приобретает быстро. На четвертый день с начала наступления Николай уже чувствовал себя старым воякой. Без нужды не кланялся всякой мине. Не палил из винтовки в белый свет, а тщательно прицеливался. Пробежав, не плюхался без разбора, где придется, а заранее, еще до того, как вскочить, выбирал бугорок или ложбинку, куда следует приземлиться после очередной перебежки.

Беда пришла поздним вечером. На этот раз темнота не прервала наступления. Бой шел уже у самого поселка. Фашисты явно слабели, и атакующие усилили нажим.

Николай как раз прилачился перемахнуть через плетень, отгораживающий фруктовый сад с ровными рядами кустов и низкорослых деревьев, когда услышал басовитый вой. Мина на излете!

Кинулся к торфяной скирде, а мина как раз в нее и жახнула. И сразу страшная боль.

Швырнуло на землю, но сознания Николай не потерял. Вскочил — смотрит: весь его уже не белый маскхалат в клочья. И кровь... Правая рука перебита в локте. Ни поднять, ни пальцами пошевелить.

Хотел ее левой тронуть, а на той тоже пальцы раздроблены. И кровища хлещет!

Николай встал во весь рост и пошел. А бой продолжается. Рвутся снаряды, мины, пули свистят. И горит торф, освещая трепетным неверным светом искореженную землю с сереющими рваными пятнами грязного снега.

Руки болят — сил нет терпеть. И хуже боли — ощущение того, что правая рука держится лишь на каких-то лоскутках. Чувствует Николай — нет у него больше правой руки. Но надежда еще теплится. Может, пришьют хирурги, всякое ведь бывает. Главное, скорее до медиков добраться.

Прошел с километр или чуть побольше. Слышит, из воронки кто-то голос подает:

— Эй, землячок, далеко ли?

Поднялся оттуда солдат. Показалось Николаю — тот самый, востроносенький, который все по кухням ошивался да сухари по ночам грыз.

— Что с тобой?

— Не видишь, что ли?

— Ох ты, мать честная!.. Дай-ка я помогу. Тут палатка санитарная неподалеку. Доведу тебя, а то самому тебе ни в жисть не добрести, не добраться.

Николай оперся плечом на востроносого. Идти стало легче. Подумал: зря про него ребята всякое плели. На серьезную поверку добрым товарищем оказался.

Прошли еще с километр. Раза два их оклика-ли из темноты:

— Кто такие? Куда?

— Раненого веду,— торопливо отвечал востроносый.

Совсем пусто вокруг стало. И тихо. Лишь изда-далека доносятся приглушенные звуки боя. Востроносый остановился.

— Чтой-то я и сам заплутал. Можешь без меня постоять тут?

— Попробую.

— Пойду я, поищу. Потом за тобой вернусь. Ты жди.

Сделал шаг в сторону — и тут Николаю слов-но в голову стукнуло. Да уходит, уходит востроносый от него! Дезертир он, вот кто! Смыться ему надо было с поля боя, так он им, раненым, словно щитом прикрылся. А теперь Николай ему больше не нужен, вот и бросает одного среди ночи.

— Ты куда? — заорал Николай.

Тот молчит, глазами моргает, лицо виноватое. И воровато в темноту... Скрылся!

— Ну, гад! — выругался вслед Николай.— Жаль, пристрелить тебя, дезертира проклятого, не могу!

Лишь потом сообразил он, что востроносый мог его сам пристрелить. Зачем ему, спрашивается, такой свидетель?

Морозец хорошо взялся. Николая начало ки-даться из стороны в сторону — кровь-то уходит! Спотыкаться стал часто, падать. Поднимется с трудом, протащится несколько шагов — и опять падает.

Откуда-то повозка надвинулась, запряженная парой низкорослых монгольских лошадок. На таких повозках подвозили боеприпасы к пере-довой.

— Куда прешь, ослеп, что ли? — накинулся на Николая пожилой ездовой. И тут же осек-ся: — Погоди, да ты же...

Покачнулась под ногами земля. В глазах по-темнело. Упал Николай.

Было это в ночь на семнадцатое января сорок третьего года на Волховском фронте. Шли ожесточенные бои. Наши прорвали блокаду Ленин-града.

Так завершилась первая жизнь Николая Струкова. Жизнь обыкновенного сибирского пар-ня из алтайского села, работающего, общитель-ного, веселого, чуточку бесшабашного, от роду ровно двадцати лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Какого ты года, дядя?»

Впервые кратковременно пришел в себя он в тряске кузова грузовой автомашины. В сердце такая боль, словно туда нож вогнали. Николай сделал попытку повернуться. Боль стала еще острее.

Все поплыло, поплыло...

Потом ощутил тепло. Тряски больше не было, сердце тоже не болело.

С усилием открыл глаза. Двое в белом стоят над ним и сосредоточенно режут гимнастерку. Хотел сказать: «Вы что! Зачем добро портить — можно ведь снять!» Но не смог. Лишь шевельнул во рту языком, вытолкнул едва слышный хриплый звук.

Даже это усилие оказалось непомерным. Сознание отключилось.

В следующий раз очнулся от громкого голоса: — Голову, голову ему крепче держите!

Сжали голову, как в тисках. Все-таки вывернулся, посмотрел вправо — а руки-то и нет!

— Наркозу! — снова тот же повелительный голос. — Наркозу еще!

Наркоз?.. Значит, идет операция?..

И снова забытье...

Полмесяца пролежал Николай в шоковой палате медсанбата между жизнью и смертью. Шоковая — это для самых безнадежных. Позже рассказали ему: когда поступил, пульс был четыре удара в минуту. Врачи не верили, что выкарабкается. Все-таки молодой, здоровый организм пересидел.

Сознание то приходило на несколько минут, то уходило снова. Один раз из забытья Николая вывел едва слышный стон-выдох с соседней койки:

— Умираю!

Николай собрал все силы, крикнул почему-то:

— Люди!

Вбежали сестра, врачи. С соседом что-то делали, какие-то уколы, какие-то аппараты рядом с Николаем ставили на стул. Он видел все это как сквозь туман. Туман сгущался, сгущался...

А однажды его привели в себя легкие прикосновения чьих-то прохладных рук. Открыл глаза — над ним склонилась женщина-врач, выслушивает. Молодая, красивая. Заметила, что он смотрит, улыбнулась:

— С добрым утром!

Николай почему-то удивился:

— Уже утро?

— Утро — и еще какое! Солнечное, морозное.

— Доктор, доктор! — вспомнил Николай и беспокойно зашевелился; койка под ним заскрипела. — А поселок-то наши взяли?

— Какой поселок? — не поняла врач.

— Ну тот, на пригорке. Где электростанция эта.

— А-а... Давно уже, две недели назад. Блокаду Ленинграда прорвали, поезда теперь туда ходят. Начальник политотдела в санбат приходил. Поздравлял вас всех.

Значит, прорвали. Значит, все-таки не зря...

В тот же день из шоковой палаты Николая перенесли в обычную. Там размещалось человек восемь с самыми разными ранениями. Звучали смех, шутки. Николай лежал, отвернувшись к стене. В общий разговор не включался, молчал. От всех расспросов отделивался односложным «да», «нет». И все думал, думал.

Правой руки у него нет. С ногами тоже не все ладно. Сильно подморозил правую, пока брел или когда в кузове везли. Медики уже и пальцы на ней шипцами пообкусывали, и мясо срезали. Но, говорят, нога, в общем, будет в порядке.

И еще левая рука... Вот она, лежит, аккуратно спеленутая, как ребенок, поверх одеяла. Пальцы были раздроблены, это он хорошо помнит. Но теперь боли никакой нет, даже если чуть пошевелить. Срослись, наверное?

Срослись, срослись! Не может ведь ему так не повезти!..

Стали готовить раненых к отправке в тыловые госпитали. Николай завернули в теплый конверт; он еще слабый был, не только ходить — стоять сам не мог. Погрузили в теплушки. В каждой печурка, запас дров на время пути — все чин по чину. И покатили потихоньку, то и дело уступая главный путь эшелонам с танками, с пополнением, с продовольствием для изголодавшегося Ленинграда.

В Тихвине на них налетели «мессершмитты». Жутко завывали бомбы, от близких разрывов ломило уши. Все, кто мог хоть как-то передвигаться, бросились из теплушек в открытые на всей территории станции щели. Николай не мог. Медицинская сестра металась у двери вагона, не решаясь оставить его одного. В больших серых глазах без труда прочитывался ужас.

— Беги, сестричка, беги! — уговаривал ее Николай. — Мне ничего не делается! Я ведь у самой стенки. А в тебя, того гляди, угодит!

Она заплакала, побежала. Вагон подпрыгивал на рельсах, будто в лихой пляске. Николай лежал совсем один. Страх не было, лишь неотступно давили тяжелые думы. Если и с левой у него не обойдется... Лучше пусть сейчас...

Оглушительно рванула бомба — совсем рядом. Взрывной волной высадил стекло в теплушке.

Бомбежка кончилась, и раненые, подшучивая над только что пережитыми страхами, вернулись в свой вагон. Николай замотанной в бинты левой рукой счищал с одеяла сверкающие крупинки. Его всего засыпало осколками...

В Череповец, где размещался госпиталь, еще-

лон прибыл поздней ночью. Шестнадцати-семнадцатилетние девчушки-санитарки, хрупкие, бледные, полупрозрачные от недоедания и недосыпания, тяжело дыша, растаскивали вновь прибывших раненых, или — как они теперь официально величались — ранбольных, по этажам.

К носилкам, на которых лежал Николай, ожидая своей очереди, подошла регистрационная сестра. В руке огромная амбарная книга. Глянула мельком на Николая:

— Как звать-величать?

Он сказал.

— Сколько лет?

— Двадцать.

Сестра нахмурилась.

— Я спрашиваю, сколько вам лет, — она сделала ударение на «вам». — Непонятно, что ли?

— А я отвечаю. Мне двадцать.

Ее измученное землистое лицо скривилось.

— Ты, дядя, брось со мной шутки шутить! И тебе по возрасту не пристало, и мне ни к чему... Когда ты рожден? Год, месяц. Ну!

— Двадцать второй год, декабрь.

Все еще не веря, сестра вытащила из-под подушки его документы. Прочитала и ахнула:

— Боже ж ты мой!..

В первый же день на перевязке Николаю не понравился взгляд, которым обменялись хирурги, осмотрев его раны. Но он отнес его за счет правой культы, которую снова пришлось прооперировать, а потом еще и еще несколько раз, укоротив ее до самого плеча.

Николай не знал, что шла отчаянная борьба за его вторую руку, которую поразила гангрена. Врачи все не решались резать — шутка ли, лишить обеих рук такого молодого парня!

Но настал момент, когда медлить больше нельзя было. Хирург пришел к Николаю в палату, подсел к его койке.

— Ну, герой, как дела?

Николай насторожился.

— Ничего...

— М-да! — хирург помолчал, и у Николая в предчувствии недоброго сжалось сердце. — Давай, решать будем. Надо удалять пальцы на левой руке.

— Как?! — вскрикнул Николай. — Все?

— Все... — хирург отвел взгляд. — И, если честно сказать, боюсь, пальцами еще не ограничиться. Понимаешь: гангрена!

Николай резко отвернулся. Впервые за все время у него брызнули слезы. Не расставался он до сих пор с надеждой, что хотя бы три, хотя бы два пальца на левой руке да уцелеют...

Очнулся после операции. На месте укороченной левой — моток белоснежных бинтов.

Так тяжело стало — хоть не живи на свете.

Целые дни, а особенно ночи Николай проводил в черных раздумьях. Все! Все! Его песенка спета. Рук у него больше нет. А что такое чело-

век без обеих рук? Что он может? Кому нужен? Мало того, что на жизнь себе заработать не сумеет,— его же кормить, как младенца, надо. Кружку с водой и ту ему ко рту поднеси... Обуза для всех. «Примите на вечное иждивение, будьте добреньки!» Отец с матерью, конечно, примут, на то они и родители. А Мария?.. Да, она хорошая, добрая, любит его. Может, из жалости и останется. Но он сам не имеет права портить ей жизнь, он сам должен уйти!

А ребенок? У Марии не сегодня-завтра родится ребенок.

Ну и что? Пусть лучше останется с одним ребенком, чем еще и с беспомощным мужем. Ребенок вырастет, станет помощником. А он таким навсегда и останется...

Нет, нет, надо уйти из ее жизни. Сейчас это проще всего. Не писать ничего домой — и конец. Война! Пропал без вести Сергей — и он тоже. Погорюют-погорюют и постепенно забудут.

Ох, как ему не повезло? Ведь даже сделать с собой он ничего не может. Если только разбежаться, как следует, и треснуться головой о каменную стенку...

Зря, как зря тогда, во время бомбежки на станции, не пристукнуло!

Он ничего домой о себе не сообщал. Шли дни, недели...

Лишь однажды, после концерта, который дали в госпитале местные школьники, шевельнулось у Николая чувство виноватости перед родными. Крохотуля-первоклашка с трогательными хвостиками косичек, украшенных вместо лент вплетенными цветными тряпочками, прочитала стихотворение о маме. Никакого отношения не имели эти бесхитростные стишки ни к войне, ни к фронту, ни тем более к его ранению. Но Николаю сразу вспомнилось босое детство, мать с ведрами на коромысле. Вспомнилось, как радовалась она его возвращению после неудачи в училище. Из-за той самой бывшей правой руки.

Николай быстро представил себе, как каждое утро мать выходит к калитке и ждет почтальона. Нет, она не спрашивает, есть ли письмо. Просто провожает взглядом девочку с кожаной сумкой через плечо, вздыхает тяжело и возвращается в дом, смахнув украдкой слезу. А дома Мария. Посмотрит на мать и ничего не спросит. Ведь все ясно и без расспросов. Может, утешит только: «Завтра будет обязательно! Вот увидите, мама!»

Нет, нельзя так! Надо им написать. Если бы погиб — это одно. А пока жив, не должен их мучить!

И он решил твердо: надо написать!

Всю ночь думал — как же подготовить домашних к случившейся беде? А утром попросил соседа по койке, раненного в ногу.

— Листок бумаги лишний есть?

— Давно бы так! — обрадовался тот. — Я тебе когда еще говорил.

— Давай, давай, пиши!..

Письмо получилось жизнерадостным, бодрым, даже веселым.

Николай сообщал и о прорыве блокады Ленинграда, о чем дома, разумеется, уже давно знали из газет и по радио, и о том, что кормят на фронте хорошо, что здоровье у него отличное. И лишь в самом конце письма, как бы между прочим, сообщил, что в настоящее время находится в госпитале на излечении, ранен в правую руку.

Продиктовал «в правую» — и спохватился. Нет, не надо насчет правой, дома сильно горевать будут.

— Погоди, — остановил товарища. — Пиши лучше — «в левую».

А тот уже все написал. Как быть? Не переписывать сызнова. Зачеркнул аккуратно, вывел сверху: «в левую».

Дома получили письмо, рассмотрели зачеркнутое место на свет. «В левую», «в правую»... Что-то тут не так. И, конечно, заподозрили неладное.

Только сам Николай об этом потом узнал, когда домой вернулся.

В Череповце он пробыл недолго. Потом пошли тыловые госпитали один за другим: Вологда, Верещагино, Пермь... Легко раненных оставляли на месте, а таких, как Николай, отправляли все дальше и дальше на восток.

И, наконец, уже весной, в марте, в составе большого сборного эшелона проследовал Николай за Уральский хребет, в Иркутск, в специальный ампутационный госпиталь.

Новосибирск проезжали ранним утром. Николай в тамбуре прильнул горячим лбом к прохладному стеклу. В трехстах километрах отсюда мать, отец, Мария, Сергей...

Да, Сергей. Знал уже тогда Николай — сын у него растет. Сергеем назвали. В честь брата, пропавшего без вести.

Терпеть — и только!

В Иркутске, в специализированном госпитале, за ранеными был налажен великолепный уход. Медицинский и обслуживающий персонал как на подбор. И врачи, и сестры, и нянечки — терпеливые, мягкие, вежливые. Стремилась создать вчерашним фронтовикам, навсегда вышедшим из армейского строя, наилучшие условия. И чтобы раны быстрее зажили, и чтобы обрели большие душевное равновесие. Ведь не так-то просто крепкому, полному сил человеку свыкнуться с мыслью, что теперь он полный инвалид.

Решил Николай попробовать хотя бы писать самостоятельно. Придумал как это

сделать. Во время очередной перевязки попросил сестру прибинтовать к культе карандаш. Вышел из перевязочной, забрался в самый дальний угол длинного коридора, чтобы никто не видел его. Стоя у окна, начал водить карандашом по листку, который принес под мышкой и с трудом пристроил на подоконнике.

Какое-то подобие букв удалось намарать, но затем карандаш вывернулся...

Попытка сорвалась. Придется опять топтать в перевязочную, приводить в порядок бинты.

Только собрался идти, смотрит, рядом с ним стоит главный хирург госпиталя, подполковник медицинской службы со странной и потому легко запоминающейся фамилией — Редкобородый. Он осматривал Николая еще при поступлении в госпиталь.

Давно врач сюда подошел? Или только что?

— Не получается? — спрашивает Николая. Выходит, видел!

— Не получается.

— И не получится, хоть ты его веревкой привязывай. Нажим под углом, понимаешь?

И стал расспрашивать. Грамотен ли? Сколько классов кончил? Как учился?.. Как будто это могло иметь какое-либо значение.

А потом неожиданно предложил:

— Давай-ка я тебя прооперирую. Расчленение сустава сделаю. Будет вроде пальца.

— Нет! — тут же отрубил Николай.

— Почему же? Если удачно получится, ты и писать тогда сможешь, и всякое другое.

— Нет! Хватит!

Намучился Николай, пока ему руки, да и ногу тоже, кромсали и резали, и одна только мысль о новой операции была просто невыносимой.

— Смотри! А я бы советовал подумать...

Николай пошел в другой конец коридора и долго еще чувствовал на себе взгляд хирурга.

Вечером, уже перед самым отбоем, Редкобородый явился в палату Николая, неся с собой старую истрепанную папку.

— Ну как? Не надумал еще?

— Нет.

— Напрасно!

Раскрыл свою папку, разложил на койке Николая ряд фотоснимков, словно карты при гадании.

— Вот, смотри. Человек пилит — видишь? Пишет... Молоток держит... Это я сделал. С помощью такой вот операции, как тебе предлагаю. Не при каждой ране она возможна. У тебя должно получиться.

Николай и на этот раз отказался.

Главный хирург госпиталя оказался человеком на редкость упорным. На следующий день он явился снова. И не один. С комиссаром госпиталя, капитаном из числа поправившихся раненых; он еще основательно хромал. Интели-

гентный, очень общительный, милый человек; его здесь все уважали. Вдвоем они принялись уговаривать Николая. Комиссар напирал на то, что после такой операции Николай получит возможность учиться. Тот недоверчиво и горько усмехался: хоть бы заново цифры выводить смог! Может, тогда кто из жалости и возьмет к себе в счетоводы.

После их ухода вся палата дружно навалилась на Николая. Давай и давай! Чем, мол, ты рискуешь? Еще одной операцией? Так разве тебе привыкать?

Ночью Николай решил: ребята правы, надо все-таки попытаться. Вдруг хоть что-нибудь после этого сможет делать самостоятельно.

Утром он сам заявился к Редкобородому. Хирург выслушал его, улыбаясь.

— Умница! Я ведь знал, что ты умница! — Но тут же, посерьезнев, предупредил: — Только так — терпеть! Общий наркоз тебе больше нельзя — на всю жизнь наглотался. Местную анестезию тоже нельзя — рука распухнет, а операция тонкая, ювелирная. И привязать руку нельзя — не будет оттока крови. Терпеть тебе придется. Дернешь руку под скальпелем — все пропало.

Николай стиснул зубы:

— Согласен!..

Тянуть не стали. В тот же день положили его на операционный стол. Старшая сестра — ее все ласково звали Ниночкой, — отвлекая внимание, стала расспрашивать:

— Откуда ты, Коля, родом?

— Ты сама прекрасно знаешь, что с Алтая.

— А там где?

— Слушай, Ниночка, нечего мне зубы заговаривать! Если я сказал, что согласен на операцию, значит и так выдержу, без всяких твоих заговоров.

А Редкобородый уже начал руку пластать.

— Ну, друг, теперь держись!..

Николая словно било током высокого напряжения. Все качалось перед глазами, все ходило ходуном.

Он выдержал. Операция прошла удачно.

— Молодец! — похвалил довольный хирург.

И тут случился нелепый инцидент, который чуть было все не погубил.

Николай встал с операционного стола, чтобы пойти к себе в палату. Нет, говорят ему, идти тебе нельзя. Ты после операции, везти тебя полагается.

Везти так везти! Тем более, что хоть и храбрился он, а слабость давала себя знать.

Повезли. Смотрит Николай: не в его палату — в послеоперационную. А там люди после наркоза отходят, в тяжелом состоянии.

— Нет, туда не хочу. В мою везите.

— Не полагается. Раз прооперирован, значит, определенное время должен пробыть в

послеоперационной. Мало ли что может случиться? А там и постоянный присмотр, и соответствующий уход.

— Что за формализм такой! Я же здоров. И уж чего-чего, а ходить сам вполне могу. И присмотр мне тоже никакой не нужен.

Все равно не разрешают: порядок есть порядок.

Николай вспыхнул. Спрыгнул с тележки и собственным ходом двинулся в свою палату.

Только на койку улегся, приходит за ним санитарка. Вызывают в ординаторскую.

— Фу ты! — хмыкнул Николай. — Сами говорят, что после операции покой нужен, и сами же не дают покоя.

Но пошел.

— Что ж ты бунтуешь? — комиссар не ругался, не кричал, просто укорял. — Нельзя установленные правила нарушать. Это же все-таки госпиталь, военное учреждение. Приказано в послеоперационную — подчиняться.

— Да тошно мне там, понимаете!

— Понимаю... Но ведь так нельзя, самовольно.

— А как?

— Ну, хотя бы пойти к подполковнику Редкобородому и взять у него разрешение.

«Взять разрешение»...

Комиссар ничего особенного, разумеется, в виду не имел. Обычный оборот речи: пойти и взять. Но ведь у Николая все эти дни и все бессонные ночи только и мысли о том, что рук лишился. А тут...

Кровь бросилась ему в голову.

— Взять?.. А чем? Чем я возьму?.. Издеваться надо мной, да?

Как саданет в сердцах по столу только что прооперированной рукой. И тут же свалился от пронзившей его боли...

И опять операционная. Редкобородый, которого срочно вызвали с совещания у начальника госпиталя, охая и ахая, ввалил в расшившуюся рану целую горсть красного стрептоцида. Опять что-то резал, что-то зашивал.

Потом Николая отвезли в палату — в его «родную». Через несколько минут туда комиссар явился:

— Прости, Николай, прости! Я ведь просто не сообразил...

На перевязке, через несколько дней после операции, Редкобородый, проверив рану, прямо-таки просиял:

— Ну, друг, ты счастливый! Я был на все сто процентов уверен, что после... после всяких твоих взрывков придется дальше отнимать.

А сестра Ниночка, добрая душа, так за него обрадовалась, что обхватила и крепко поцеловала.

После перевязки возвращался Николай в палату и озадаченно думал о том, какое оно раз-

ное бывает, счастье. Он со всей своей бедой еще и счастливый!

Кто бы ему раньше про такое сказал, ни за что бы не поверил!

Такая странная жизнь

Палата, которая на целых полгода стала домом Николая, помещалась на третьем этаже. В открытые окна врывалось урчание старенькой госпитальной грузовой машины в хозяйственном дворе, уличный шум, звонкие голоса мальчишек. Там, за стенами госпиталя, шла обыденная жизнь тылового города трудных времен войны.

Здесь, в палате, тоже все шло по твердо установленному распорядку. Вставали в семь. Завтракали, ходили на перевязки, осмотры, лечебные процедуры. Обедали в два. Затем, хочешь не хочешь, полагалось лежать на койках: тихий час. Прогулки во дворе и ужин. Отбой ровно в одиннадцать, как во всех армейских частях.

Словом, полный порядок. Но за всем этим скрывалась, невидимая постороннему глазу, своя, особая, бурная, нервная внутренняя жизнь людей, тяжело травмированных войной.

То посреди ночи, в полной тишине, казалось бы — в самый сон, раздается вдруг приглушенный подушкой горестный всхлип. И опять полная тишина. Но теперь уже другая — гнетущая, напряженная, недобрая, готовая в любой момент снова прорваться таким же вот всхлипом или еще чем-нибудь похуже. Значит, не вся палата спит, кто-то думает свою тяжелую думу, кто-то прислушивается к этим думам.

То безногому Васе-Васильку, двадцатидвухлетнему красавцу, вручат долгожданный треугольничек из дома, а он, прочитав, рванет письмо в клочья, швырнет под койку и будет лежать целый день безучастный ко всему, не отвечая даже на расспросы товарищей, уставившись в потолок помертвевшими глазами.

В палате, кроме Николая, находилось еще пятнадцать человек, — все ампутационники. Были счастливчики — они недосчитывались «все-го» по одной руке или ноге. Были и такие, как Николай. Были и еще тяжелее раненные.

На койке в глубине палаты, подальше от окна, лежал молодой еще моряк-балтиец. Он потерял во время вражеского артобстрела обе руки и ноги, стал по существу человеком-обрубком. Каждого вновь входящего в палату он встречал непринужденной бодрой просьбой:

— Послушай, браток, будь другом, поставь-ка меня на окно. Солнышко такое, хоть малость погреюсь.

Старожилы палаты тотчас же под каким-либо предлогом выманивали новенького за дверь и предупреждали там крепко-накрепко:

— И не помысли! Моряк черное над собою задумал!

А тот бился головой о железную решетку койки:

— Все равно жить не буду! Не буду!..

Через койку от Николая помещался немолодой уже мужчина, Федор Константинович. Бывший директор школы, а в войну сапер. При неожиданном взрыве противотанковой мины оторвало ему обе руки, да еще вдобавок лишило зрения. Обычно лежал он тихий, спокойный, рассудительный, очень интересовался событиями в мире, пожалуй, больше всех в палате. Поговорить с ним — одно удовольствие. Но, бывало, найдет на Федора Константиновича приступ ярости, вроде ни с того ни с сего, без всякой причины. Такое начнется — смотреть страшно! Кричит, к нему не подступиться ни товарищам по палате, ни врачам.

Как-то Федор Константинович признался Николаю:

— Завидую я тебе, Коленька, понимаешь, завидую! Даже морячку завидую — веришь? Хуже нет: жить в вечном мраке!

Чудно показалось Николаю. Кто-то еще ему и завидует!

Дружил он больше с ребятами своего возраста. С псковским пареньком Васей Яковлевым, который оставил на фронте правую руку, с Мишей Молчановым — тот ноги лишился где-то на юге. Еще держался вместе с ними Саша Отченаш, керченский моряк, тоже без ноги.

А вообще вся палата была очень дружной. Тут уж действительно: один за всех, все за одного. Придет кому письмо — все пятнадцать переживают: что ему написали из дому? Получит кто с оказией посылку с гостинцами — делит на всех поровну. И маленькие, повседневные радости, и большие горести свои — все пополам.

Николай — жизнерадостный, общительный по натуре — пытался найти опору в себе самом и в том мире, что шумел за госпитальными окнами, но и на него временами тоже наваливались приступы черной тоски. Не радовало тогда ничто на свете. Даже письма от Марии читал предвзято, с болезненной мнительностью выискивая то, чего в них не было, сомневаясь во всем, представляя свое будущее в самых темных красках. Ведь Мария, как он думал, не знает еще всей правды. Дома считают, что у него всего лишь ранение в левую руку. То ли будет, когда он появится без обеих.

Лучше всего вообще бы не думать о завтрашнем дне. Но мыслям не прикажешь. С пугающей настойчивостью, помимо воли Николая, они накатываются мутными волнами, то и дело напоминают о постигшей беде.

Мальчишки гоняют мяч? Ты тоже гонял, помнишь? Ты был вратарем, неплохим вратарем. А теперь?..

Дворничиха метет госпитальный двор, сгребает в кучу опавшие листья. Простейшая работа, верно? Почему же ты смотришь на старую женщину с такой завистью?..

Сестра вошла в палату с пучком градусников в стакане и раздает их раненым. А ты не можешь отвести взгляда от ее пальцев. Как ловко охватывают они хрупкие градусники.

Горестные думы разламывают воспаленную голову. Мария, Сережка, он... Он, Сережка, Мария... Что делать? Как быть?

Да, жизнь загнала его в угол!..

— Выпить бы тебе! — уговаривали некоторые. — Знаешь ведь, как в песне поется: «Пей, и все пройдет!». Это у них-то, у здоровых. А у нас и подавно.

Водка на время сбивала тоску, поднимала настроение. Николай стал чаще поддаваться таким уговорам.

Его все время тянуло в город, к людям. Интересно посмотреть, какой он, этот Иркутск. Говорят, большой город. Наверное, побольше Бийска. К тому же истосковался Николай по простору, по зелени, по деревьям цветущим. Что там эти три-четыре чахлах метелки в госпитальном дворе!

Сагитировал одного из своих друзей податься с ним в разведку. Обнаружили подходящую дыру в плотно сколоченном высоком заборе и пролезли «на волю», как были, в серых халатах, в кальсонах, выглядывавших из-под полы, в тапочках на босу ногу.

Только двинулись по обсаженной рядами деревьев, освещенной нежарким осенним солнцем улице — навстречу военный патруль. Куда деться? Назад, в дыру в заборе, уже не успеть. Дворов подходящих тоже нет поблизости.

Оставалось только одно. Идти вперед, вроде ничего особенного и не произошло.

Поравнялись с патрулем. И видят с изумлением — солдаты во главе со своим сержантом взяли под козырек и как ударят по тротуару строевым! От неожиданности даже растерялись и ответили совсем уж не по-военному:

— Здорово!

Побродили недолго по городу. В первый раз много нельзя, пообыкнуть надо, осмотреться, а то ведь и заблудиться немудрено.

В палату ворвались с радостным криком:

— Живем, братцы! Патруль не только не забирает — даже приветствует!

И потянулись через обнаруженную дыру в заборе любители «свободы». А некоторые с более конкретными целями: сбежать на барахолку, кое-что продать, кое-что купить. С махоркой, например, туго в городе было. А в госпитале ее получал по норме каждый — курильщик и некурильщик. Или сахар с завтрака некоторые припрятавали. Его тоже можно было обменять на что угодно.

Николай на барахолку не заглядывал. Купить-продажа его не интересовала. Гораздо занятнее было бродить по городскому просторному парку. Вот бы в Соколово такую красоту! А то что же получается? Село рядом с бором — и совсем голое.

По вечерам в парке проводились танцы. Гремел репродуктор, девчонки за отсутствием кавалеров танцевали одна с другой, а Николай с друзьями стояли в сторонке и молча смотрели. И так же молча, каждый со своими мыслями, возвращались домой, в палату, где соседи по койке обязательно припрятавали им ужин.

Время от времени кого-нибудь из палаты вызывали к начальству. Возвращались с новостью:

— Выписывают!

Далеко не всегда и не всех это радовало. Люди привыкли к своему положению в госпитале, где был хороший уход, где обзавелись новыми друзьями, где существовал свой, пусть узкий, зато без всяких особых проблем мирок.

А там ждала совершенно новая жизнь. Ни прежняя, довоенная, ни та, к которой уже привыкли здесь, в госпитале.

Наверное, поэтому не всегда радостно звучала весть: «Выписывают!» И провожала палата товарища чаще печально, чем весело.

В конце осени с Николаем сняли бинты. Вместо правой руки приспособили протез — неподвижный, тяжелый, громоздкий.

— Зачем мне такой?

Редкобородый виновато пожимал плечами:

— Ничего лучшего пока предложить не могу.

К великому моему сожалению.

— И этот не нужен.

— Все-таки. Для маскировки хотя бы.

— Ну, если только для маскировки...

Николай скинул бы к черту неуклюжую кофточку, если бы не боялся этим огорчить Редкобородого. К главному хирургу госпиталя он испытывал глубокое чувство благодарности. Как-никак настырный доктор вернул ему возможность хоть что-то делать самостоятельно. Ну, скажем, брать ложку, вилку. И карандаш тоже. Но для того, чтобы научиться мало-мальски писать, нужна была еще тренировка да тренировка.

Настал день, когда Редкобородый, осмотрев его в последний раз, звонко шлепнул по голой спине:

— Что ж, все отлично! Будем готовить к выписке.

Николай пришел в смятение, хотя давно уже понимал, что пора расставаться с госпиталем. Главный хирург сразу уловил это:

— Не рад?

А Николай и сам не знал: рад он или огорчен.

— Ну что ты! Дадим тебе сопровождающего до самого дома. Поедешь, как генерал!

Но, к его удивлению, Николай от сопровождающего отказался наотрез:

— Нет уж! Пусть с самого начала будет так, как будет всегда. Я сам! Только сам!

Знакомый дом на знакомой улице

Бийск встретил беспросветной осенней тьмой на неосвещенном перроне и липнувшей к сапогам густой чавкающей грязью. И еще громким женским плачем, причитаниями — здесь конечная станция железной дороги, дальше поезд не шел, из всех вагонов выходили пассажиры, в том числе и инвалиды войны, возвращавшиеся, подобно Николаю, из госпиталей.

«Хоть бы меня не встретили! Хоть бы никто не встретил!» — думал Николай, косясь на расставленные одинокого инвалида в бушлате с неловко расставленными в стороны костылями; к груди его прикинула, рыдая, молодая красивая женщина.

Мария с сыном уже несколько месяцев жила у своих родителей в Бийске. Николай написал ей, что скоро придет. Но точной даты не назвал. Николая не встретили. Как выяснилось позднее, после его письма Мария с матерью или отцом каждую ночь ходила встречать поезда, прибывавшие в Бийск со стороны Новосибирска. А потом отчаялась, решила ждать новых вестей.

Николай приехал именно в ту ночь, когда она, впервые за две недели, не пошла на вокзал.

Кто-то из попутчиков помог приладить вещмешок с полбуханкой хлеба, пачкой горохового концентрата и куском соленой рыбы, и Николай зашлепал по грязи на знакомую улицу.

Чем ближе к дому Марии, тем гулче и чаще стучало сердце. «Примешь», «не примешь» — так он вопроса ставить не будет. Войдет в дом, посмотрит, и ежели только заметит хоть что-нибудь не так, повернется и уйдет, без всяких допросов. Это решено твердо!

Но все-таки что, что ждет его за толстыми бревенчатыми стенами знакомого дома?

Сквозь ставни не пробивается ни единой полоски света. Спят. Конечно же, глубокая ночь!

Николаю стало жарко. Отер рукавом шинели пот со лба и, решившись, негромко постучал в ставень. Тут же, словно этого стука ждали, настороженный мужской голос спросил:

— Кто?

— Я.

Секунда молчания. Затем:

— Однако, Николай!

Отец Марии — Александр Николаевич Манаев.

В щелях ставни мелькнул желтоватый свет.

В доме засуетились, забегали. Заскрежетал засов, распахнулась дверь. Навстречу кинулась Мария:

— Коля! Коленька!

Бросилась на шею, обняла и сразу же содрогнулась — ощутила вместо правой руки неподвижный твердый протез; Николай надел его в дорогу по настоянию Редкобородого. Но ментально справилась с собой. Ничего не спросила, не сказала. Лишь только затуманились слезами глаза.

— Что ж мы стоим на холоде? Пошли в дом!

Сняла с Николая вещмешок, помогла скинуть шинель. Рванулась в другую комнату:

— Сына сейчас тебе покажу!

И тут же вернулась с сонным, полуголеньким, щурящим глазки на тусклый, вполнакала, свет электрической лампочки, мальчоночкой на руках.

— Смотри, Сереженька, это папа! Папа вернулся!

Мария не плакала. Зато в три ручья ревела ее мать.

— Хватит, ну, хватит! — никак не мог ее уговорить Александр Николаевич. — Коля, однако, с дороги, кормить надо.

Наконец, сели за стол, стали его кормить всем нехитрым, что в доме нашлось, что специально к приезду приберегали. Соленая рыба из вещмешка тоже в дело пошла — небогато было в войну, чтобы ею пренебречь.

Николай не так много съел, как выпил; тестю и дело подливал в его стакан. Но, что называется, ни в одном глазу — состояние взвинченное, нервы на пределе. А они — и Мария, и отец ее, и мать — никаких ему вопросов. Ни одного! Лишь мать все глаза платком сушит.

Потом, когда остались с Марией и маленьким, Николай все-таки не выдержал, сам повел разговор. Тот, главный.

— Видишь, Мария, как неважно сложились у нас с тобою дела. Если ты...

Она сразу поняла. Не дала договорить, перебила:

— Как тебе не совестно, Николай! Никогда больше не заговаривай об этом. Никогда, слышишь!..

На другой день, узнав о возвращении Николая, нагрянула родня Манаевых. Тут уж всякое было: и любопытствующие взгляды, и расспросы бесконечные, и жалостливые ахи да охи:

— Как же ты теперь, беденький, а?

— Ох, тяжело-то как, небось?

— Пензию-то хоть вырешили?

— Вырешили, вырешили, не бойтесь! — Николай крепился изо всех сил; Мария сидела рядом с ним и успокаивала то взглядом, то легким прикосновением руки. — Целых сорок тысяч.

Поражались:

— Это чевой-то? Рублев?!

— Копеек!

— Глянь-ка, шутит! — и качали головами, не то осуждающе, не то сочувственно.

Как-то, покинув очередных гостей, Николай решил походить по городу. Шел и все вспоминал. Вот здесь, у этого дома с резными наличниками, он в самый первый свой приезд в Бийск играл с соседской ребятней в бабки и проигрался в пух и прах... А там, в конце улицы, спуск к речке, по которому двоюродные братья вели его купаться...

Тоска, глухая боль...

Непривычно пустая улица привела к бурлящему, как котел на сильном огне, переполненному галдящим народом рынку. Николай походил по рядам, приценился. Ого! Всей его пенсии хватало бы как раз на четыре буханки чернышки. По две буханки на него и на Марию — Сережке еще хлеба не надо.

В конце ряда он наткнулся на инвалида с грубой самоделькой вместо ноги, отнятой ниже колена. Перед инвалидом стоял складной стульчик, в руке он держал истрепанные карты.

— Что, землячок, сыграем? — предложил, целя в Николая плутоватым прищуренным взглядом.

— Во что сыграем?

— Известно во что. В три листика.

— А как это?

Инвалид ухмыльнулся.

— О, да ты совсем сырой, я погляжу. Видно, недавно отвоевался?

— Отвоевался-то уже порядком. А вот домой вернулся недавно.

— Тогда все понятно... Игра такая. Вот я

раскладываю три карты. Две черные, одну красную — видишь? А вот кладу червонец. Угадаешь, где среди трех карт красная лежит — червонец твой. Не угадаешь — гони мне червонец. И все дела.

— Так это же очень просто. Красную карту ты сюда положил, я заприметил.

— Ах, даже заприметил? Тогда бери ее, в чем дело?

Николай открыл карту. Черный туз! Инвалид от души хохотал, глядя на его вытянувшееся лицо.

— Не повезло, землячок, а?.. А если по секрету, ловкость рук — и никакого мошенства! Не хочешь еще раз попробовать? Только теперь ты следи повнимательней. Чем внимательней смотреть будешь, тем меньше увидишь! — он опять захохотал. — Да не надо, ты что! — замахал руками, когда Николай предложил ему самому вытащить десятку из нагрудного кармана гимнастерки. — Чтобы своего же увечного брата обирать, до этого я еще не допер... Слушай, давай вместе работать, а? — совсем уже неожиданно предложил инвалид. — На паях. Я тебе буду проигрывать, а ты народ завлекать.

— Подсадная утка?

— Во-во! У тебя фотокарточка честная, тебе народ поверит. Барыш пополам, а? Мне как раз такой компаньон нужен.

— Нет, — покачал головой Николай. — Я на это дело не гожусь.

— Хм!.. Выходит, я гожусь, а ты нет?

— Про тебя не скажу, не знаю. А я не гожусь.

Насупившийся инвалид свернул козью ножку, сыпанул махорки, задымил.

— А на какое дело ты годишься? Ты только не обижайся, землячок, но ведь хана тебе, хана по всем статьям! Или ты по вагонам ходить думаешь, песни петь?

А когда Николай пошел, крикнул вслед:

— Надумаешь потом — приходи, сговоримся.

К Манаевым явился — мрачнее некуда. Тесть и теща засуетились, забегали. Опять угощать.

Мария вышла с ребеночком на руках:

— Да оставьте вы его в покое! Так ведь и спойть недолго.

Опять в Соколово

Александр Николаевич Манаев хоть пожарный, а все-таки начальник. Раздобыл где-то на время потрепанную генераторную полуторку, дымившую, как худая печь, и Николай со всей своей семьей покотил на ней в Соколово. Мария с Сереженькой в кабине, сам он в кузове, на мешке с соломой.

Родное село показалось неправдоподобно маленьким, каким-то усохшим. Кривобокие избенки

словно еще больше осели. Крыши залатаны чем попало, уцелевшие еще заборы покосились и зияют широченными щербинами. Не было в этих домах хозяйских мужских рук.

Вот грязь — та никуда не делась. Грязи, как и прежде, было хоть отбавляй! Их дребезжащая полуторка уже у самого въезда в село пошла ковылять по ухабам да рытвинам, истошно завывая и разбрызгивая во все стороны липкие ошметки. Возле завода шофер и вовсе остановил свою колымагу:

— Все! Дальше не поеду. Иначе сидеть мне здесь, в луже, до второго пришествия.

Встреча дома прошла совсем не так, как ожидал Николай, приготовившийся было к неизбежным рыданиям. Ничего подобного! Мать не пролила ни слезинки. Отец тоже, хотя видно было, что дается ему это труднее, чем матери. Потом сообразил Николай: да рады-радешеньки родители, что он, их младший, хоть без рук, а все же вернулся. Сергей-то ведь сгинул.

И снова застолье. Мать собственноручно налила ему первую рюмку:

— Выпей, Коленька.

А он до тех пор еще никогда при родителях не выпивал.

— Мама, я ведь не пью...

— Ничего-ничего, за возвращение — не грех.

— Рюмочку, мама, я не пью! Мне бы чего-нибудь повместительней!

Все посмеялись шутке, и мать сменила рюмку на стакан. Только у Марии, заметил Николай, чуть дрогнули смоляные брови...

Рано утром прибежала председатель сельсовета Елена Михайловна Кулик. И с самого порога:

— О-о-о!..

Никто из близких Николая не плакал — она зарыдала в голос. Отзывчивая была на чужую беду. Да и вспомнила, видно, мужа, которого еще в сорок втором убило. Сироток своих троих пожалела, себя, вдовую...

Потом, когда с трудом успокоили ее, спросила:

— Надолго к нам, Коленька?

— А я ведь не в гости приехал.

Она обрадовалась:

— Насовсем?.. Это ты здорово! И Мария с сыном тоже?

Ответила Мария:

— Куда иголка, туда и нитка, Елена Михайловна. Нас ведь трое теперь...

Так и стали жить одной семьей в доме отца.

Первые дни — сплошные гости. Потом стали приглашать Николая к себе. Как отказаться, если зовут родители его товарищей погибших, чтобы вместе посидеть за столом, помянуть добрых ребят? А число соколовцев, сложивших головы в тяжелых боях за родину, уже перевалило на пятую сотню. Четыреста с лишним человек из одного

только села! И черная птица-беда все еще продолжала кружить, роняя черные перья.

Перед Николаем, не давая покоя, стоял трудный вопрос: что делать дальше? И как он ни старался не думать об этом, жить одним только сегодняшним днем, с каждым новым утром он поднимался все более и более мрачным. Никто ни о чем не спрашивал его, тем более не произносил ни слова упрека — ни отец, ни мать, ни Мария. Но он сам ловил озабоченность, невысказанный тревожный вопрос в их мимолетных взглядах, и, не зная, что ответить, как успокоить, раздражался:

— Что так зыркаете? Сегодня же пойду к Елене Михайловне насчет работы. Только что она может мне предложить? Что?

Но к Елене Михайловне он не шел...

Единственное, чем Николай занимался неотступно, изо дня в день, так это тренировкой в письме. Сядет к столу, у окна, и пишет, пишет часами. Палец, искусно созданный хирургом Редкобородым, теперь уже крепко обхватывал карандаш. И хотя буквы выходили еще корявыми, несуразными, одна непомерно длинная, другая коротышка, прочитав, что написано, было можно. Это обнадеживало, и Николай нажимал до острой боли в мышцах.

Но как применить свою вновь обретенную способность писать, придумать не мог.

Семья жила в то время очень трудно. С сестрой — она еще училась — было шесть душ, а работал один отец. Даже Марии пришлось временно оставить службу. Ее держал дома приболевший малыш. Отец зарабатывал немного, ну еще плюс пенсия Николая. Этого как раз хватало, чтобы отовариться по карточкам. А прикупить хлеба или картошки денег не было.

А дома стали к Николаю подкатываться разные темные личности со всевозможными предложениями. Даже из Бийска приезжали. Явился один такой, вроде бы как от родни. Вытянул под каким-то предлогом из дома, потащил к своим приятелям, стал травить душу.

— До чего люди брехливые стали — ну хуже сбрак! — он смачно зажевывал соленым огурцом стакан водки. — Брешут, будто жена от тебя припустила.

— Чепуха!

— Вот и я говорю: смех да и только!.. Хотя, с другой стороны, если подумать, кое-какая почва для этой брехни все же имеется.

— Какая еще почва? — хмурился Николай.

— А-а, пустое!.. Давай-ка лучше пропустим еще по одной!

— Нет! Ты сначала скажи!

— Видишь ли... Не обидишься?

Николай сразу вспомнил инвалида. Того, на базаре. На инвалида он не был в обиде. А на этого красномордого... Ладно, поглядим, куда клонит.

— Ну, говори, говори, раз начал.

— Мужик это что? Мужик, перво-наперво, это кормилец. А ты?.. А мог бы! — добавил он спешно, видя, как у Николая заходили желваки. — Очень даже свободно мог бы!

Николай молчал, предоставляя собеседнику возможность высказаться до конца. И тот высказался: предложил Николаю стать его компаньоном. «Дело» намечалось солидное — спекуляция яблоками. Их нужно было скупать по дешевке у колхозников в Средней Азии и везти в мешках поездом до Барнаула и Бийска, где и продавать на рынке по бешеным ценам.

— Ну что, подходит?

— Ты на фронте был? — последовал неожиданный для собеседника вопрос.

— А какое это...

Николай перебил:

— Был, спрашиваю?

— Болявый я... Да, да! Не гляди, что с наружности справный. Нутряная хворь... Что хмыкаешь? Бумажки от врачей показать? Их у меня навалом... Так вот, кореш, слушай...

— Нет уж, послушай теперь ты! — Николай едва сдерживал яростное желание треснуть его кулеть по наглой роже. — Недавно мне один... Ни в какое сравнение с тобой он не идет... Но тоже предложил. Так я ему ответил, что лучше удавлюсь... А тебя, вонючая крыса тыловая, я бы сам удавил!..

Домой Николай в тот день вернулся намного раньше, чем всегда. Уже и отец с работы пришел. А он все лежал и лежал.

В сенях стукнула дверь. Послышался чей-то знакомый женский голос:

— Здравствуйте все!.. А Коля-то где?

— Отдыхает.

— Ой-ой! А мне он так нужен! — колыхнулась шторка, отделявшая комнату от кухни, показалось румяное с мороза, улыбающееся лицо. — Не спишь, Николай?

Соседка. Вера Якушева. Когда-то вместе малышней голыми пятками грязь месили на весенней улице, вместе в школу ходили. Теперь она работала продавцом в магазине местной лесозаготовительной конторы.

— Чего тебе, Верунь?

— Директор наш, Брагин Алексей Никифорович, зайти тебе утром велел.

Николай усмехнулся:

— Так уж и велел! Он мне не полковник, я ему не солдат.

— Ну, просил.

— Просил — еще туда-сюда...

Откуда было знать Николаю, что сегодня подвиглась черта под второй его жизнью, с ее мучительными раздумьями о будущем, с минутами черной тоски и отчаяния?

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

МОИ РЕБЯТА

**Василий
МОЛОДЦОВ**

Василию Васильевичу Молодцову сейчас уже 75 лет. Всю жизнь он учил детей. Был удостоен высокого звания заслуженного учителя школы РСФСР. В. В. Молодцов — участник Великой Отечественной войны, на войну он уходил вместе с выпускниками школы.

Помнит старый учитель своих учеников до сих пор...

У Николая Васильевича Попова, служашего банка, было три сына — Александр, Борис и Михаил — Мишанька, как его называли в семье.

Я хорошо знал эту дружную семью. Борис носил очки, они придавали ему не по годам серьезный, «профессорский» вид. Он был отличный парень, общительный и душевный, умел посмеяться и пошутить. И учился, конечно, хорошо. Белобрысого, полношекого Мишаньку помню совсем маленьким.

Когда началась война, все трое Поповы ушли на фронт.

После демобилизации в 1946 году я вернулся домой. Встретил однажды Николая Васильевича. Едва узнал его — так он изменился: постарел, поседел, сгорбился.

— Ну, как, вернулся? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы. Я еще был в военной форме.

— Вернулся, — ответил я радостно.

— А у меня, — Николай Васильевич помедлил, как-то сморщился, будто от сильной боли, и с трудом выдал: — Всех троих! Понимаешь — всех троих...

И пошел прочь, придавленный своим нечеловеческим горем.

В нашей школе учился Николай Махов. Это был умный, энергичный, хорошо сложенный мальчик.

Я любил Колю Махова. Да все у нас в школе любили его.

Помню, как он, будучи восьмиклассником, с большим успехом исполнил роль Митрофанушки в комедии Фонвизина «Недоросль». Помню, на следующий год, в первое тяжелое лето 1941 года, мы всем классом ездили в колхоз на уборку урожая. Сначала занимались прополкой, а потом убрали сено. Как сейчас вижу покатый луг над речкой

Качкой. Коля сидит верхом на деревенской лошадке и возит на волокуше копны душистого сена. А по всему лугу, как полевые цветы, пестреют рубашки, платяца школьников и школьниц...

Прошел еще год. И вот торжественный выпуск из десятого класса. Слово от имени выпускников произносит комсомолец Николай Махов. Он говорит:

— Сейчас нам вручены аттестаты зрелости. Но мы, юноши, пойдем не в вузы, а в военные училища. Получим специальность — и на фронт! И если потребуется, отдадим свои жизни для защиты Родины!

Коля стал младшим лейтенантом, минометчиком. Мы получали от него письма. С гордостью он сообщал о том, что награжден орденом Красной Звезды.

Вот уж и война близилась к концу. Наша часть прибыла в Венгрию. Стояла незабываемая весна сорок пятого года — солнечной, красочной была она в тот победный год. Вдруг получаю из школы письмо с печальной вестью: Коля Махов пал смертью храбрых в боях за венгерский город Марцали. Это произошло в день его рождения — 19 декабря 1944 года — ему исполнилось ровно 20 лет. В письме сообщалось, что он похоронен с воинскими почестями в местечке Никла Капошварского округа. А я ведь в это время был в Капошваре, в каких-нибудь шестидесяти километрах от Никлы. Иду к командиру части и прошусь отпустить меня на могилу моего ученика. Отпустил, конечно, командир. Еще дал в сопровождение бойца с автоматом.

Горячим июньским днем, уже после победы, добрались мы до Никлы. Мальчуганы привели нас на кладбище. Возле фамильного склепа венгерского писателя Даниеля Бержени вижу нашу русскую одинокую могилу. Подбегаю, читаю надпись, вглядываюсь в фотографию: на меня смотрит ясными ласковыми глазами Коля Махов...

Бегут годы. Тридцать лет прошло, как умолкли пушки. Но никогда не закроются раны отцов и матерей. Они всегда болят.

ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ

**Маргарита
ТАТАРИНОВА**

Посадка БИ получилась грубова-той... Одна нога у самолета подломи-лась. Открылся колпак, и с сиденья поднялся Бахчиванджи. Вид у него был удрученный: «Растяпа! Машину поломал!» Подъехал главный конст-руктор В. Ф. Балховитинов. Бахчи-ванджи шагнул к нему, доложил: «Вернулся из аварийного полета»... Балховитинов прервал: «Чудак! Ты вернулся из героического полета». И заключил смущенного летчика в объятия.

Всего несколько минут был в воз-духе самолет, но день 15 мая 1942 г. стал днем вступления человека на порог космоса.

Шесть раз взлетал Григорий Бах-чиванджи на реактивном самолете. С седьмого задания не вернулся. Это случилось 27 марта 1943 г. капита-на похоронили у самой дороги, среди высоких, засыпанных снегом сосен, недалеко от аэродрома Кольцово. Когда приходишь теперь к этому месту, то слышно отсюда, как далеко-далеко гудят самолеты, поют в вышине на воздушных трассах. Полеты продол-жаются. Реактивная авиация про-рвалась в будущее...

Из школьного окна не видно само-летов, но и сюда долетает их дальний гром. Кто из мальчишек, сидящих за партами, не мечтает стать летчиком-испытателем, таким как Бахчиванд-жи. Они хотят знать все о его жизни, они хотят быть похожими на него. Ребята из этой школы, № 60, обра-тились с просьбой к свердловчанам рассказать о летчике Г. Я. Бахчи-ванджи. Написали на родину героя — в станицу Бриньковскую Краснодар-ского края. На клич следопытов от-кликнулись друзья, товарищи по ра-боте Героя Советского Союза летчика-испытателя Бахчиванджи.

И вот создан музей. Здесь хра-нятся фотографии Бахчиванджи, вос-поминания его друзей. Оформлены стенды и альбомы о жизни героя, собраны книги и журналы, в которых рассказывается о летчике-испытате-ле. Балховитинов передал ребятам

кинокадры, запечатлевшие экспери-ментальные полеты на реактивном самолете. Следопыты отыскали место гибели летчика. Разыскали родных летчика, его мать Агнессу Степанов-ну, сестру, братьев, и поддерживают с ними связь, навещают их и прини-мают у себя в школе. Это единствен-ная школа, где комсомольские груп-пы и пионерские отряды носят имена сослуживцев Бахчиванджи или бо-рются за это право. Продолжается поиск материалов о других летчиках-испытателях, погибших в Свердлов-ске во время войны и захороненных рядом с Бахчиванджи. Люди охотно делятся с ребятами воспоминаниями о том, как создавался первый реак-тивный самолет. Свердловские школь-ники ведут этот поиск восемь лет, и год от года все обстоятельнее стано-вятся экспозиции музея.

ЖДУ ЗВЕЗДУ...

**Валентина
АНУРЬЕВА**

*Рисунки
В. Меринова*

Играют мальчишки

Я не была солдатом
и не буду,
Судьбу ремнем солдатским
не стяну,
Но по утрам
меня мальчишки будят,
Играющие весело «в войну».
А у меня сынишка
подрастает —
Еще он мал и ходит
в детский сад,
Но он уже «в солдатике»
играет
И говорит мне:
«Мама, я солдат!»
Я не была солдатом,
не томилась
В концлагере,
не мучилась в петле.
Я только мать,
и мне ребенок милый
Дороже всех сокровищ
на земле.
Но я солдатом
сына воспитаю
И не поставлю Родине
в вину,
Коль над убитым
руки распластаю
В его — еще реальную —
войну.

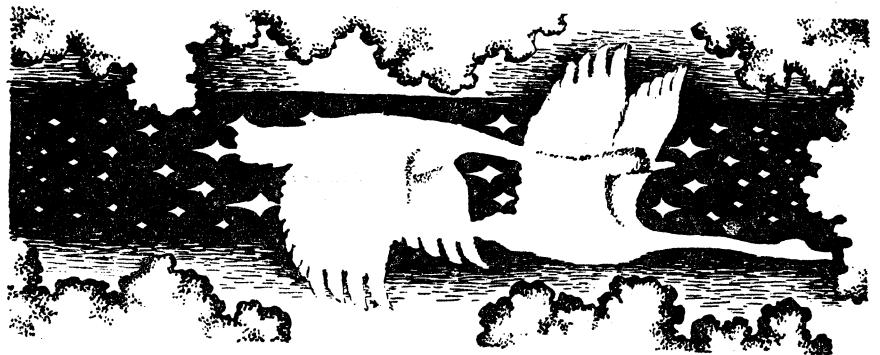
Пусть он растет
защитником и мужем,
Но буду я счастливее
стократ,
Когда весь мир
расстанется с оружием,
И снимет форму строгую
солдат.

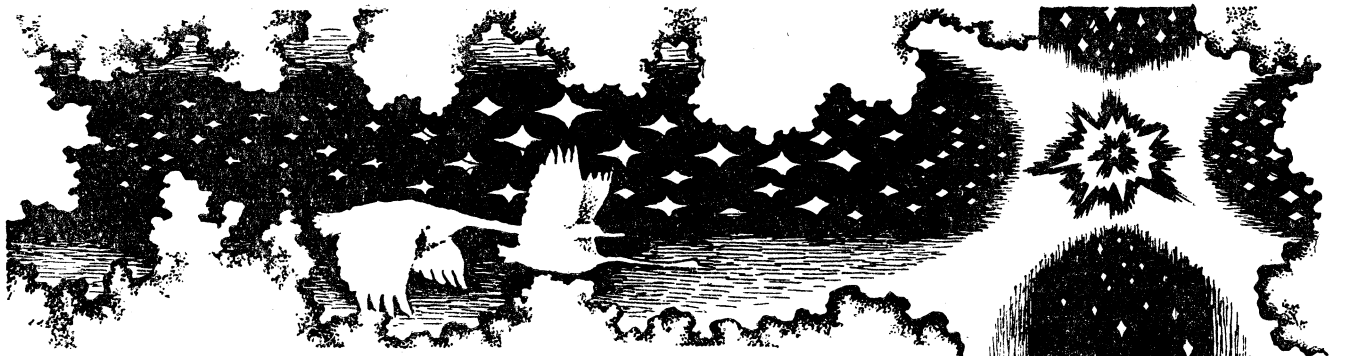
Обида

День был радостный,
необыденный.
Сердце пело, звенел мой шаг.
Но мальчишки меня обидели,
Незнакомые — просто так.
Грубым словом своим поранивши,
Сбили праздничный мой настрой:
Наступили ногой на клавиши
И послушали — звук какой?
А потом разошлись, спокойные,
Кто куда — и шумок затих.
Было сердце мое расстроено,
Было совестно мне — за них.

Свеча

Куплю свечу.
Не спрашивай — зачем,
Не называй красивой
безделушкой.
Она со мной,

как с девочкой старушка,
Мне иногда светлее
при свече.
При ней легко
о прошлом вспоминать:
Ведь и ее за солнце
почитали,
Когда при ней
Державина
читали,
Когда при ней
урок учила мать.
Когда глаза
устанут от лучей,
Я принесу кусочек
стеарина.
Не все старо,
что кажется старинным...
Мне иногда светлее
при свече.

А за что я тот путь
любила:
Сквозь дожди и туман
белесый
По дороге к тебе — рябины,
По дороге к тебе — березы.
Самой крупной росла
малина,
Самой сладкой
была морошка.
Не скрипел под ногой суглинок
На котором цвела картошка.
И тропинка была пологой,
И короткими были версты.
Улыбалась тебе с порога,
Зажигала на небе звезды!

Какие ровные круги,
Когда красавец-лебедь
кружит!..
Как тяжелы
и неуклюжи
Вот эти
две мои руки...
Бескрылых рук
не поднимать.
Другим завидуя,
смиряться.
И первой
над собой смеяться,
И высоты не понимать.
Ходить непризнанной
в толпе,
Но вдруг
пронзительно и тонко
Глазами гадкого утенка
Увидеть лебеда в себе.

Звездочка

Дрогнул в небе
золотой
Звездный свет.
Упадет звезда
в ладонь,
Или нет?
Ох, сорвется,
только дунь,
Только тронь...
Как дождинку,
жду звезду
На ладонь.

ДОМИК НАД РЕКОЙ

**Анатолий
ТУМБАСОВ**

*Рисунок
автора*

В конце улицы-односторонки я нашел домик, обращенный окошками на реку Исеть.

Скоба на воротах, как видно, прилаженная не мужской рукой, едва держалась. Небольшой двор густо зарос. Крылечко на две ступеньки. В раскрытую дверь, в сенях, я увидел седенькую хозяйку.

— Здравствуйте, Надежда Деомидовна, я к вам.

Она чуть изменилась в лице и, не то хватаясь за сердце, не то оправляя кофту, приветливо ответила:

— Пожалуйте... Комнату я приготовила. Проходите!

Угловая комнатка, окнами на солнышко, была чисто прибрана.

— Глянется — занимайте. Не помешают цветы — оставлю.

Мы договорились обо всем, и я стал разбирать вещи. Чемодан был туго набит книжками и немудреным студенческим багажом. Надежда Деомидовна развернула скатерть, но я уже разостлал на столе бумагу. Она увидела да так и осталась стоять, будто в забытьи, со скатертью в руках.

Постояла, посмотрела и, выходя из комнаты, тихо сказала:

— А меня бабушкой зовите.

Как только я разобрал книги, бабушка принесла чайник. Я высыпал из кулька конфеты, розовые подушечки, прямо на стол. Бабушка сложила их в вазу с печеньем, разлила чай и подвинула мне голубую чашечку. А сама, не притрагиваясь ни к чему, все смотрела на меня. Смотрела не то чтобы с любопытством, как смотрят на незнакомого человека, а словно в ожидании чего-то.

Та осень пришла с дождиками, ранним похолоданием, Исеть курилась. В опустелых огородах скакали сороки. Вечерами бабушка подтапливала очажок, приходила ко мне, усаживалась поуютнее на стуле, спрятав под шалью руки, и сидела. А когда я зажигал свет, опускал над столом лампочку, бабушка подвигалась ближе, укладывала руки на краешек стола и незаметно придерживала узловатыми пальцами белый лист, на котором вырисовывался мой чертеж. Тихонько вздыхала и сетовала:

— Не учили нас, а я как хотела! Две зимы походила, не пустили больше. Только и старались замуж вытолкнуть.

Иногда я читал бабушке вслух. А она садилась с вязаньем к очажку и задремывала, утомленная дневной суетой.

Я замечал, как со свойственной ее возрасту неторопливостью она раза два на дню заглядывала в почтовый ящик на воротах. Или, нацепив очки, читала какие-то письма, бережно свертывала и убирала их. Если бы складывала угольником, а не свертывала вчетверо листки, я догадался бы — письма солдатские. Но однажды бабушка сама сказала:

— От сына читаю... С войны не пришел...

На покрасневших ее веках закипали слезы, она сдержала невыплаканную горечь и, утешая себя, сказала:

— Сердцем чувствую, вернется... — помолчала, переводя дух. — Фотографию даже не вешаю. У меня сын всегда перед глазами живой, а на карточке, как ни говори, без движения, — она взгляделась мне в лицо и призналась: — На тебя похож Саша мой. Как увидела, подумала — пришел, чуть не обмерла, да голос-то услышала: нет, не он.

После такого признания бабушка вслух подмечала, вспоминая со всеми подробностями: «Саша ростиком пониже, но покрепче, нос пряменький, глаза синие, васильковые...».

В общем, мы были похожи, но в каждой мелочи, о какой она говорила, сын все-таки другой, а если бы сказала откровенно, то лучше сына и не было никого на свете. Да и никто на моем месте не пожелал бы стать лучше сына-солдата, каким он живет в памяти матери. А ожидания сына с войны и надежда на встречу придавали ей силы...

Миновала зима, весеннее солнце обходило вокруг двора и заглядывало со двора в кухню. Нарядная, в белом цвете черемуха стояла против окна. Солнце просеивалось сквозь ветви и рассыпало по всему полу, и на столе, и на стульях — везде — золотые монеты. В новом фартучке, в белом платке бабушка хлопотала на кухне, топтала «монеты» на полу, а они беззвучно осыпали ее.

— Ну вот, — облегченно вздохнула бабушка, потянула с головы платок и неожиданно уткнулась в него. — У Шурика сегодня день рождения... — глухо сказала она, опустившись на краешек стула, сжалась в комочек.

— Бабуся, — поддержал я ее, обнимая за худенькие плечи.

Она подняла голову, платком промокнула глаза и вытерла морщинистые щеки.

— Ой, что это я, слезы-то наши, бабьи, близехонько. Сашин день сегодня, а я... Сядем, попотчуетесь, — достала бутылочку кагору, налила мне, себе в граненую рюмочку, прикрыла ее рукой. — Помолчим... Ну, держите.

Солнечные блики с пола переместились на стену. В эту минуту вечернее солнце едва просвечивало сквозь густую черемуху. А когда солнце закатилось, в кухне сразу стало сумеречно. К слову я предложил бабушке прорезить черемуху.

— Что вы! И не говорите, — замахала она обеими руками, — ни веточки... Шурик садил, вот она была какая, — она показала чуть выше стола, — а теперь вон, — заглянула в окно из-под низу вверх. — Весной-то примета верная, черемуха цветет — и на душе легко.

Бабушка замолчала и прислушалась, не идет ли кто? Ждет! Всегда ждет. Ее вера передалась и мне, она была сильнее любого факта, что бы с сыном ни случилось. Мать проводила его здоровым, улыбочивым, как она говорила, и не хочет думать, что сын погиб на войне.

— Вернется Шурик, так не узнать, поди, сколько уж годов прошло. Он изрос, а я состарилась, да смерть-то гоно, сына сперва дождусь.

...Пышно кудрявилось зеленое лето. Однажды налетела грозная туча с ветром, склонились деревья, зашумели, а высокая черемуха не покорились, не спряталась за домом, и ствол ее треснул. Сверкнула молния, хлестнул дождь, и последним порывом сбросило вершину с черными ягодами во двор. Где-то еще ухнула гроза за Исетью, и все стихло.

Бабушка перекрестилась на сломанную вершину и заплакала. После этого она стала прибалывать. И лето сникло, перепалили дожди, в огородах мокла картофельная ботва, клонились подсолнухи, ненадолго вспыхивали красные маки и гасли.

Я уезжал на практику. Выбегая с чемоданом во двор, встретил бабушку. Она шла с охапкой моркови, ботва зелеными косами свешивалась в разные стороны.

— Вам, на дорожку. Шурик любил...

— Спасибо, — поблагодарил я и обломал несколько морковок. Взял бабушку за костлявый локоть: — До свидания, бабуся.

— Счастливо, — вздохнула она.

Открывая ворота, я оглянулся и помаhal на прощание.

Возвращался я поздней осенью. Снова бежал по знакомой улице, мимо знакомых домишек. Но у бабушкиных ворот словно споткнулся: пририта новая скоба, окошки без завесок, как пустые глазницы. Постучал с тревогой и нетерпением...

Ворота открыла незнакомая женщина.

— Не дождалась Надежда Деомидовна... — сказала она.

«Кого не дождалась, — подумал я, — бабушка ждала сына, но, может быть, последние дни она ждала и меня, как сына...»

Сердце мое похолодело: не успел, не порадовал...

Черемуховые листья пятнали двор, сухо шуршали под ногами. Они еще не успели пожухнуть, ветер заметал их на крыльцо, уносил вдоль улицы. Куда же он нес их? Навстречу ли кому, гнался ли за кем? Последние листья отлетали и кружили в воздухе.

Я еще раз посмотрел на домик в три окошка, в которых словно бы тайлось ожидание. Посмотрел на ворота, на которых недостает таблички: «Здесь жила Надежда Деомидовна Антипина — мать, ожидавшая до конца дней своих сына-солдата с войны».

И долго я оглядывался на этот домик, когда шел обратно. Он и теперь все еще стоит над рекой, близ Верх-Исетского завода. Поклонитесь ему, если будете проходить мимо.

«Из боя не выходить!»

Единственный раз командир танковой роты Донков не подчинился приказу. В бою под Пырлицей, на молдавской земле, Федора Донкова ранило осколком в грудь. О ранении командира сообщили комбригу, тот приказал вывести машину из боя. И тут капитан Донков отдал свой приказ: «Вперед! Из боя не выходить!» В этом бою танк подбил семь «тигров» и, уже объятый пламенем, вел огонь до последнего сна-

ряда. Это был последний бой капитана Донкова: в тот день, 31 марта 1944 года, он погиб в горящем танке.

На станции Пырлица в Молдавии сейчас стоит памятник. Здесь похоронено более ста советских солдат, в том числе и Герой Советского Союза Федор Трофимович Донков. Пионеры Пырлицкой средней школы ухаживают за братской могилкой, ведут большую работу по розыску родственников погибших. Двоюродный брат Федора Донкова прислал пионерам фотографии. Герои снова предстают перед живыми как живые.

Найди!

Улица Двадцати одного неизвестного... Почему она так называется?

В сорок третьем году возле станицы Курчанской на Кубани высадился отряд морской пехоты. Немцы обнаружили десант. Парней было двадцать один. Позади — Азовское море, впереди — враги... И не было времени на раздумья — моряки вступили в бой. Кто сразу рухнул от пули, а кто-то погиб последним, с яростным криком подняв перед смертью приклад на врага... Все до единого погибли в этой короткой схватке. Остались, как многие разведчики, безмянными, потому что в рейд не положено брать ни документов, ни писем, ни фотографий.

Кто они, из какой части — так жители станицы и не узнали. В штабных документах погибли десантники, возможно, значатся как без вести пропавшие.

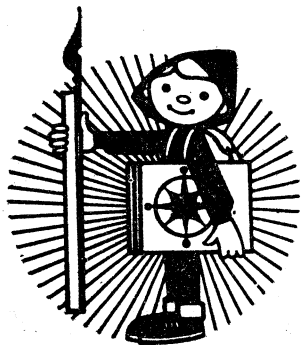
Пионерам станицы Курчанской: помогите установить, кто был в десанте. Пусть узнает вся страна про улицу Двадцати одного неизвестного, пусть поименно встанут в памяти герои, пролившие кровь за эту кубанскую станицу.

Главный экзамен

Саша Васильев был мальчишка как мальчишка. Голубей любил, с ними и об уроках забывал. А экзамены не очень любил.

Но в восемнадцать лет Саша сдал свой главный экзамен в жизни. Когда взвод лежал под белорусской деревней, прижатый вражеским пулеметом к земле, он сказал командиру: «Товарищ лейтенант, можно я!» — пополз к немецкому пулемету и упал на него своим телом.

Подробности подвига рядового Александра Васильева много лет спустя узнали красные следопыты средней школы совхоза «Гигант» Энбекши-Казахского района Алма-Атинской области. Одну из улиц совхоза по настоянию ребят назвали именем А. Васильева, посмертно награжденного орденом Ленина. Стендом о нем открывается и школьный музей, названный «Наши советские Данко».

следопытская

ХРОНИКА

Легенды рядом с нами

Красные следопыты Московского завода тракторных гидроагрегатов — молодые рабочие и учащиеся подшефной школы № 430 — по-новому увидели свой завод, когда начали изучать его историю, расспрашивать ветеранов, листать архивные документы. Узнали они, что когда-то здесь изготавливали легендарные буденновские тачанки. А в годы войны из цехов завода шли на фронт снаряды, минометы...

Материал о ратных и трудовых подвигах рабочих занял видное место в музее истории завода, который создается ребятами.

Мой отец, Сторожев Василий Иванович, год рождения 1913-й, ушел на фронт в августе 1942-го, когда формировалась дивизия из добровольцев-сибиряков. Он был снайпером и воевал под городом Великие Луки. В августе сорок третьего прислал последнее письмо, писал, что уходит на особое задание и, может быть, долго не будет писать.

После войны мать разыскивала его. Ей ответили, что нет в списках — ни среди живых, ни среди мертвых.

Может, кто-нибудь знает о судьбе отца?

Г. ПОПОВА
Красноярский край,
Курганский р-н,
поселок Чибижек.

Это были их родители

У проходной Уралмаш-завода стоит на постаменте самоходная артиллерийская установка — она была собрана в последний день войны и стала памятником трудовому подвигу рабочих. В сорок первом Уралмаш перешел на производство бронекорпусов, дизель-моторов, танков. Напряжение фронта передалось тылу: в бригадах были политруки, по 18 часов стояли уралмашевцы у станков, девушки и подростки после рабочего дня еще находили силы помочь в госпиталях.

Не только грозная продукция выходила в годы войны из цехов знамени-

того завода. В 1942 году поступил уникальный заказ: по картинке из журнала инженеры электроремонтного цеха сделали аппарат для удаления осколков из глаз раненых, и в недельный срок цех выполнил сложный заказ для 50 госпиталей страны.

...О трудовых подвигах уралмашевцев рассказывают экспонаты заводского музея, который постоянно пополняется благодаря поиску красных следопытов школ района. Они разыскивают рабочих фронтовых бригад, восстанавливают историю создания оборонной продукции. И с удивлением узнают, что многие из подростков, трудившихся в те годы у станков не хуже кадровых рабочих, — их родители или знакомые...

От 1917-го до 1945-го

Бои шли на улицах Берлина. Кварталах в трех от Александерплац, в квартире на первом этаже капитан Чернильцев возился с телефонным проводом. Ступая по раскиданным в беспорядке вещам, связист вдруг заметил кусочек красной материи. Поднял. Это оказалась нарукавная повязка. «27 февраля 1917 года. Красная гвардия Васильевского острова» — с изумлением прочитал он надпись на ткани. Откуда она взялась здесь? Может

быть, тот, кому она принадлежала, воевал в первую мировую на русском фронте и хранил ее в память о братании! Несомненно одно — здесь жил антифашист, в условиях гитлеровского режима вряд ли кто другой стал бы хранить реликвию революционного года.

В последние дни войны Виктор Федорович Чернильцев с полевой почтой отправил нарукавную повязку в родной уральский поселок Ис, где жил и рабо-

тал его брат Петр, горняк. Спустя много лет после войны, незадолго до своей смерти, Петр Федорович Чернильцев передал красногвардейскую повязку в школьный музей поселка.

Здесь, в отделе боевой славы, она хранится и поныне, среди других экспонатов — как символ связи времен, как память о первых красногвардейских патрнях Петрограда и неизвестном антифашисте, хранившем ее почти тридцать лет. «27 февраля 1917 года. Красная гвардия Васильевского острова», а рядом табличка: «Найдена в Берлине, в 1945-м».

Мгновения войны

В музее боевой славы школы № 32 города Калининграда родился новый раздел. Школьники посвятили его журналистам-фронтотикам, и не просто журналистам, а фотокорреспондентам военных лет, чьи снимки делались на местах боев, в госпиталях, в партизанских краях. Фотоснимки Д. Бальтерманца, А. Узляна, Е. Халдея, Г. Санько, Я. Рюмкина расскажут школьникам о негнбаемом духе нашего народа, о славе советского оружия, о фронтовой жизни.

ПАМЯТЬ

**Николай
ЕРЫШЕВ**

На 1, 2, 3-й страницах
вкладки
репродукции
с картин
автора

Военное детство... Чем дальше оно, тем отчетливее, тем явственнее даже запахи тех лет: дымная гарь, запах хлеба из жмыха и картошки, на губах — вкус яблока, пахнущего осенними листьями.

В оккупации я оказалась мальчишкой в маленьком городишке Апшеронске на Кубани. Отец ушел на фронт, успев эвакуировать нас только в соседний поселок.

Хозяйка дома, где мы жили, кормила нас как в праздники: куры, сметана, масло — все равно достанется немцам. Потом был бой, бомбежка, самолет, падающий горячей дугой в синем небе, и поселок заняли немцы.

Стояла осень сорок второго.

Мы вернулись в Апшеронск.

Ни дома своего, ни сада не узнали. Ограды не было. В большом саду, который засадил яблонями еще дед, стояли тупорылые машины и танки. Дом заняли эсэсовцы.

Мать выкопала в саду землянку, и мы поселились там.

В этих моих воспоминаниях нет ничего необычного. Таковы были судьбы многих тысяч семей, не успевших эвакуироваться в глубь страны.

Нам повезло — мы все остались живы, но память... память сохраняет все это, и чем дальше, тем отчетливее в нас это прошлое.

Сад стал нашим домом и кормильцем, нашей защитой. Как они страдали, наши деревья! Танки ломали стволы, немцы спиливали яблони, если они им мешали.

Рядом с домом проходил широкий тракт на Краснодар, и его часто бомбили.

Бомбы иногда падали в сад. Если попадала фугаска — деревья выворачивало комлями вверх, а среди сада оставалась глубокая рана — воронка, которая потом не заживала долгие годы.

Осколочные бомбы не оставляли следов на земле, но после их попадания яблоки попеременно с ветвями и листьями устилали землю.

Была в саду одна яблонька. Звали ее «Цыганка». Маленькая, неприхотливая. Опадали осенью листья, но плоды держались на ветках. Шел первый снег, а они еще висели. Крепенькие, краснотелые, янтарные внутри яблоки. Такие хорошо засаливать в капусте. А на Новый год подвешивать на елке, если мало игрушек.

Яблоки «Цыганки» мы ели до глубокой осени, а весной перекапывали всю уцелевшую землю под деревцем и находили уцелевшие плоды, пахнущие прелыми листьями и морозной землей.

Она была много раз ранена, эта яблонька.

Отец, вернувшись после Победы, лечил ее как мог, но дерево хирело, яблоки мельчали, не краснели как раньше, и вскоре оно умерло.

Ранней весной в одну ночь эсэсовцы покинули наш дом — фронт был уже близко.

Немцы отступали несколько суток.

Бросали оружие, патроны.

Тяжелые повозки местили грязь и снег.

И вот пришел тот рассвет (было часов пять утра), когда весь городок проснулся от тишины.

Тишина стояла такая,

что слышно было, как кричит петух где-то на окраине. Под утро выпал снег, белый, белый, и засыпал все следы. Из домов вышли к тракту люди и стояли молча, боясь спугнуть тишину.

И вот далеко на дороге появились черные точки. Шли наши машины. Помню только, как бегал по снегу и орал: «Наши!» и «Папа!»

А в сорок пятом пришла Победа. Мама разбудила меня рано-рано. Солнце засветило всю комнату через низкое окошко. Одевшись, я убежал в школу.

Среди большого школьного двора стоял наш военрук и, всаживая в винтовку обойму за обоймой, сосредоточенно палил в небо, уже расцветившее со всех сторон транссирующими пулями и ракетами.

Так и стояли мы во дворе, задрав головы, а вокруг нас сыпались гильзы.

Военное детство. Чем дальше оно, тем отчетливее, тем явственнее воспоминания...

Я стал художником, приехал на Урал.

Когда меня спрашивают, как начиналась та или иная картина — мне трудно ответить.

Но картины о войне имеют точный адрес — Воспоминания и Память.

Первая картина «Май сорок пятого» написана в память об отце моей жены. Он погиб под Севастополем. Так появилась у меня в картине женщина, уже вдова, но еще верящая в возвращение мужа.

Отсюда и пустой стул, и две рюмки, и гаснущий салют в окне.

ЯБЛОКИ

Мне хотелось, чтобы грусть в картине была светлой, с надеждой.

В 1973 году написана картина «Салют». Она начиналась с воспоминаний — мальчик и солдат на школьном дворе. Но у живописи свои законы: картина трансформировалась, появились в ней две женщины, тянущиеся к расцвеченному небу, и мощеная бескрайняя площадь, и многоэтажный дом.

Детские воспоминания о нашем саде и в основе картины «Яблоки». В ней тоже многое изменилось по сравнению с начальным замыслом: появилась символика. Когда писал — самому порой становилось страшно.

Последняя по времени исполнения — картина «Тишина».

В прошлом году, побывав в отпуске в Апшеронске, на своей родине,

я долго бродил с альбомом по дубраве.

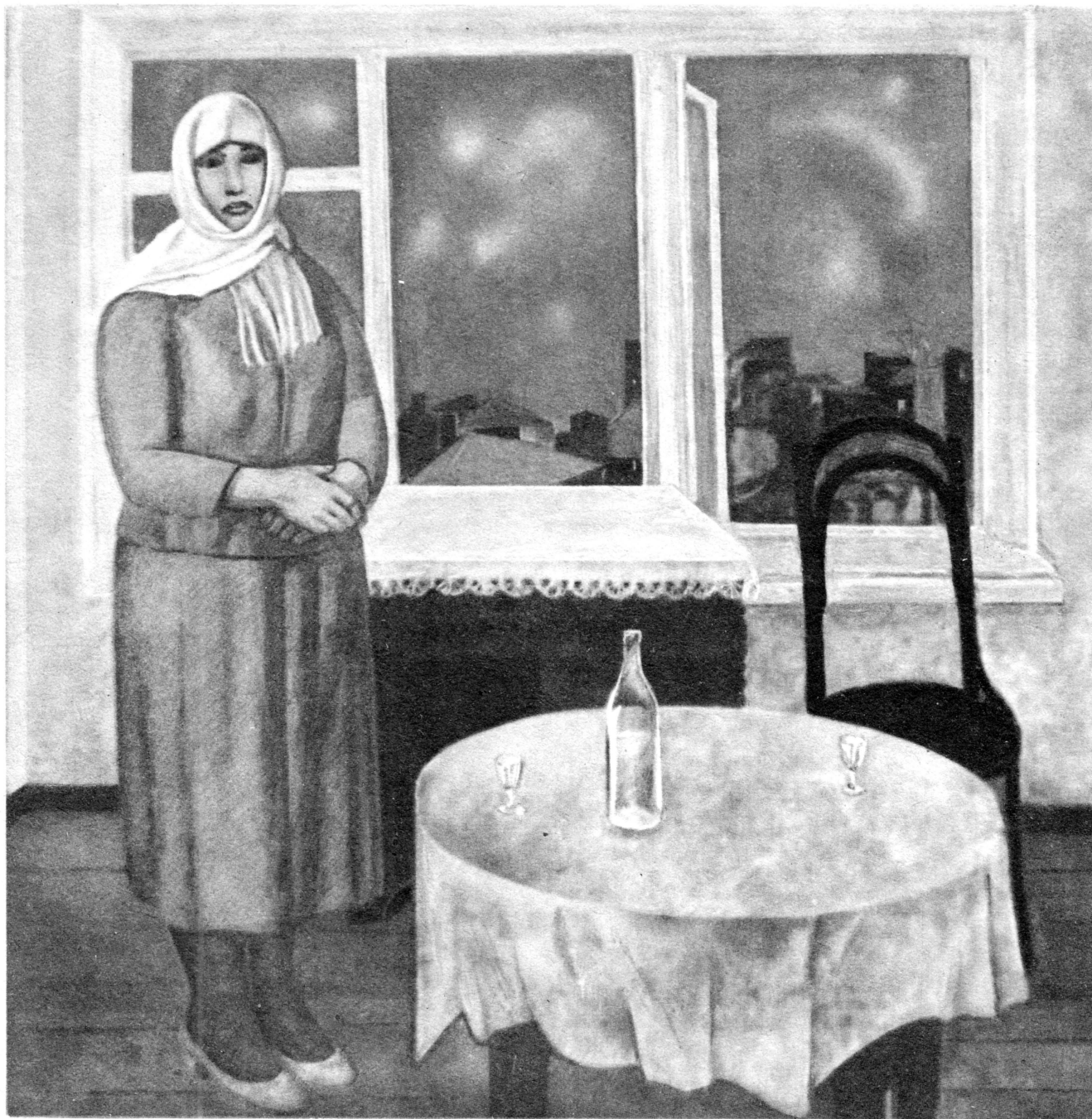
Было в дубраве чисто, как в светелке, и очень тихо. Не слышно даже птиц. Стоят молча красавицы-дубы, да иногда прощуршит лист. Там и наткнулся я на скромный памятник со звездочкой. Так появился замысел картины, где дубовые листья как символ венка Славы.

За праздничным столом мы с женой всегда

поднимаем тост: чтобы никогда не было войны, чтобы воспоминания детства нашего сына всегда были светлыми.

Но чтобы не было войны, память не должна умолкнуть. Всем, кто воевал, всем, кто освобождал нас, детей, всем, кто помнит, — надо говорить, надо вспоминать.

Поэтому я пишу картины о войне, пишу в мирное счастливое время.

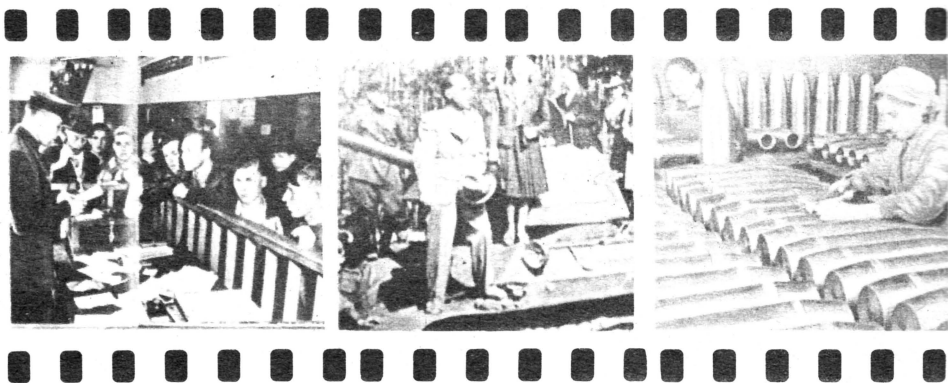
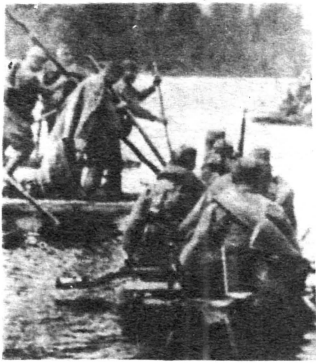

МАЙ СОРОК ПЯТОГО

ТИШИНА

СТАЛИНГРАД ВОЛОДИ МЕЛЕХИНА

**Владимир
ПЕЧЕНКИН**

Скудна урожаями земля коми, суров северный край. Зато в лесах много зверя. И в селе Вадер местные кулаки-перекупщики издавна пушниной богатели. Но пришла в леса коми Советская власть, пахотные земли переделала, пушные торги запретила. Строг, неподкупен был в Вадере милиционер, единственный в селе коммунист Александр Мелехин. Боялись его кулаки. Да только и они не лыком были шиты. Пулями из обрезов, правда, в него не стреляли, избу не поджигали, распоряжения исполняли как будто даже ретиво, при встрече здоровались почтительно. И при случае упоили однажды, клянясь в дружбе, пожимая руки. Поздним вечером, хмельного и огрузневшего, отвели в глухой переулок и бросили на снегу. Мороз был невелик, но заболел Мелехин, прохворал два месяца и умер к исходу весны, оставив сына и дочку на руках своей Василисы Сергеевны. Шел тогда Володе Мелехину пятый годок. Мать, женщина работящая, ребят к труду сызмальства приучала, и хоть скудно жила семья, но подрастали дети — хозяйству помощники, колхозу работники.

Учился Володя в местной семилетке. Летом на полевых работах привыкал к мужицкому труду, зимой, вечерами длинными, сидел над книгами в избе-читальне перед керосиновой лампой. Что такое электричество, Володя знал лишь из рассказов учительницы. Да еще изредка приезжала в Вадер кинопередвижка, и важный киномеханик разрешал мальчишкам помогать — крутить ручную динамку. Крутили по очереди, до поту, с удовольствием. За это механик пускал бесплатно на следующий сеанс. Да и сама динамка казалась чудом: крутишь ручку, и вдруг — свет, электричество, кино!..

Окончил Володя семилетку, стал работать на колхозных полях. Но кто знает — может, от той смешной старенькой «чудо-динамки» и засветилось в душе мальчика желание учиться дальше. Может быть, тусклый огонек керосиновой лампы заставил полюбить нездешний электрический свет. И когда леса подернулись первой ржавчиной осени, поехал Володя в город Ухту учиться в техникуме, постигать тайны электричества.

Город поразил деревенского паренька, привлёк и опечалил. Не повезло в Ухте. Преподава-

ние в техникуме велось на русском языке, а Володя совсем не понимал по-русски — в Вадере все говорят на языке коми. Трудно привыкать к городу, к студенческой жизни, к незнакомому языку. На стипендию никак не вытянешь, а маме и самой трудно, помощи от нее просить стыдно. И домой возвратиться нельзя — как приятелям показаться? Присвистнут, скажут: «А, студент! Быстро выучился однако. Что же, керосиновые лампы на электрические переделывать станешь?»

В Ухте на работу тоже никто не возьмет — годами не вышел, а ростом и тем более. Подумал парнишка, да и поехал за тридевять земель, в город Нижний Тагил, к маминой сестре тете Ане.

Большой город Тагил, еще больше Ухты. Улицы длинные, людей множество. А поговорить и совсем не с кем: ни слова на языке коми не услышишь, что говорят — не понять. Едва нашел дом, где тетка живет. Обрадовалась она племяннику и все сокрушалась, глядя на худобу его. Накормила так, как давно не едал.

Стоял апрель 1941 года, было тепло, улыбался парню Урал солнечными днями. Впереди лето, осенью пойдет в 8-й класс, а пока тетя Аня учила говорить по-русски.

Гулял он по деревянным городским тротуарам, с Лисьей горы любовался широким прудом, созданным еще крепостными тагильчанами. Тагил ему понравился. И думал парень: удачно-все складывается, повезло ему!

А в июне пришла война. Все сломала. Еще не понимая до конца, что произошло и как это страшно — война, Володя догадывался, что десятилетку ему сейчас не кончить. Тетя Аня пошла к знакомому директору ремесленного училища, и вот так, по знакомству, Володю приняли в группу с опозданием почти на целый год. Надо было догонять товарищей в учебе и одновременно осваивать пока еще мало понятный русский язык. Но теперь уже не скажешь: «трудно» — потому что идет война. Вдобавок ко всему врачи признали у Мелехина заболевание глаз — в те времена глазная хворь в деревнях северных народностей не переводилась. Мальчонка вынес все трудности и двухгодичный курс ремесленного училища одолел в полгода.

Не играл оркестр, не говорили речей, когда выпускали их из РУ. Вручили свидетельства и тут же направили в цех.

По территории НТМЗ шли три товарища — Володя Мелехин, Коля Чегодаев и Вася Ширинкин, электромонтеры со вчерашнего дня.

— Тетенька, где тут электроремонтная мастерская?

— Кто ж ее знает... Электро?.. Кажись, в бывшем вагонном депо она. Вот мартен, видите?

Не видно им было мартена. На НТМЗ в то время между цехами еще стояли густые сосновые перелески. Шагаешь то по железнодорож-

ной колее, то между огромными цехами, а то лесной просекой.

— Да вон, где дым! — махнула рукой работница.

Дым они увидели.

— А от мартена — направо. Спрашивайте депо, там покажут.

Депо нашли. Но никакой мастерской там не было. Встречная, что ли, напутала? В большом гулком деревянном корпусе гуляли осенние сквозняки и бродил пожилой усач в поношенном коричневом пальто, озабоченно осматривал стены.

— Дядя, где тут электромастерская?

Похоже, дядя в плохом был настроении. Или замерз на сквозняках. Лицо унылое.

— Вам чего здесь надо?

— Направление у нас на работу...

— Ну-ка, ну-ка!..

Прочитал, оглядел ребятишек критически, вздохнул:

— Вот это и есть мастерская.

— Которая?

— Ну, вот эта самая, — он кивнул на обшарпанные стены. — Ее оборудовать еще надо. А люди у меня где? Эх!..

Это был их мастер. И здесь началась их трудовая жизнь.

До сих пор небольшие электромоторы ремонтировались в тесной комнатке при прокатном цехе. Но завод рос бурно, требовались настоящие мастерские и настоящие специалисты. И вот — нежилое здание бывшего депо. А специалисты «с образованием» — Володя, Коля и Вася, ребята из РУ. Еще было несколько девчонок и этот мастер, дореволюционного вида папаша в потрепанном пальто, под которым блестела медная часовая цепочка, перекинутая через весь живот. Вот эти-то люди и создавали электроремонтную службу на НТМЗ. Обивали потолок кровельным железом, настилали полы, под «дубинушку» тащили тросами «станочный парк» — единственный старенький токарный станок. А при станке — единственный же «квалифицированный токарь» — Миша Туканов, тоже подросток. У Миши уже был мало-мальский стаж. Был у него даже ученик — Ваня Савченко.

Ожило, потеплело здание. Повезли сюда на ремонт моторы, трансформаторы, крановые магниты...

Война войной, а молодость жизни рада. Продавщица в заводском ларьке жалела мальцов, хлеб по карточкам отпускала на день-два вперед. Поедут — повеселеют. Выкроют время и рублевку на кино — удовольствия на неделю.

Только вот осень глубокая, холода подходят, а у Володи одежонка летнего образца.

Ночевали здесь же, в цехе. В сушильных печах тепло, даже жарко, не то что в общежитии. Бежали только в столовку, да в другие цеха, если

там авария. Получалось удобно: окончил смену — и в сушилку спать. Проснулся — и уже на рабочем месте.

Все бы ничего, да в первых числах февраля с Володей стряслась беда. Отработав двенадцатичасовую смену, он, как всегда, уснул в сушилке. Пришлось на этот раз примоститься на узкой скамейке — в сушилку поставили трансформатор. Ладно, при Володиной худобе и скамьи хватит, при полусуточной усталости и доска — что перина. Спал без сновидений. Повезло: на срочную работу не подняли, выспался всласть, не каждую ночь такая удача. Проснувшись поутру, заторопился в столовую. Только ступил за цеховую дверь, февральская вьюга сразу все тепло из-под бушлатика выдула, подстегнула — мигом до столовки домчался. Встал в очередь. Кругом за столиками суп хлебают, запах приятный... Полез Володя в карман, чтобы карточки заранее приготовить, и сердце дрогнуло — пусто в кармане!.. Нету бумажника! Нету!!! Сам его из тряпицы сшил, лежали в нем документы, шестьдесят рублей синенькими десятками... Но самое главное, самое дорогое — карточки продуктовые. Потерять их — все равно что смертный приговор. Обшарил карманы по нескольку раз, подкладку бушлата ощупал. Бумажника нет!

— Какого черта чешешься? — прикрикнул стоявший за Володей в очереди рабочий. — Подавай карточку, не задерживай!

Володя шагнул от кассы в сторону. Кто-то из своих, цеховых, бережно неся тарелку жидкого супа, спросил:

— Ты чего, Вовка? Поел уже?

— Я... ага, поел!..

Он выбежал из столовой и — в цех. Возле той скамеечки, где спал, весь дощатый пол исползал на коленях. Искал бумажник, искал... Занозил ладонь, но даже не заметил этого. От другого плакали глаза: как жить без карточек? Ведь только еще начало месяца... Теперь до марта — как жить?!

В полдень звали товарищи обедать. Мотал головой:

— Не пойду, живот что-то заболел.

Лишь на другой день узнали в мастерской о его горе. Мастер снял перевязанные ниточкой надтреснутые очки, протер стекла полкой пиджака, снова надел и внимательно, словно новичка, оглядел Мелехина.

— Хорошо искал? Воров в цехе вроде нет...

Подходили женщины, девчонки, ахали, смотрели как на безнадежно больного.

— Воров среди нас нету. Разве что в столовке кто... Ты бы поискал еще. Может...

— Да уж чего там — может!.. — Володя отворачивался и хмурился, чтоб не увидели слез.

Ходил на поле, разгребал снег, ковырял мерзлую землю и выискивал прошлогоднюю картофельную мелочь, из которой варил потом

в сушилке противный желтый кисель. Женщины, девчонки, товарищи урывали для него кусочки из своих скудных паек, поддерживал разовыми талонами мастер. В лютый первый военный февраль выжил Володя. К исходу зимы в семнадцатилетнем парне весу было килограммов тридцать. Есть хотелось всегда, даже во сне. Но он работал, и работал не как-нибудь.

В то время не думалось о себе. Мысли о льготах, о поощрениях не приходили в голову. Какие поощрения, когда война! Только до слез обидно было: почему фашист так прет? Почему его так трудно выбивать с нашей земли? И заводские будничные подвиги казались никакой не героикой, а обидным сидением в глубоком тылу — в то время как воюют другие. Мелехин и кое-кто из его приятелей пришли к выводу, что негоже им отсиживаться в тылу, а надо и им на фронт, бить врага самолично. Может, хоть на день приблизят победу. И вообще, решили они, на заводе им нечего терять, кроме разве продовольственных карточек.

Пошли в военкомат, добрались до самого военкома:

— Просим направить на фронт!

— На фронт? А по сколько вам? О, уже по семнадцати? — военком покосился на маленького Володю. — Где работаете? Начальник цеха дал согласие на ваш уход в армию?

Начальник цеха имел большие права в таких вопросах. Никакого согласия он, конечно, не давал, даже не догадывался, что его хлопцы собрались воевать.

— Идите пока работайте, — сказал военком. — Надо будет — вызовем.

Стали ждать. Но их все не вызывали. Забыли, что ли? Или адрес неправильно записали? Да в конце-то концов, сколько можно ждать! Там же бои идут, там пополнение нужно. Вон и в сводках информбюро опять сказано: ведутся наступательные бои, наши войска заняли населенные пункты...

И решили сделать как проще: поехать на фронт самостоятельно. Явятся на передовую, так не выгонят же обратно, там каждый боец на счету.

Вполне уже квалифицированные рабочие, все-таки оставались они мальчишками. И отъезд «на войну» получился смешным и глупым. Принакопив сухарей, пайковой ржавой селедки, сахара, уложили все это в котомочки и подались на ночь глядя к пригородной станции Смычка. Благо в тот вечер ни экстренных работ, ни погрузки снарядов не предвиделось. Сначала издалека «вели наблюдение за объектом». Потом с независимым видом вышли на пути и этак, между прочим, спросили у первого встречного сцепщика:

— Закурить не найдется? Нету? А какой состав идет в западном направлении?

Сцепщик повертел головой, соображая, где оно, западное направление.

— Вон порожняк на четвертую путь подали. Этот, кажись, на запад. Да вам куды надо?

Что-то ему соврали, степенно отошли. В сумерках между вагонами прокрались «на четвертую путь». Юркнули в пустой вагон и дверь загнули. Решили:

— Главное, чтоб в западном направлении...

Сначала ждали отправки стоя, переминаясь от нетерпения. Но состав все не трогался, и они сели на грязный пол вагона. Потом стали подремывать. И совсем уснули, убаюканные темнотой, свистками путейцев, шумом пробегающих составов.

Разбудил их скрежет отодвигаемой двери. Было позднее утро, летнее солнце лилось на красные с белыми надписями вагоны, блестело на рельсах. В светлой рамке двери стоял начальник электроремонтной мастерской Анатолий Петрович и энергично ругался. Его смуглое лицо побагровело от возмущения. Как уж он их тут обнаружил, неизвестно. Но вот обнаружил, и теперь страсть как сердился. Когда, виновато пряча глаза, вылезали из вагона, Анатолий Петрович выдал каждому по подзатыльнику и повел на завод. Полдороги ругался, потом устал и замолк. Подходя к мастерской, сказал:

— Идите работайте, не могу сейчас разговаривать с вами, оболтусами. Отлупить только могу. На смену опоздали!

Потом уж, когда поостыл, вызвал к себе. Говорил спокойно и рассудительно, как с задурившими сыновьями:

— Вы нужны здесь позарез! Поймите: все электрохозяйство в руках своих держите! А вы... Больше на фронт не бегали.

Официально рабочий день длился двенадцать часов. Если случалась где авария, трудились и по восемнадцать. Бывало, что после смены посылали на погрузку снарядов или на другие предприятия развешивать порох. Когда на другие, это очень хорошо — за ночь работы давали по полседьмки сверх пайка.

В мастерской всего не хватало: изоляционных материалов, провода, людей, оборудования. На изоляцию в моторы шла газетная бумага, обложки книг. При таких делах моторы выходили из строя часто, завод лихорадило, донимали аварии. В доменном цехе постоянно пробивало моторы вращающегося распределителя. Тогда выходила на домну бригада: одиннадцать девчонок и один «мужик» — Володя Мелехин, «специалист с образованием». Наверху домны мороз и угар, приходилось надевать кислородный прибор, а в нем что уж за работа. И надо было делать все хорошо и быстро — домна не может ждать. Чтобы делать хорошо и быстро, снимали неудобные кислородные приборы и, задыхаясь от газа, паяли и изолировали обмотку — домна

не может ждать. И фронт не должен ждать уральской стали. Поэтому фронт Мелехина проходил здесь, в стуже и угарном дыму, в бессонных ночах и напряженных днях. На войне как на войне...

Кончалось лето 1942 года. Фашисты сумасшедшим нахрапом пытались взять волжскую твердыню — Сталинград. Их надо было сдерживать, бить, громить, обрушивать на их озверелые головы тысячи тонн смертоносного металла! Снаряды, танки, бомбы, «катюши» давал фронту Тагил, город сражался здесь, далеко от войны, в горах Урала — за Волгу, за Сталинград, за Родину.

И вот в эти горячие решающие дни случилась крупная авария на домне. На одной из двух домен завода. Пробило генератор, питавший энергией все основные агрегаты печи. Запасного генератора не было. Печь встала. Завод стал выдавать только половину того металла, которого ждал от него фронт.

Все людские силы отдела главного энергетика были брошены на ликвидацию аварии. Трое суток бригадир обмотчиков Кулаков — осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами — боролся со своими людьми за жизнь генератора, за дыхание домны. Трое суток Володя Мелехин не спал ни минуты. Под веками словно песок был насыпан, мутилось в голове...

За неполный год работы в электромастерской Мелехин и в самом деле стал неплохим специалистом, с мнением его считался сам главный энергетик завода. Сейчас с ним советовался и бригадир Кулаков, которому было уже под шестьдесят. Ему изредка задавали короткие и точные вопросы молчаливые люди в штатском, которых интересовало происхождение каждой аварии на металлургическом заводе, а эта тем более... Ведь на Волге — решающие бои...

Как кормили в те дни! Горячую, сытную, необычайно вкусную еду доставляли прямо на рабочее место, чтобы ни минуты не терялось зря. Первый раз за всю войну Володя наедался досыта. От непривычной сытости еще больше одолевал сон. Уходили вздремнуть на часок-другой девчонки-обмотчицы — Мелехин оставался рядом с Кулаковым. Мужчин сменять было некому. Трое суток...

Но вот, кажется, все! Да, все. Кулаков отошел к пусковому пульту. Володя разогнул сразу занывшую спину и усталился на вал генератора. Дрогнул, двинулся вал.оборот, еще оборот... Набирающий силу деловой звук... Оживший генератор увеличивал обороты. Вот его гудение достигло обычной, привычной высоты. Окончена штурмовая работа. Володя улыбнулся и мгновенно уснул, стоя, склонясь головой на железный швеллер, под этот приятный рабочий звук...

И вдруг... Мелехин сразу разомкнул тяжелые веки. Опять наступила тишина! Все, кто был на

площадке, замерли. Рука Кулакова дрожала на выключенном рубильнике. Генератор снова пробило!..

И еще двое суток... Прошли они словно в тумане. Смутно помнились потом поиски места нового пробоа. Тяжелый паяльник в руке, очень тяжелый паяльник... Пальцы автоматически накладывали изоляцию на секции обмотки... Только бы не задремать... Володя Мелехин не имеет права дремать, он должен быть стойким солдатом... Худенький парнишка, не попавший на фронт, он сражался сейчас за Сталинград, за волжский берег, за деревню Вадер, за могилу неподкупного милиционера Мелехина, за прошлое и будущее Родины. Но об этом он не думал. Ни о чем не думал, кроме одного: не уснуть бы... Временами сознание прояснялось: все ли правильно? И опять наплывал туман, и пальцы привычно натягивали изоляцию, чтобы легла плотнее, надежнее. Сменялись девчата, оставался на передовой Мелехин.

На этот раз генератор пошел. Долго слушали, почти не дыша, его ровный уверенный гул. Да, теперь все было в порядке, доменная печь снова даст чугун. Девчата растолкали, растормошили засыпающего Володю и увели в общежитие. Спал он больше суток. А когда открыл глаза, первой мыслью было: «Опоздал на смену!» Вскочил и, не умывшись, не поев, побежал в мастерскую. Ведь война-то продолжалась...

Странно, но не укладывалось в понятие, как это может когда-нибудь кончиться война... Война оборвала детство, в войну проходила юность и началась рабочая судьба ребят, жизнь кипела под призывом — «Все для фронта!»

И вдруг:

— Победа!!! Больше нет войны!

Неужели все это кончилось?

Завод по-прежнему работал торопливо, напряженно — надо было восстанавливать разрушенное войной — города, села, хозяйство страны. И так же нужен был стране металл уральских заводов. Но наполнилось сердце радостью: мы победили! И можно было теперь оглянуться на себя. Привести в порядок и себя и свою мастерскую.

Электроремонтники перестилали полы. Выворачивали ломиками подгнившие доски, заменяли новыми.

— Ребя, глядите, что я нашел! Чур на одного!

— Что это? Тряпица какая-то!

Товарищи окружили парнишку-обмотчика.

— Не тряпица, а... Э, да тут деньги!

Кто-то из работниц догадался:

— Уж не Володи ли это Мелехина бумажник?

Володь, иди сюда!

Это был он, своими руками сшитый, пропавший в февральскую ночь бумажник. Он выпал из кармана спящего хозяина, провалился в щель под пол, да так и пролежал там до конца войны. Смыло водой надписи на документах, раскисла бумага, драгоценные продовольственные карточки, из-за потери которых парень так маялся, превращались от прикосновения в бурый кисель, как тот, из мерзлого картофеля. Деньги — шесть синенькихдесяток — еще больше посинели. Мелехин отнес деньги в сушку. Потом их обменяли в госбанке.

Нет, не было в мастерской воров...

Тридцать лет прошло с тех пор. Бывший НТМЗ, рожденный перед войной, возмужавший в военных буднях, расширился, вырос, окреп. Он теперь знаменит, ордена Ленина Нижнетагильский металлургический комбинат. И выросли в его цехах новые молодые специалисты.

Владимир Александрович Мелехин по-прежнему работает в электроремонтном цехе НТМК, который создавал своими руками. Три года провел он в Индии, вводил в строй электроцех на металлургическом заводе в Бхилаи, обучал индийских рабочих сложной профессии электрообмотчика. Пришлось ему изучать незнакомый английский язык и одновременно обучать людей. Он справился с этим делом и вернулся опять на НТМК. Он теперь — начальник участка, секретарь цеховой парторганизации, активный рационализатор.

Тридцать лет мирной жизни... Но все помнят ветераны. И те военные годы, и фронтовые рабочие смены, юность трудовую и товарищескую своих. И самый яркий, самый счастливый день своей юности — тот майский день, когда прозвучало на весь цех и на весь мир гордое слово:

— Победа!!!

Его профессия

Я решил стать военным. Моя будущая профессия будет связана с людьми и техникой. В школе мне больше всего нравятся уроки начальной военной подготовки. Я думаю поступить после окончания школы в Свердловское танко-артиллерийское училище. Но я очень мало знаю о том, как и чему там учатся. Поэтому прошу тебя, дорогая редакция, рассказать об этом на страницах журнала. Думаю, не только мне одному это будет интересно.

Булат *НАУРУЗБАЕВ*

Ю. АЛАН

Фото
В. Вохлики

Тридцать лет назад артиллерист, старший сержант Тит Титович Козинцев написал с фронта письмо, и вот мы, развернув пожелтевший треугольничек, читаем строки: «Поздравляю с 1945 годом! Пусть он озарит тебя ярким пламенем Счастья». Так сказал сыну отец. А теперь и внуки читают эти светлые слова деда, геройски погибшего весной победоносного сорок пятого года.

В семье Козинцевых — прочные традиции. Сын погибшего накануне Победы артиллериста Тита Титовича,

Анатолий Титович — офицер. И его сыновья — военные люди. Старший сын, Александр, в прошлом году окончил Свердловское высшее военное-политическое танко-артиллерийское училище и служит теперь в тех краях, где погиб его дед.

Младший из Козинцевых — Игорь. После восьмого класса пошел в Суворовское училище, а затем — в военно-политическое. Его путь к делу своей жизни прям. Школьные друзья долго колебались: стать врачом, инженером, музыкантом? Игорь

поступил, как старшие. Как отец, как брат. И учится уже второй год на политработника. Чем ценна эта профессия? Что надо знать, чтобы люди шли за тобой?

Будущий политработник изучает политэкономию, педагогику, философию, психологию. Психология... Многим памятно по газетным сообщениям землетрясение в югославском городе Скопле. Когда подвели итоги удара стихии, выяснилось: больше всего людей пострадало от психических травм. Вот почему во время

маневров войск сегодня учитывается психологическая подготовка воинов. Ибо современная война — это неожиданная и быстрая смена обстановки, скоротечность боя, подвижность подразделений. И тут главная работа с людьми — за политработником. Он сумеет погасить смятение в душах умным словом, уверенными действиями.

Современный политработник — еще и военный специалист. Обязательно. Сегодня особо нужны полит-

руки, которые умеют управлять самолетом, если они служат в авиации, которые могут командовать орудийным расчетом, если они среди артиллеристов. Летящие политруки, стреляющие политруки...

Оттого курсант Свердловского училища, готовящего «стреляющих политруков», берется за исследовательскую работу в НОК (научное общество курсантов), чтобы глубже знать общественные науки, историю советского народа; он вырабатывает

в себе способность постоянно совершенствовать технические знания — военная техника от минометов до реактивной артиллерии непрерывно изменяется.

Выпускник военного училища, в котором учится Игорь Кординцев, — это педагог и инженер, психолог и командир, это военный человек и человеческий воин...

«ПОМОГИ МНЕ РАЗОБРАТЬСЯ...»

Прочитав статью «Приглашение к разговору», я задумалась. Мне очень давно хотелось с кем-нибудь посоветоваться на эту тему.

Я учусь в седьмом классе — без троек, да и четверки редки. Одним словом — учусь охотно. То, что я окончу 10 классов, я решила окончательно. Но куда идти потом? Меня привлекают две науки: физика и астрономия. Так как мы еще астрономию не изучаем, мне самой приходится брать в библиотеке нужные книги и разбираться в них. Ужасно трудно, даже непонятно, но как интересно.

Физика — мой любимый предмет в школе. Почему? Потому что... я ничего не понимаю. Но я хочу понять! Не подумайте, будто бы я не учу уроки. Нет, у меня по физике — 5. Я знаю строение атома, его модель. Знаю, что все состоит из молекул, молекулы из атомов, а атомы из нейтронов, протонов, электронов. Но почему все вещества разные, если они состоят из одинаковых атомов, только разных по величине? Не могу понять почему. Н — газ, О — газ, а H_2O — жидкость. Учебник этого не объясняет.

Порой мне кажется: если я буду заниматься наукой, то я всю себя отдам ей. Как же я буду жить вне ее! Думаю и не могу себе представить. То, что после десятого класса я буду учиться на физика или астронома, — не совсем конечный вывод. Ведь впереди три года учебы, и я еще узнаю много других профессий. Все-таки уже пора задуматься над вопросом — кем быть? Я хорошо рисую — могу стать архитектором. Дорогой «Следопыт», помоги мне во всем разобраться. Посоветуй, как узнать — к чему тебя тянет? Расскажи мне хоть чуть-чуть о профессии астронома, физика, архитектора. Жду ответа.

ДОРОГАЯ ГАЛЯ!

Рассказать о какой-нибудь профессии чуть-чуть — все равно что ничего о ней не рассказать. Кстати, в статье «Приглашение к разговору» мы попытались дать некоторое представление о профессии архитектора — тебя это «чуть-чуть», как видно, не удовлетворило. Тем более невозможно в немногих словах дать представление, например, о профессии астронома, которая включает в себя несколько обширных «специальностей» — разделов: астрометрия, сферическая астрономия, внегалактическая астрономия, звездная астрономия, небесная механика, практическая астрономия и т. д. В свою очередь, каждый из этих разделов состоит из более узких, более специальных отраслей.

То же самое можно сказать и о «профессии» физика: одно лишь перечисление ее отраслей займет несколько страниц.

Мы познакомили с твоим письмом кандидата физико-математических наук А. Ф. Герасимова, который заведует кафедрой физики твердого тела в Уральском государственном университете. Вот что он сказал:

— Галя пытается понять такие вещи, для восприятия которых она еще не подготовлена той суммой знаний, которую получает семиклассник в школе. Эти знания еще не позволяют ей мыслить абстрактными категориями, поэтому она пытается конструировать в своем воображении «зрительные» модели атомов и молекул и, естественно, «ничего не может понять». Обычно умение мыслить абстрактно, отвлеченно приходит к концу десятого класса, а то и на первом курсе вуза. Что можно посоветовать Гале? Читать побольше научно-популярных книг по атомной физике (судя по письму, ее интересует именно этот раздел). Могу порекомендовать, например, книгу Л. Д. Ландау и И. И. Китайгородского «Физика для всех», а также третий том «Элементарного учебника физики» Г. С. Ландсберга.

Галя Милюкова.

СОТВОРЕН

Рассказ

Мамонт выискал себе на земле опору, оттолкнулся задними ногами и, как в цирке, сделал стойку, балансируя на кончике хобота. Экки изо всех сил вцепился в шерстяные джунгли его загривка, уперся пятками, но шея мамонта оказалась чересчур широкой, чтобы сжать ее как следует, он не удержался и кувыркнулся головой вперед в талый снег...

Койка вывернула Экки в ванну, и сон мгновенно слетел с него. Студеная вода омыла тело, жаркий циклон высушил. Дно тут же поддало мальчика под ноги, и он ласточкой впорхнул в успевшую освободиться от простыней койку. Тотчас над ним захлопотали резиновые лапы с присосками, сжимая и растягивая его по всей программе силового массажа.

Он спокойно дождался окончания процедур, а пока одевался, каюта стала голой и просторной — со слепыми поверхностями инзора на двух стенах, с решеткой бытового комплекса на третьей и с куском пейзажа от пола до потолка на четвертой. Пол и потолок тоже были задействованы: над головой по суточному графику разгоралось и меркло искусственное небо, а под ногами беззвучно дышал вентиляционно-погложительный ковер. И неудивительно: в кубике с ребром в три метра не мог торчать без дела ни один гвоздь. Даже картина выполняла ответственную задачу: служила своеобразным календарем, сменой лета, осени, весны и зимы отсчитывая в звездолете годы.

— Привет, гора! — сказал ей Экки.

Гора молчала.

Он включил инзор, но на экран смотреть не стал, а, присев на корточки, следил, как из-под решетки с кряхтением выползает накрытый стол. Стол метнул салфетку, окрутившую мальчика вокруг шеи. Из кастрюльки выбулькнули два яйца, шлепнулись в гнезда подставки. Пододвинулись запотевший стакан апельсинового сока и бездонная на взгляд чашечка черного кофе.

Начал он, само собой, с тостика, и мама на экране укоризненно покачала головой. Но ведь он сидел спиной к экрану — делал вид, что ее не замечает. Такая игра идет по утрам с тех пор,

как его отселили в отдельную каюту. А ему по-прежнему хочется очутиться по ту сторону миража-экрана, хочется потереться о мамино плечо... Стыдные мысли для десятилетнего парня!

Он приподнял чашечку вместе с блюдцем и выплеснул кофе в рот. С разгона проглотил, обжегся, закашлялся, погонял воздух между щеками.

— Экки! — возмущенно прикрикнула мама. — Что за манеры? И кто будет сок пить?

— Здравствуй, мамочка, — беспечно ответил Экки. — Как спалось?

Он промокнул губы салфеткой и только после этого развернулся лицом к экрану.

Экран вмещал два изображения. На одном завтракали родители, рядом давилась манной кашей четырехлетняя Руженка, в глубине над полом плавала люлька с Джоником. На втором было жилище Симона — старшего брата Экки. Сегодня он вырядился в парадную штурманку и, значит, сразу после завтрака собирался с видеовизитом к командиру.

Они всегда сходились по утрам вот так, всей семьей, хотя соседствующие в инзоре каюты совсем не обязательно примыкали друг к другу в пространстве корабля. Точное расположение кают знали лишь инженеры Техцентра.

— Доброе утро, папа. Салют, сестренка. И ты, брат! — поздоровался Экки.

— Здравствуй, мой мальчик, — откликнулся папа. — Ты сегодня немножечко опоздал. Минут на пять, а?

— Папа, ну куда теперь-то спешить? Мы летаем к Аламаку и не сегодня-завтра высадимся на хорошенькой планетке.

— Скажи лучше честно — мамонта досматривал! — поднял голову Симон.

— А ты еще откуда знаешь? — с подозрением посмотрел на него Экки.

— Электрончики нашептали, которые у тебя ночью под подушкой шастали...

— Ах ты, вредина! — Экки хлопнул себя по лбу. — А я думаю, с чего вдруг такой замечательный сон привиделся?

Он приоткрыл переборку, извлек из кармашка в изголовье капсулку экзосна, шутиливо погрозил брату кулаком:

— погоди! Я тебе такое нарисую!

Руженка решила, что настала очередь и ей вставить словечко. Она напыжила толстые щеки с ямочками и, всюду заменяя «л» на раскатистое «р-р», пропела:

Эк, Эк, чер-ровек,

Р-ротом р-ровит бер-рый снег!

— Ртом, — машинально поправила мама.

— А тогда нескр-радно пор-ручится, — не согласилась Руженка.

— И так ни складу, ни ладу, — съехидничал Экки, и мама укоризненно качнула головой:

ИЕ МИРА

Феликс
СУРКИС

Рисунки
Е. Стерлиговой

— Эки! Зачем ты обижаешь младшую сестру?

— А пусть не дразнится.

— А ты... А ты... Макар-рона с гр-разами — вот ты кто!

В это время захныкал Джоник. Отец сразу сделался суетливым и беспомощным, а мама, отеснив всполошившуюся электронную няню,хватила малыша из люльки. Эки возня с младенцами не интересовала. Он торопливо прожевал яичный желток, окликнул поднявшегося из-за стола Симона:

— Ты надолго к командиру?

— Как начальство прикажет. Сам понимаешь — служба!

— Я хотел потолковать с тобой об Аламке. Думаешь, доброе солнышко из него выйдет?

— Спроси что-нибудь полегче. А еще лучше — забудь пока о нем... Ну, хорошего тебе дня.

Симон помахал рукой, кивнул в сторону родительской каюты — мама, пеленавшая Джоника, лишь издали виновато ему улыбнулась, — и отключился. Руженка сделала последний чудовищный глоток, крикнула в погасшую половину экрана: «Сим, не забудь прислать мне медвежонка, ты обещал!» — и тоже потопала отключаться. Эки ладонью смел яичную скорлупу в откывшейся посреди стола зев мусороотвода, в соседнюю горловину запахнул кучей грязную посуду, устал стол в стенку.

До работы оставалось минуты четыре, не больше. Поболтать с Лолой он, к сожалению, не успеет. А вот сказать ей доброе утро как раз времени хватит.

— Лола, к тебе можно? — спросил он, соединяясь, но не зажигая изображения.

— Конечно, я тут.

Ох, Лолка! Как будто она может покинуть свою каюту. Да ведь, если верить Игорюхе Дроздовскому, они же по индивидуальной мерке строятся! За пределы жилища только инзор и заглядывает, так что остальная часть корабля известна каждому лишь вприглядку.

Но Лола есть Лола. «Я тут» — и все. И нечего задумываться. И по-другому она говорить не хочет. Она сидела у рабочей ниши, орудуя сразу двумя пинцетами. Руки ее двигались резво, слаженно — она не очень-то обращала внимание, чем они там занимаются. Перед нею скользила конвейерная лента с широкими кюветами в четыре ряда, а в них — дальняя родственница хлореллы из регенерационно-пищевых камер корабля. Посмотришь на летающие Лолкины пальцы — делать нечего! Однако же вот Лола работает с этой водорослью — чего-то прищипывает, прореживает, отсаживает пустоцвет, отбирает на анализ стебли, и ни один автомат приспособить для выполнения этой работы до сих пор не удается.

— Привет, Эки. Как от тебя кофе пахнет! А я сегодня какао заказывала.

— А я зато ночью на мамонте катался. Симон подсунул...

Он сказал это и прикусил губу. У Лолы не было ни братьев, ни сестер — отец смертельно облучился, когда ей было полтора года. Конечно, у нее есть он, Эки, но родной брат тоже бы не помешал. И поскольку ему приходится выполнять еще и роль Лолкиного старшего брата, он не мог допустить, чтоб ей было плохо:

— Не огорчайся, Ло. Эта капсула, считай, уже твоя. А еще... Хочешь, я для тебя свой сон придумаю?

Лола согласно кивнула и нечаянно надела локтем на край кюветы, отчего та, естественно, перевернулась, а по конвейеру поплыли пласты неохлаореллы.

— Ну, вот. Все из-за тебя! — досадливо сморщила Лола остренький носик, принимаясь за уборку. — Разве с тобой по-человечески поработаешь?

— Прости! — тихо сказал Эки, закладывая капсулку в приемник пневмопочты и набирая Лолин адрес. Радость дарить немного поубавилась, и он добавил безо всякого выражения: — Принимай.

— Ладно, — свеликодушничала девочка. — Я не сержусь.

В каюте у Эки звякнул звонок. Пора было и ему браться за дело.

— Так я пошел. После работы загляну, хорошо?

— Конечно, чего спрашиваешь?

Он сел за выдавившийся из стены монтажный столик, взял в руки заготовку блока.

Каждому в его каюте маленький кусочек Земли подарен. Той самой Земли, до которой отсюда четыреста лет. У него, например, гора. У Лолки озеро. Эки, Лола и другие — это уже пятнадцатое поколение на звездолете. Они Земли не знают. Да и не любят, пожалуй. Они любят свои картины, которые, хоть и срисованы по памяти с Земли, скорее уже изображают их будущий мир с Аламаком вместо Солнца.

Художником был прапрадед Эки — Рамон Равиньи. С помощью света и красок предок заключил в четырехугольную рамку между инзором, бытовкой, полом и потолком целый похищенный у природы мир, уменьшив его до размеров, предоставленных площадью стены... Эки вогнал последний модуль, отодвинул блок, полюбовался им и вызвал следующий. Секунды на две он опережал график и, пользуясь паузой, мельком взглянул в сторону горы.

Из правого верхнего угла картины, как бы вводя зрителя и в тоже время отсекая от нее, бесконечно падала подвешенная в воздухе ветка. Она немного мешала взгляду, ее непрерывно хотелось отвести рукой. Дальше между двумя

округлыми холмами проглядывал кусочек озера. На заднем плане торчала гора, странно вмещенная в тесные рамки пейзажа от подошвы до неприступного снежного пика — вместе с крутым травянистым склоном и стадом коров, с пестрым альпийским лугом и уютной мраморной ротондой, с галечниковой осыпью, с водопадом и тирольской деревушкой, хотя и не видимой на картине, но безусловно построенной вон за тем поворотом дороги.

Экки тревожило соединенное на одном полотне разновременье: знобкий снежный пик горы — и ослепительно синее лето озера. Там не был забыт круговорот зим и весен, придающий этому нарисованному миру странную независимость. Наоборот, вопреки законам причинности, когда гора завершала свой год, то год добавлялся и к возрасту Экки. Ведь картины служили календарями. И кто мог поручиться, что, творя ежесекундную связь прошлого с будущим, они не подчинили себе само Время? Собственными законами две тысячи раз выдуманного мира — по числу двух с лишним тысяч кают, вмещающих разные, но срисованные с одной планеты и потому связанные между собой кусочки невсамделишной Земли, усиленные резонансом двух тысяч бездн памяти и мечты!

Экки закончил монтаж еще одного блока и удлинил паузу перед подачей нового. Заказал

кухне ломоть черного хлеба с маслом, посыпанный сахарным песком. Встал. Потянулся. Включил инзор. На экране возник зал командирского Совета, искусно смонтированный из отдельных изображений, — создавалась иллюзия совместного заседания за круглым столом. В действительности командиры попивают себе чаек в персональных каютах да изредка подкидывают реплики остальным... Обсуждают очередное техническое усовершенствование, решил Экки и протянул было руку поискать какой-нибудь слабый музыкальный фон, когда одна фраза привлекла его внимание:

— Мы не можем теперь вернуться!..

Рука мальчика застыла в воздухе. Он машинально зафиксировал канал передачи. Что за фокус? Прямой экстренный. Но ведь не было никаких позывных. Или он их прозевал?

По запасному каналу он вломился к своему приятелю Игорю Дроздовскому. Но у того шла тихая автовикторина.

Экки с ожесточением потер виски:

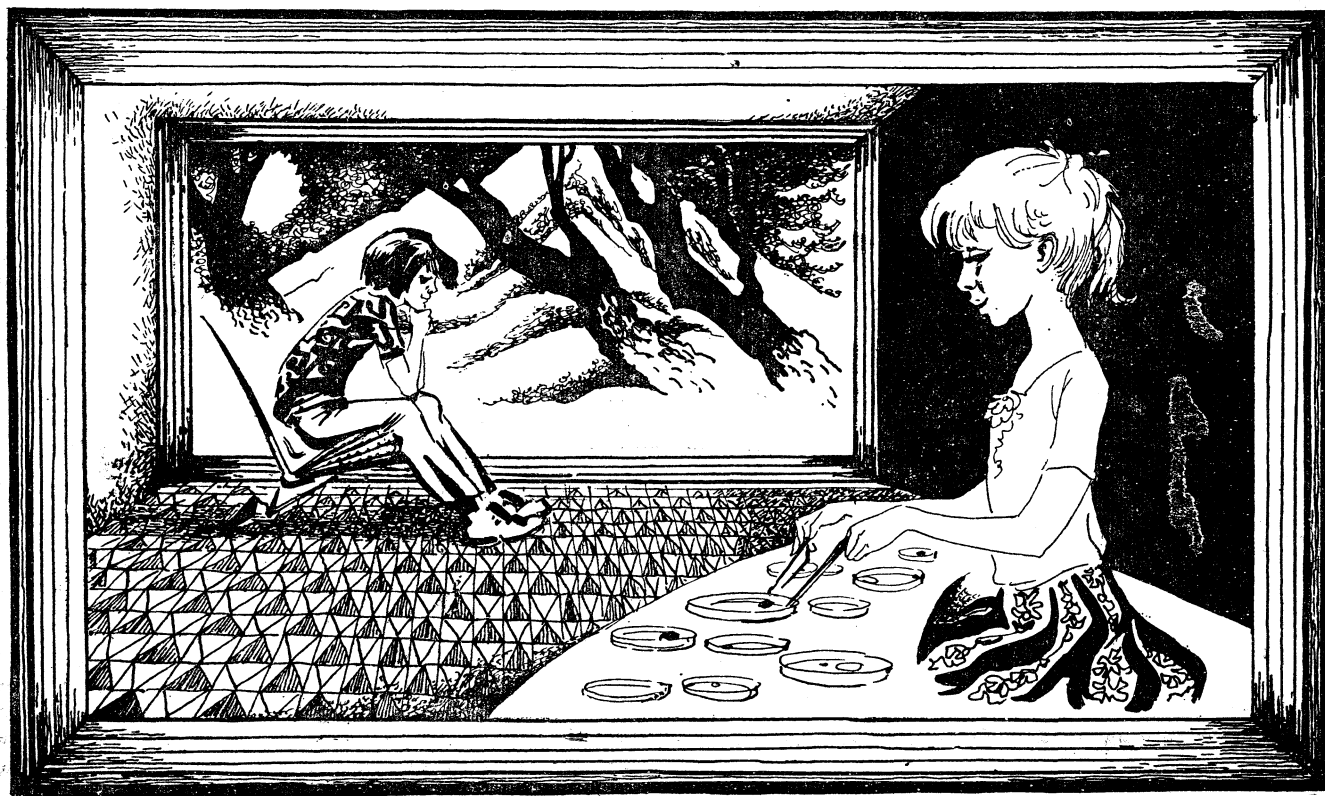
— Ты ничего не слышал?

— Много всякого за день. Что ты имеешь в виду? — невозмутимо спросил Игорь.

— Попробуй командирский канал.

Игорь пожал плечами, перевел диапазон. Там царили тишина и запустение.

— Может, скажешь, в чем дело?

— Сам ничего не понимаю. Погоди...

Экки отсоединил внешнюю связь и устался в свой инзор, по случайному капризу электроники забросивший его на закрытое заседание командирского Совета.

За суетой проверки он немного упустил нить разговора и поспел только к сообщению командира штурман-астрономического сектора:

— ...с учетом торможения для корректировки курса и последующего разгона составит от двухсот тридцати лет для созвездия Персея до бесконечности при прочих направлениях. Я могу доложить ближайшие обсчитанные варианты.

— Утешительное, надеюсь, ты таить не стал бы, — задумчиво протянул капитан.

— Да уж, — развел руками Главный навигатор.

— И все-таки лететь обратно мы не можем, — упрямо повторил руководитель Биоцентра. — Я уже не говорю о психологическом шоке неудачи. Но сегодня каютами заняты все коридоры, шахты и дезактивированные топливные танки, а за время обратного перелета население корабля утронится!

— То есть потребуется точно такой же звездолет дополнительно, иначе нам не хватит объема, — уточнил его мысль начальник Техцентра.

Только теперь Экки заметил среди членов Совета Симона. По положению он не имел права

здесь присутствовать. Гостей на закрытые заседания не приглашали. Значит, сегодня Совет собрали ради него. Он сидел, опустив голову и нервно теребя в руках рулончик штурманской перфоленды.

— Четыреста лет сна! — ни к кому не обращаясь, сказал Психолог.

— Но я же не виноват! Я шесть раз пересчитывал! — закричал Симон.

— Разумеется, разумеется, мой мальчик, — попытался его успокоить Главный навигатор. — Никто не мог предвидеть, что, так близко подойдя к Аламаку, мы опровергнем безукоризненные доказательства земных астрономов. Но сегодня можно считать твердо установленным: вокруг него планет нет. Я сам перепроверил расчеты.

Чтоб не видеть лица Симона — в красных пятнах, с закушенной нижней губой, отчего верхняя обиженно выпятилась вперед, — Экки выключил инзор.

У Аламака, к которому они летели четыреста лет, нет ни одной планеты. Значит, папа не увидит ожившим своего стада, которое он везет в эмбрионах. И мама с Руженкой и Джоником, разведенные по клеточкам, будут вынуждены любить друг друга издали. И будут вечно соединять людей экраны, чтобы разъединить навсегда. И так много обещавшая гора не дожидается его, застряв в нарисованном мире.

Потому что у звезды, к которой они летели, не оказалось планет.

Экки подошел к картине, погладил гору рукой. Ладонь утонула в стереополотне, но неглубоко — до снежного пика и мраморной ротонды на втором плане он не достал. Там было знойное лето, озеро почти высохло и просвечивало из-за холмов непокорной синей запятой. Пальцы чувствовали жар придуманного, оставшегося за кадром солнца в измышленном Рамоном Равиньи мире. Трава в долине пожухла. Коровы поднялись на высокогорный луг и лежали теперь, пережевывая жвачку равнодушными ртами. Им тоже все на свете было безразлично, потому что их когда-то вlepили в картину красками и не объяснили, что к чему...

Экки пожалел холм и траву, изнывающие от жажды. И, не очень сознавая зачем, плеснул к подножию горы, прямо в озеро, кружку воды.

Вода просочилась сквозь стереополотно, оставив следы росинок на листьях пограничной ветки и до капельки всосавшись в почву.

Экки плеснул еще кружку.

Потом еще.

И еще.

Над вершиной горы собрались тучи, громыхнул гром. Озеро приблизилось, почернело. Коровы вскочили и, задрвав хвосты, как от оводов, галопом понеслись в далекую деревню.

Экки плеснул еще кружку.

Поверхность картины вспучилась, обрела реальный, а не кажущийся объем, и гора, раздвинув холмы, полезла в каюту. Сначала на пол съехал мокрый глинистый язык, пол сразу прогнулся, откуда-то настало мелкой гальки, опасно затрещали стягивающие картину и каюту вертикальные переборки. Запахло сырым ветром и душливой предгрозовой тишиной.

Оскальзываясь на глине и гальке, Экки пересек каюту, вызвал Лолу. Лола не отвечала. Он включил изображение — и отпрянул: в экран бился желтый от взбаламученного песка прибор. Обычно тихое, играющее бликами, озеро в Лоллиной каюте теперь вздыбилось, разбушевалось, выгнулось из картины, грозило вот-вот прорвать стереополотно и, гоня перед собой ил и камни, затопить все. Того берега с холмами и горой сейчас не было видно. Лола сидела в углу с неподвижными глазами и пыталась взглядом остановить стихию.

— Экки, хорошо, что ты появился, мне страшно! — сказала она бесцветным голосом. — Я читала, а тут вдруг как загремит, и оно начало рваться сюда. Почему, Экки?

— Погоди, Ло, я сейчас что-нибудь придумаю.

— Нет-нет, заberi меня отсюда, я боюсь.

— Не так быстро, Ло. Ты вот что: закажи моторку и пробковый жилет. Правь в сторону горы. Запомни: в сторону горы. Я тебя встречу.

— Я не понимаю. Как это? Что случилось?

— Ло, не трать слов. Правь в сторону горы! Я встречу!

Он крикнул это очень вовремя. Инзор поперхнулся и смыл изображение Лолы, заместив его жестким командирским профилем по прямому экстремному каналу:

— Внимание. Внимание. Чрезвычайное сообщение. В секторе 8-эп-силон-8 обнаружена концентрация гравигенных сил. Всем обитателям сектора немедленно приготовиться к эвакуации. Просьба сохранять спокойствие. Экраны оставить включенными. Повторяю...

Гора доползла до инзора, смяла его, полезла в бытовку. Оглядываясь через плечо, Экки соединился с Техцентром и запросил спасательное снаряжение для альпинистов. Напичканные электроникой механизмы не умели удивляться и, прежде чем гора сжевала их, выдали из камеры штурмовку, две пары пьекс, ледоруб и даже рюкзак с двухнедельным НЗ.

Когда галечниковая осыпь подкатилась ему под ноги, Экки уже был переодет, вскарабкался вверх по ее неровностям, протиснулся в зазор между рамкой ожившей картины и склоном горы. Он поскользнулся, упал, больно ударился локтем, но откуда-то сам собой пробуждался навык, ноги устойчиво напряжились, часть веса принял на себя ледоруб.

Гора уходила отсюда в свое пространство, в свои небеса, ничего общего не имеющие с потолком бывшей каюты, которая еще не потеряла размера, хотя все время удалялась вместе с уползающей из-под ступней Экки подошвой нового мира. При этом, в нарушение законов перспективы, расстояние пока не убивало прежних комнатных соотношений между предметами, точно сотня метров по склону равнялась всего лишь одному шагу обратно под рамку. Экки, например, отчетливо видел, как на запасном экране инзора, еще не слизанном осыпью, проявился Игорь Дроздовский, отступающий от чего-то спиной вперед, с распахнутыми руками. Вот он обернулся, заглянул в каюту Экки, изумленно округлил глаза, на секунду потерял бдительность, и сейчас же у него под мышками, через голову, через плечи выхлестнули зеленые плети, и зеленая стена дикого, жадного до жизни леса, оттеснив его, затопила экран. И все это почти в тишине, потому что шум ветра вокруг Экки не соответствовал свисту распрямляющихся веток и шелесту листьев, которые должен был породить лес...

Верхом горы он обогнул холмы, спустился к озеру. Лолу он нашел на берегу — свесившуюся через борт надувной резиновой лодки, пропоротой корягой. Мотор все еще терпеливо фырчал. Волна гоняла по песку консервную банку с питьевой водой.

Экки тронул слипшиеся потускневшие волосы девочки, накинул ей на обнаженные мокрые

плечи прямо поверх пробкового жилета свою штурмовку.

— Идти можешь?

Она открыла глаза, медленно поднялась, провела по телу руками сверху вниз.

— Ой, Экки, я рада, что мы здесь! А ты совсем не похож на того, который в инзоре.

— Брось, нашла время для болтовни. Идти можешь?

— Не знаю, Экки, а что, это все?

— Думаешь, для нас с тобой? Как бы не так!

Пойдем.

— Попробую.

— На, обувайся.

Он кинул ей запасные пьексы, усадил на край лодки, помог натянуть и зашнуровать. Лола все еще вздрагивала и не могла сбить икоты то ли от холода, то ли от страха.

Когда они отошли от берега, Экки в просвете между холмами увидел вросшую в землю гладкую стену с прямоугольным окном внизу, через которое гора оползала в искореженную каюту. Лола замороженно сделала несколько шагов вперед, стала на колени, уперлась в срез руками, и Экки волей-неволей пришлось вслед за ней сунуть голову под рамку. Как раз в это время там, повинувшись чьей-то команде, начали таять переборки. Бытовки вбирали в себя стены, полы и потолки, и сами тут же съезжались и медленно утопали в магистральных трубах. С боков, сверху, снизу прибавлялись помещения к бывшему жилищу Экки, точно звездолет постепенно уступал свой объем горе. На один миг открылось изнутри все огромное пространство корабля — сплетение труб и кабелей, суетливые без паники людские фигурки в приметных спасательных скафандрах и неподвижные, никем не удерживаемые в воздухе рамки двух тысяч взбесившихся картин, через которые пёр в звездолет вымышленный художником и по-своему за годы полета додуманный каждым путешественником забыто-знакомый мир.

Экки, ошалевший от этого зрелища, потащил Лолу за руку прочь, прочь, все выше и выше по склону. Следом выскочили люди, что-то кричали им, звали. Гнались за ними. А они убегали. Их настигли. Экки отбивался, заслонив собой девочку. Его повалили. Вырвали рюкзак. Втиснули в скафандр. Навинтили шлем. И в таком виде — дрыгающего руками и ногами — выволокли в Космос. Там уже перемигивались дюзами ракетные шлюпки, кувыркались спасательные плотки под ненадежными пленочными куполами, сновали светящиеся ярко-оранжевые командирские скутеры. И повсюду плавали потерянные, ставшие внезапно ненужными вещи. Были и одиночки в скафандрах, кого последними подбирали спасатели и теперь организовывали их, нанизывая за поясные карабины на буксирный фал.

Экки кинулся обратно к шлюзу и застучал в

створку, замуровавшую в корабле странный мир. Но кто-то решительно взял его за руку, до боли сжал через перчатку, и мальчик улыбнулся сквозь слезы, потому что это был Симон.

— Как мама? — спросил Экки.

— У них все в порядке! — почти не разжимая губ, ответил брат.

Звездолет висел в пустоте, покинутый и беззащитный. В абсолютном безмолвии не передающего звуков вакуума по его оболочке зазмеились трещины, обшивка лопнула, и оттуда, как цыпленок из яйца, прорезался острый пик заснеженной горы. В лучах Аламака снег показался сиреневым.

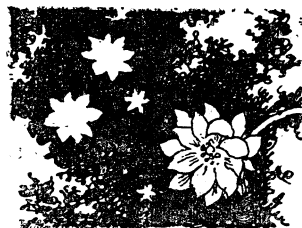
Гора лезла и лезла из звездолета, все дальше разводя в космосе половинки корабля, и уже непонятно было, как она первоначально в нем умещалась, — впрочем, загадка не загадочнее той, по которой взрослая курица, несущая яйца, сама когда-то вылупилась из яйца...

Далеко отстав от горы, из звездолета нарождались и другие кусочки мира Рамона Равиньи, и здесь они склеивались друг с другом, образуя новое целое.

Скутеры, плотки, люди и масса сразу утраивших название и назначение предметов сыпались на заметно круглеющую поверхность, уже приодетую разными пейзажами: покрытым иглами льда синим озером, заиндевшей зеленой травой, озябшим лесом, пологими, пригодными для пахоты холмами, огромной, уходящей за облака горой.

Планета, медленно поворачиваясь, принимала людей, подставляла им спину. Вот склон горы подкатился Экки под ноги, он безмолвно, как во сне, упал навзничь, перевернулся на живот, встал на колени, сорвал шлем, глубоко втянул в себя застоявшийся, не тронутый человеческим дыханием воздух.

— Ну вот, Симон! А ты говорил, у Аламака нет планет...

ПРОПЛАВШАЯ ВЫСТАВКА

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Случай этот — беспрецедентный в истории русского искусства. В 1904 г. в американском городе Сан-Луи состоялась Всемирная выставка с художественным русским отделом. На ней было представлено 600 произведений живописи, графики и скульптуры. Эта цифра была названа на Всероссийском съезде художников в Петербурге в 1911 г. Ни одного произведения живописи с этой выставки не вернулось на родину!

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится список художников, изъявивших желание участвовать в заокеанской выставке. В нем более ста фамилий — Н. К. Рерих, И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, В. М. Васнецов, А. И. Куинджи, В. В. Верещагин, В. И. Суриков, В. Е. Маковский, К. П. Брюллов, Б. М. Кустодиев, М. А. Врубель... К выставке готовились тщательно...

Вот цитата из монографии В. П. Князевой «Н. К. Рерих». «В мае 1903 года Николай Константинович начал большое путешествие по России — объезд городов, богатых памятниками старины. Летом следующего года путешествие возобновилось. Эта своеобразная поездка «за стариной», как называл ее художник, охватила огромный район — Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль. Рерих поставил перед собой грандиозную задачу изучения древнерусской архитектуры различных эпох и школ.

Им была создана большая живописная серия, насчитывающая около 90 произведений... Дальнейшая судьба этих уникальных этюдов сложилась трагически».

Та же участь постигла и работы других известных русских художников.

Как исчезла огромная выставка? Об этом записано во 2-м томе трудов Петербургского съезда художников. На съезде выступал профессор Н. А. Кошелев. Он говорил в защиту прав русских художников, которые, посплав свои полотна в США, неожиданно потеряли их навсегда. Съезд горячо поддержал выступление профессора. Но царское правительство и чиновники департаментов остались глухими к несчастью соотечественников.

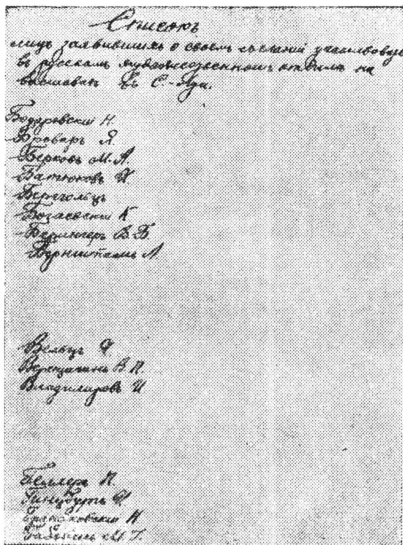
А дело обстояло так.

В 1904 году Россия приняла предложение участвовать в американской выставке. Императорская Академия художеств приготовила к отсылке лучшие современные полотна. Однако возникли транспортные и, возможно, финансовые затруднения в связи с русско-японской войной.

Тут-то на сцену и выступил поставщик императорского двора некий меховщик Гринвальд (в трудах съезда одиозный поставщик назван Гринвальдом, а не Гринбальдом, как значится в монографии «Н. К. Рерих»). Он, якобы, предложил на свои деньги отправить все картины и взять на себя «приятную обязанность» устроить выставку в Америке. Министерство финансов согласилось принять его услуги и уступило ему павильон в Сан-Луи, что был уже выстроен там на казенный счет. Барон Розен, русский посол при правительстве Америки, принял выставку под свое покровительство.

Художники России успели даже получить приглашение из Америки на открытие выставки. Никто из них не поехал из-за войны. Наступила полоса полной неизвестности. Вестей от Гринвальда не было. Потом художники получили письма. Гринвальд просил разрешения перевезти выставку

ку в Нью-Йорк, «так как в океане страшная буря и везти ее в Европу рискованно». Многие были в недоумении, тем более, что к этому времени прошел слух: сам Гринвальд кое-какие картины продал. Почему не шлет деньги?

О судьбе выставки запросили барона Розена. Он не ответил. Обратились к царю. Тот начертал: «Художникам следует помочь!» Но царское указание увязло в департаментах.

Прошло два года. Министерство иностранных дел дало объяснение художникам: Гринвальд объявил картины своей собственностью. Теперь, если их вывозить из Америки, нужно платить большую пошлину. Денег у Гринвальда нет. Нужно доказывать в суде, что картины — не собственность меховщика. Все полотна были оценены в 600 тысяч рублей. Адвокату надо десять процентов от стоимости картин — это самая меньшая мзда в Америке. Да еще расходы по суду и перевозке...

В деньгах министерство отказало.

Художники были удручены. Им было многое неясно. Как меховщик присвоил картины? Как использовал доверие Министерства финансов России и американского комиссара выставки? В свое время каждый из художников полагал: Гринвальд имеет мехов «в сотни тысяч рублей,

доверю ему картин на три-четыре тысячи рублей». Но в целом-то выставка стоила 600 тысяч рублей!

Ловкий коммерсант отправил выставку в Америку на свое имя. Знал закон: товар, пришедший в США, считается собственностью того, кто его получает. Все таможенные документы были сделаны на его имя. А после закрытия выставки в Нью-Йорке оказалось, что Гринвальд в Петербурге — банкрот: не платил за помещение, где размещался его магазин. Все его товары коммерческий суд объявил арестованными. И в том числе... картины. Если бы картины вернулись в Россию, их тотчас бы арестовали. Художники получили бы только пай.

Художники создают комиссию, стучатся в министерства. Волокита, волокита... К царю! И тот выводит уже известное нам: «Художникам следует помочь!» Комиссия едет к министру двора Будбергу и слышит образец свинцового чиновничьего остроумия: «Да, сказано помочь, но тут не сказано, что нужно помочь деньгами!»

Слешно пишется новое обращение к государю. Будберг сообщает через несколько дней: «Государь не признал возможным. Он отказал».

А в Америке в это время объегают самого Гринвальда. Какой-то адвокат делает так, что картины с таможи из Нью-Йорка отправляют в Канаду — адвокат внес деньги за полежающее и предотвратил аукцион. Кто знает, а может, адвокат был и сообщником проворного меховщика?

Так выставка исчезает. Навсегда.

Бесценные творения лучших живописцев России рассеяны теперь по белу свету. К великому сожалению...

СОВЕРШЕННЫЙ ЕГЕРЬ

Заглавие этой книги по обычаю тех лет очень длинно: «Совершенный егерь или знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте...» (далее следует еще 10 строк заголовка). Книга издана в «Санкт-Петербурге» в 1779 году.

Автор книги Василий Левшин перечисляет главные качества охотника: «1) богобоязливость, 2) хорошее и острое зрение, 3) хороший слух, 4) резвые ноги, 5) припадки на теле (тут Левшин разумеет отсутствие припадков — грыж, горбов, подагры и т. п.), 6) свободное дыхание, 7) громкий голос, 8) способный быть к понесению всяких трудов, 9) несонливость, 10) бескучливость, 11) трезвость, 12) верность, 13) здравый рассудок, 14) примечание (т. е. способность примечать, или наблюдательность), 15) здоровые и прямые зубы, 16) скорость в предприятях, 17) отважность и неустрашимость, 18) любить собаку, 19) иметь чистое и исправное ружье, 20) молчалив и независтлив».

Надо сказать, что «охотничий кодекс» разработан Левшиным совсем неплохо. Некоторые его пункты, особенно 11-й, трудны и для многих теперешних охотников!

Особенно любопытен раздел книги о способах охоты, теперь забытых. Ловля зверей и птиц тенетами была тогда делом весьма распространенным и добычливым. Левшин рекомендует даже при ловле зверей брать «только жирных лосей, а другую дичь и самок не трогать».

В книге Левшина еще два века назад сформулированы в основном правильные принципы охоты, вплоть до совета беречь дичь.

Н. БАРСОВ

Литературное Зауралье

В Шадринске открыт музей «Литературное Зауралье». Экспозиция отражает историю литературы края XIX—XX веков. В отличие от других подобных музеев страны, в Шадринском рассказывается не только о писателях, но и об ученых. Ведь ученые тоже оставляют литературное наследство.

Стенд «Литераторы — политические ссыльные» рассказывает о поэте А. А. Ольхине и публицисте В. О. Португалове, которые были сосланы в Шадринск в прошлом веке. В музее можно познакомиться также с жизнью и деятельностью профессора Московского университета, учителя великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова — Алексея Федоровича Мерзлякова. Здесь вам расскажут и о других представителях творческой интеллигенции прошлого: основателе Томского университета профессоре Василии Марковиче Флоринском, о математике, издателе журнала «Шадринский вестник» Иване Михеевиче Первушине, об известном собирателе фольклора Александре Никифоровиче Зырянове, труды которого ценил Н. А. Добролюбов, о первом лексикографе Зауралья, и поэте Никите

Петровиче Ночвине, о враче и писателе, авторе книги «На Карийской каторге» Владимире Яковлевиче Кокосове.

Привлекает внимание стенд «Шадринцы — друзья А. М. Горького». Он рассказывает о связях великого пролетарского писателя с литературным и политическим деятелем Иваном Павловичем Ладыжниковым, выдающимся скульптором Иваном Дмитриевичем Шадром, писателем Борисом Тимофеевым.

А вот раздел «Они писали о нашем крае». Здесь портрет Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, посветившего Шадринску большой роман «Хлеб», повесть «Охонины брови», рассказы «Летние», «Крупичатая» и другие произведения. Как известно, с Шадринском был связан поэт Демьян Бедный, писавший свои произведения на местном материале. А вот Федор Иванович Панферов приезжал в зауральское село Шатрово. По свидетельству самого писателя, его знаменитые «Бруски» родились в Зауралье.

Стенд «Рядовые литературного цеха» знакомит с писателями и учеными сегодняшнего Шадринска. Это

Яков Пантелеевич Власов, автор книги «На берегах Исети»; ученый Вячеслав Тимофеев, творец великолепной книги «Диалектный словарь личности». Недавно в музей поступила книга члена Географического общества СССР, капитана второго ранга Виктора Пузырева «Через три столетия». Она — об истории старинного зауральского села Красномыльского, где вырос автор.

То, что показано в музее, не исчерпывает богатого литературного прошлого и настоящего нашего края. Музей продолжит сбор материалов о земляках — писателях и ученых.

Возможно, кто-то подарит в фонды музея редкие рукописи, фотографии, ценные для истории.

Недавно нас порадовала посылка из московского Музея А. М. Горького. Это были фотографии, рассказывающие о дружбе Алексея Максимовича с Иваном Павловичем Ладыжниковым.

Л. ОСИНЦЕВ

ПОИСК

**Василий
ПЕТРОВ**

Средне-Уральское книжное издательство выпустило любопытную книгу — «Поиск. Рассказы литературного следопыта». В первых строках авторского предисловия говорится, что «книга писалась не сразу — от первых ее набросков и до последней точки прошло почти два десятка лет».

Да, поиск — дело не минутное, годы и годы пройдут, прежде чем изучишь всю относящуюся к проблеме литературу, из вороха фактов отберешь только один нужный, найдешь ценный документ, встретишься с очевидцами события, обобщишь собранный материал...

Пять дней — с 26 по 30 января 1928 года — в Свердловске жил В. В. Маяковский. 29 января в газете «Уральский рабочий» были напечатаны его стихи «Екатеринбург — Свердловск». Свердловск вдохновил и дал материал еще для двух великодушных стихотворений поэта — «Император» и «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру».

Пять дней жил в Свердловске Владимир Маяковский. Как прошли эти пять дней? С кем поэт встречался? Что сохранили в памяти очевидцы, что есть в архивах, что общалось в газетах?

С очерка «Как живой с живыми...» — об уральских днях творческой биографии Владимира Маяковского — начинается книга поиска. Далее литературный следопыт рассказывает о приезде на Урал — в Свердловск и в Пермь — наркома просвещения А. В. Луначарского и о его статьях, написанных после этой поездки, об уральском периоде творчества Демьяна Бедного и о его дружеских связях с уральскими литераторами, об Аркадии Гайдаре, чья газетная и литературная деятельность начиналась в Перми и Свердловске, о скульпторе Иване Шадре...

Все, о чем рассказывает Анатолий Пудваль, безусловно, интересно. Очерки насыщены фактами малоизвестными или совсем неизвестными, они воскрешают события, о которых нельзя забывать, они, наконец, будят интерес к глубокому изучению литературы, культурного наследия прошлого. В этом смысле

любопытна последняя глава книги, которая так и называется — «Приглашение к поиску».

К какому поиску приглашает автор? Оказывается, много еще есть уральских литературных тайн. Они связаны, например, с именами А. Н. Радищева, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. И. Герцена — особенно Герцена, — Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко, А. М. Горького, Н. Г. Гарина-Михайловского...

Взять, например, уральский период творчества С. Н. Эрзи. Здесь скульптор создал своего «Освобожденного человека», который был установлен на главной площади Екатеринбурга. Для Екатеринбурга — Свердловска были сделаны им другие памятники — борцам революции, фигура кузнеца. К сожалению, все эти творения талантливого скульптора не сохранились. Но, может быть, что-то сохранилось в памяти очевидцев, в архивах современников? Значит, надо искать...

Книга Анатолия Пудваля с интересом встречена читателями. Но, думается, одна глава в ней — лишняя. Долго и с дотошностью автор разыскивал Ивана Козырева — героя, вернее прототипа героя, известного стихотворения В. Маяковского. И не нашел, естественно. А стоило ли ломать копья — искать человека, которого и не было в природе, и так много писать об этом, даже ради литературного приёма?

Не все авторские позиции подкреплены достаточными аргументами. Порой автор излишне, без надобности «якает». Это не всегда уместно.

В целом же книга оставляет доброе впечатление — автор последовательно работает в столь все еще редком жанре, каким является литературное краеведение.

Друзья моего детства

**Александр
БАРКОВ**

*Рисунки
З. Баженовой*

Вертуха

На дворе мороз, сугробы по пояс. Сидишь, бывало, в классе, переписываешь задачку. Вдруг тишину расколлет частый, настойчивый стукоток. Глянешь в окно, а там — синица.

Толкнешь соседа по парте Володю Бабайлова: востра! А он согласно кивнет и улыбнется в ответ. Видно, так уж и повелось: улыбка друга и веселый нрав птицы для меня неотделимы.

Не встречал я синицу унылой и сонной, вечно она в движении, в работе. Осмотрит каждую ветку яблони в заснеженном саду, каждый куст смородины, каждый гнилой сучок. Найдет сонного жука или личинку, обрадуется, затенькает и давай молотить носом, точно по наковальне. Неспроста в народе прозвали ее «зимним кузнечиком».

В бескормицу суровым январским полднем к нам в комнату вместе со стужей влетела синица. И что примечательно: она вовсе не испугалась домашней обстановки. Покружила под потолком, освоилась и начала проверять в комнате укромные уголки. Заметила притаившегося за обоями таракана, поймала — и на книжный шкаф, закусить.

Тюкнула клювом березовый веник на печке и принялась хозяйничать: то на стол присядет — масла отведаст; то на люстре, словно воздушный гимнаст, повиснет; то в горшке с цветами начнет землю ковырять. И так до самого вечера, по временам напевая веселую песенку. Вскоре я привык к незваной гостье, а отец прозвал ее за непоседливый и бойкий характер Вертухой.

Вертуха не раз оправдывала свою кличку. Ловко увертывалась от нашей серой кошки Мурки с обрубленным хвостом, выхватывая у нее из-под самого носа кусочки сала, ломтики колбасы. Присядет на буфет и посмеивается над ней, а порой, мне казалось, даже бранит. И сколько раз Мурка ни покушалась на жизнь шустрой синицы — все понапрасну. Птица была неуловима.

К собаке Вертуха относилась благодушно. Садилась Пирату на спину, а иногда даже на пушистый хвост, закрученный кверху бубликом, чем приводила пса в ярость.

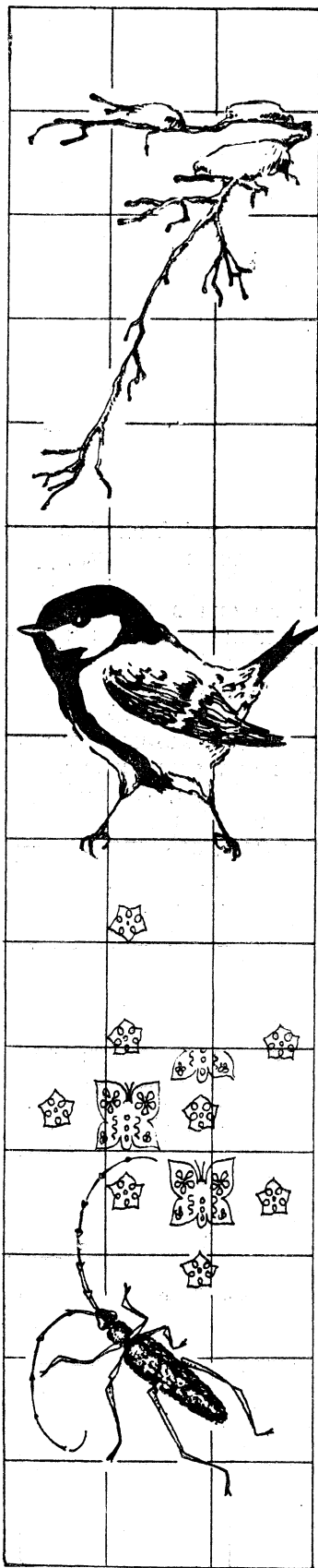
Днем синица спокойно разгуливала у миски Пирата и — под общий смех — купалась в тарелке с недопитой водой. На это пес несколько не обижался.

Со мной Вертуха установила дружеские отношения: когда я входил в дом, радостно посвистывала и прямо с руки брала семечки подсолнуха.

Однажды вечером я заметил место, где, спрятав голову под крыло, уснула птица, и взял ее. Со страху Вертуха закричала и вцепилась острыми коготками мне в палец. С тех пор я знаю, что не зря говорят: «мала птичка-синичка, да ноготок востер».

В субботу бабушка решила прибрать в комнате и открыла настезь форточку. Синица воспользовалась случаем и выпорхнула в сад.

По утрам выбежишь на крыльцо делать зарядку на морозном воздухе, не успеешь оглянуться — и Вертуха объявится.

— Пинь, пинь, та-ра-рах! — поздороваешься, словно спросит: как поживаешь?

Спляшет на поленище дров и перелетит на крыльцо. По привычке вытянешь руку вперед, разожмешь кулак, а на ладони семечки. Вертуха схватит одно, зажмет в коготках и примется завтракать. Услышав ее призывный голосок, ко мне с разных сторон слетаются синицы и по очереди берут угощение.

...В феврале все кругом — и сарай, и кустарники, и пристанционные постройки — было в пушистом снегу. Я торопился в школу и бежал вдоль забора по узкой тропе.

Вдруг над головой — пинь-пинь, та-ра-рах! В спешке я не обратил на птицу внимания. И тут кто-то легонько коснулся воротника моего пальто. Я замедлил шаги: «Кто бы это?» А Вертуха скакнула мне на плечо: неужто не узнаешь?

Я достал из кармана семечко, и синица выхватила его, можно сказать, на лету.

А в благодарность проводила меня до школы.

Живой барометр

В субботу к нам в гости пришел друг моего отца дядя Гриша. Глянул в окно на серое небо и спрашивает меня:

— Знаешь, как погоду предсказывают?

— По барометру...

— Хочешь, я тебе живой барометр подарю?

— Как живой?

— Очень просто, — ответил дядя. — Забегай ко мне завтра — увидишь...

На другой день пришел я к дяде, а он мне зверька в клетке протягивает. Мордочка у зверька пухлая. Глазенки — черные, выпученные, блестят, точно смородины. Шубка — рыжая, а на спине пять темных полосок. Забавный!

— Держи бурундука!

— Спасибо! — поблагодарил я. — А при чем тут барометр?

— Скоро узнаешь! — Дядя хитро улыбнулся и похлопал меня по плечу. — Кедровыми орехами, ягодами да грибами его кормить надо.

Радостный прибежал я домой, поставил клетку на подоконник, а сам гляжу на зверька и думаю: «Ну, как такой кроха погоду угадывает?»

Бурундучишка тем временем знай себе таскает орешки из кормушки. Набьет полный рот и с раздутыми щеками в дуплянку спешит. Видно, там закрома у него.

Вечерело. Из приоткрытого окна веяло сыростью и прохладой. Зверек сел на задние лапы, передними щеки подпер и, слегка раскачиваясь, начал кашлять.

Я перепугался и скорей к дяде:

— Простыл зверь! Как лечить будем?

Тут Григорий Иванович не выдержал да как рассмеется:

— Все он не больной! Если бурундук кашлять вздумал — значит, гроза на носу!

Дядя прав оказался: не успел я за собой калитку захлопнуть, как гром прогремел.

С той поры «живой барометр» не раз меня предупреждал: «Сегодня на рыбалку не ходи — дождь будет». А однажды я его не послушался и... весь до ниточки промок!

Рыболов Васька

Зимой мы переехали в город, и в нашей квартире появился котенок. На день рождения мне подарил его Петька Кузин. Его Мурка месяц назад семерых родила.

Петькина мать сердилась:

— Не дом, а зверинец какой-то!

Петька с ней спорил:

— У Дурова в доме даже морские львы жили, а тут кошки — обыкновенные домашние животные...

— Домашние! — кипятилась мать. — Но кошек-то восемь. Им отдельная квартира нужна!

Петька заикнулся было насчет ванной, но мать не выдержала и приказала:

— Вот тебе три дня, куда хочешь этих котов носи!

От великих забот Кузин даже уроки запустил. Все ходил по знакомым — котят предлагал.

А мне достался самый последний — рыжий и худой.

— Не бойся, поправится, — успокаивал Петька. — У вас мыши водятся?

— Нет, — ответил я.

— А мухи?

— Эти есть.

— Вот и хорошо. Он их прямо на лету ловит!

Так у нас появился кот Васька. И с того дня жизнь моя переменялась. Кот и вправду шустрый оказался. В три дня почти всех мух на окна переловил. Да, как на грех, тарелку с холодцом опрокинул. Тарелка вдребезги, а мне выговор.

И так что ни день. Васька мясо стянет, а ругают меня: плохо воспитываешь. А что с ним поделаешь, если у него звериный инстинкт!

Я ему и венником грозил, и в кладовку запираю — не помогло. Но выпускать Ваську во двор боялся: сбежит еще «подарок».

Так дожил кот у нас до весны и ни разу на улице не побывал.

В конце мая, воскресным утром, мы поехали к бабушке в деревню. Погрузили в машину тюки, чемоданы, тахту, а Ваську я для надежности сунул в мешок.

Вначале мы вещи сгрузили, а потом уж я за мешок взялся...

— И чего там у тебя, внучек? — пропела бабушка.

— Подарочек! — улыбнулся я и вытряхнул Ваську.

А кот испугался яркого света да как заорет: мя-яу! И так зычно, что Полкан у соседей чуть с цепи не сорвался. Васька вырвался у меня из рук — и шаст под дом.

Целых три дня оттуда носу не казал. Я уже не на шутку перепугался, но бабушка меня успокоила:

— Спервоначалу городские всегда так пугаются. Обыкнись им надо. Погоди, объявится твой Васька...

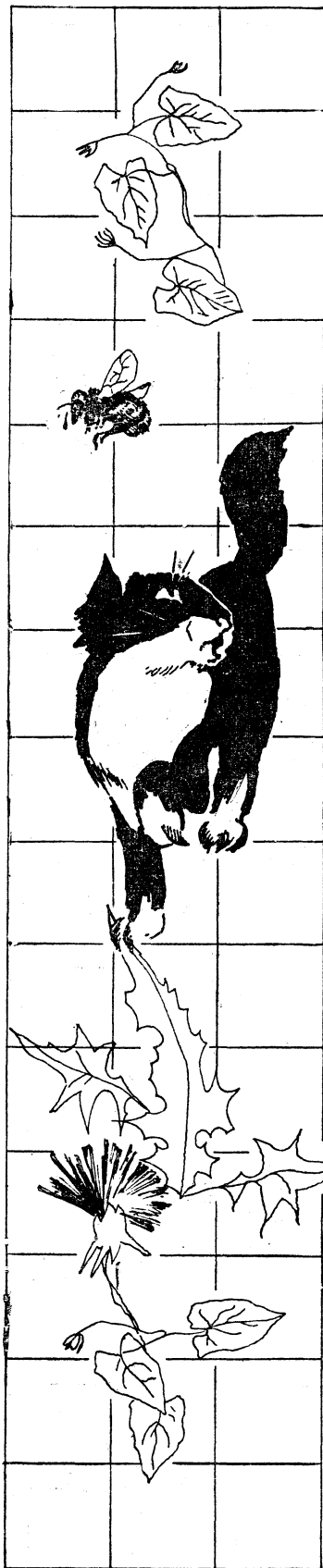
И верно, на четвертый день утром я выглянул из окна в сад и увидел там Ваську.

Кот с опаской ступал по траве, останавливался, воровато озирался по сторонам. Лапы его повисали в воздухе и неслышно опускались на землю.

По временам Васька замирал, принохивался к цветам, листьям, траве, как бы ощупывал лапами деревенский мир. Васька родился в городе, а здесь все было для него ново, забавно и удивительно: и большой серебристый тополь у калитки, и скрипучий журавль колодца, и веселые солнечные зайчики, горящие и купающиеся в росе.

Но вот Васька насторожился: черный плюшевый шмель прогудел у него перед самым носом и важно опустился на цветок одуванчика.

Такого нахальства кот не перенес. Он сделал стойку и прыгнул, но тут же зашипел и откатился назад.

Я улыбнулся: шмель грозный, кусачий — это тебе не сонная комнатная муха.

А перепуганный кот снова залез под дом. Он просидел там до самых сумерек. Вечером я видел, как он жадно пил из лужи у колодца и под его мягкой плюшевой лапой покачивалась луна.

С тех пор Васька пообвык немного, и я не раз замечал его то на чердаке, то на заборе, то на самой вершине тополя.

На вольном воздухе кот подрос, окреп и сделался настоящим тигренком. По ночам охотился за мышами, а домой наведывался только к обеду.

День за днем повадился Васька ходить со мной на рыбалку. Приметит, что я из сарая удочки достаю, и побежит по тропке прямо к реке.

Разложу я снасти у тихого омута, а кот сядет невдалеке, наострит уши и поджидает.

Попадется мне на овсяную кашу пескарь или малая плотвица — я брошу рыбу через плечо Ваське. Угощайся, рыжий! А кот рад. Бросится на нее, заурчит, порой даже вверх подбрасывает, словно в бабкин клубок играет.

— Ишь, живодер! — стыдил я Ваську.

Но коту, видно, пришлось по вкусу живая рыбка. Лишь бы била хвостом да пахла тиной.

Сижу я, бывало, с удочкой на мостках. Не шелохнусь, а поблизости, на мели возле песчаной запруды, кот промышляет. Прищурит плутовские зеленые глаза, уставится в прозрачную воду и караулит мальков.

Проплывет стайка рядышком — кот бац лапой по воде. Да все впустую. Мелочь сверкнет на солнце серебристым бочком и рассыплется в разные стороны. А Васька зажмурится, недовольно крутнет головой и потрясет в воздухе мокрой лапой. Так рыбак из него и не вышел!

В конце августа зачастили дожди. Тысячами крохотных палочек застучали по железным листам, и крыша превратилась в большой звонкий барабан.

Прохладным сырым утром мы увязали тюки, набили яблоками чемоданы, нарвали цветов и собрались в город.

— Где Васька? — спросила мама.

Я пожал плечами и тотчас понесся в сад искать беглеца. Но его нигде не было. Я звал Ваську, манил колбасой, но кот снова забрался под дом. Видно, ему совсем не хотелось ехать в город.

— Оставь мне кота, внучек, — попросила бабушка. — В городе он, поди, пропадет. Скучать будет.

Я и сам так подумал. Конечно, жаль рыжего плута Ваську, но разве найдет он в нашей квартире на четвертом этаже мышей, пахнущую грибами и укропом русскую печь, глубокую речку Купавну? Словом, все то, чем хороша бабушкина деревня.

Руслан и Тишка

Был у меня серый лохматый пес. Звали его Руслан. Зимой он скучал, пугался машин, жался к заборам. А летом наши прогулки по лесным засекам были для Руслана настоящим собачьим праздником. Стоило нам ступить на знакомую витую тропу, как пес разом преобразался. Черный курносый нос его начинал лосниться. Карие глаза с золотым доньшком вспыхивали озорно, вызывающе и игриво. Пушистый хвост то и дело вилял от удовольствия из стороны в сторону. Я спускал пса с поводка, и он начинал как бы танцевать...

И вечно Руслан кого-нибудь находил: то крота из норы вытащит,

то шуструю белку в орешнике облает, то за сорокой погонится. А однажды на прогулке произошел такой случай. Пес убежал от меня далеко и внезапно замер у кустов тальника. Повел носом, насторожился и, подняв уши торчком, прыгнул... Раздался жалобный писк.

— Руслан, ко мне!

Собака тотчас же вернулась и положила к ногам пестрого хохлатого чибиса.

Я поднял птицу с земли, осмотрел — крыло у нее было повреждено.

— Что ж ты натворил? — покачал я головой, спрятал птицу за пазуху, и мы повернули назад.

Дома я перевязал чибису рану и отвел ему угол в сених. Он мог там прыгать, сидеть на жердочке, даже купаться в корыте с водой. За кроткий нрав я прозвал чибиса Тишкой.

Так появился у нас в доме новый жилец.

Уходя в школу, я поначалу опасался за птицу. Вдруг Руслан не выдержит, забудется и бросится на нее? Но сконфуженный пес уже не лаял и не рычал на свою жертву. Он лишь краем глаза наблюдал за нею в дверную щелку и виновато помахивал хвостом.

А спустя два месяца пес загладил свою вину.

К нам в подвал повадился лазить соседский кот Муштук. Он ловил там мышей. Как-то, почуяв запах птицы, кот прошмыгнул в сени. Тишка не на шутку переполошился и громко захлопал крыльями. Руслан, оказавшись поблизости, тотчас же рявкнул и кинулся на кота. Муштук перепугался и рыжей молнией вылетел на улицу. Вскарабкался на телеграфный столб и добрый час кричал оттуда истошным голосом.

С той поры кот даже близко не подходил к нашему дому. А Руслан с Тишкой подружились и частенько играли в прятки. Собака искала чибиса, а тот таился где-нибудь за дровами и чуть слышно попискивал.

Но порой чибису становилось тоскливо. Он хохлился, прятал голову под крыло и целыми днями не притрагивался к еде. В такие минуты Руслан скулил, тыкался носом в мои колени. Он по-своему, по-собачьи просил меня развеселить птицу. Я брал Тишку на руки и говорил с ним о том, что скоро зазеленеют сады, прилетят из теплых стран его пернатые друзья, и ему снова заживется радостно и привольно. Чибис, склонив голову набок, слушал меня. Порой вытягивал шею, застенчиво и робко вскрикивал: «Чьи вы, чьи вы»...

Во время наших бесед с Тишкой Руслан обычно сидел рядом и, казалось, о чем-то мечтал. Быть может, грезил о том, когда мы вместе пойдем на прогулку в лес. Воздух будет пахнуть хвоей, дымком костра и фиалками. А мы будем бродить и бродить без усталости до самой зорьки.

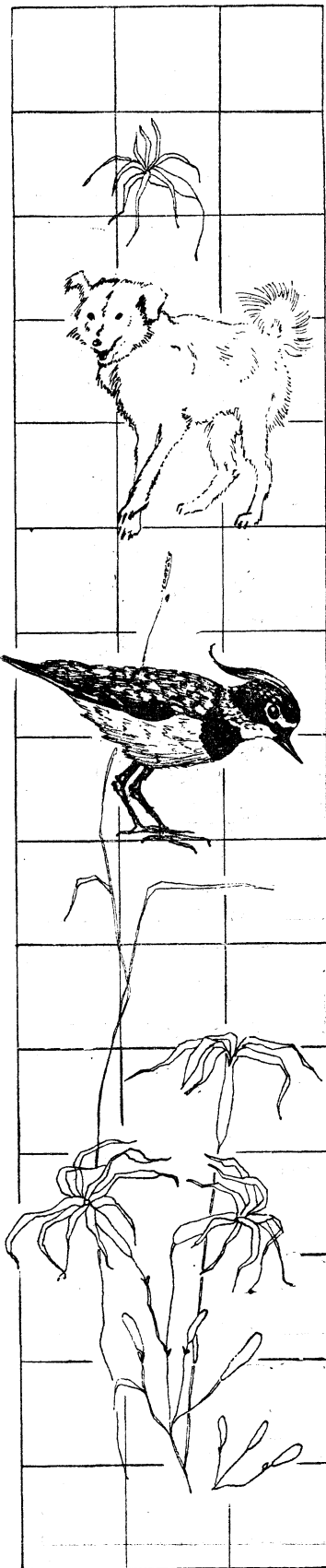
Так прошла долгая суровая зима. Тишка окреп и понемногу начал взлетать. А в мае, когда в саду буйно зацвела черемуха, когда оглушительно закричали грачи на старых липах, а над рекой поплыли голубые туманы, я открыл настежь окно. В комнату ворвался свежий, хмельной воздух. Чибис встрепенулся. Сел на подоконник, огладил каждое перышко. Осмотрелся по сторонам и, почувствовав близкую свободу, полетел.

Сперва он шел низко над сараями, над садом, а затем постепенно стал набирать высоту.

Нелегко мне было расставаться с птицей. Я вышел за ограду и долго стоял на пригорке. А когда вернулся, у порога лежал Руслан. Он печально глядел на меня, будто спрашивал о чибисе. Я не выдержал взгляда собаки и махнул рукой вдаль: улетел наш Тишка! Но пес не поверил мне. Он жалобно тьякнул, понуро опустил голову и забрался в дальний угол сеней, где прежде жил чибис.

Руслан не выходил оттуда до позднего вечера, ждал: не вернется ли его крылатый друг?

И когда летними вечерами я с ним бродил по лесным засекам и где-нибудь на дальнем болоте слышалось застенчивое и робкое: «чьи вы, чьи вы», — Руслан еще долго замирал на месте, по-птичьи наклонял голову набок и слушал, слушал...

СКОК

Вдоль берега неширокой Березайки лесорубы пилили деревья, а я сидел с удочкой на мостках — ждал поклевки. Но как назло брала одна мелюзга да слюнявые колючие ерши. Я даже привстал от досады.

— Стой! Бельчонка раздавишь! — раздалось поблизости.

Я бросил удилище и скорей на крик:

— Какого бельчонка?

— Да, вишь, оказия, — высокий лесоруб поскреб пятерней затылок и кивнул на поваленную сосну. — Из дупла выпал...

— Куда ж теперь его?

— Забирай, коли хочешь, — предложил лесоруб. — У нас, вишь, какая делянка! — Он обвел рукой большой участок леса вплоть до самой плотины. — Дохнуть некогда...

Я взял беспомощного зверька, смотал удочку и бегом домой.

Увидел меня брат и смеется:

— Ничего себе «улов»! Ходил за окунями, а поймал белку!

Так крохотный бельчонок с длинным хвостом оказался на моем попечении.

Сперва я попробовал дать ему коровьего молока. Но сделать это оказалось нелегко: ведь малыш сам еще не умел пить. Тогда я набрал молока в пипетку и решил закапать ему в рот. Не тут-то было! Зверек вертел мордочкой, не слушал меня, а самое печальное — час от часу слабел.

— Знаешь что, — посоветовал брат, — отдай-ка его на воспитание соседской кошке Маркизе. Я слышал, у нее на днях котятка родилась. Может, и бельчонка примет...

С большим опасением отнесся я к предложению брата, но иного выхода не было. Поздно вечером, когда Маркиза убежала под дом ловить мышей, я подложил бельчонка к котяткам. К великому моему удивлению Маркиза, вернувшись с охоты, заботливо отнеслась к приемышу. Стала кормить и облизывать его точно так же, как и своих кровных детей.

Вскоре бельчонок поправился, набрался сил. А когда котятки начали играть — кусаться и царапаться, он вострил уши и сердито цокал на них. Если же шалуны не унимались, малыш бросался наутек и искал у меня защиты. Вздирался по брюкам в карман и отсиживался там с видимым удовольствием.

Через месяц бельчонок подрос, и большая кутерьма от него в доме пошла. Проснется раньше всех и давай зарядку делать — прыгать со стула на шкаф, со шкафа на буфет... И так до завтрака. За резвость мы его прозвали Скок.

Сядет наша семья за стол, а бельчонок заберется мне на плечо, заложит кончик хвоста между ушей и выжидает, когда я ему сахар или пряник дам. Возьмет лакомство и скорей на подоконник. Вытянется столбиком, прижмет сахар к грудке и точит острыми зубками.

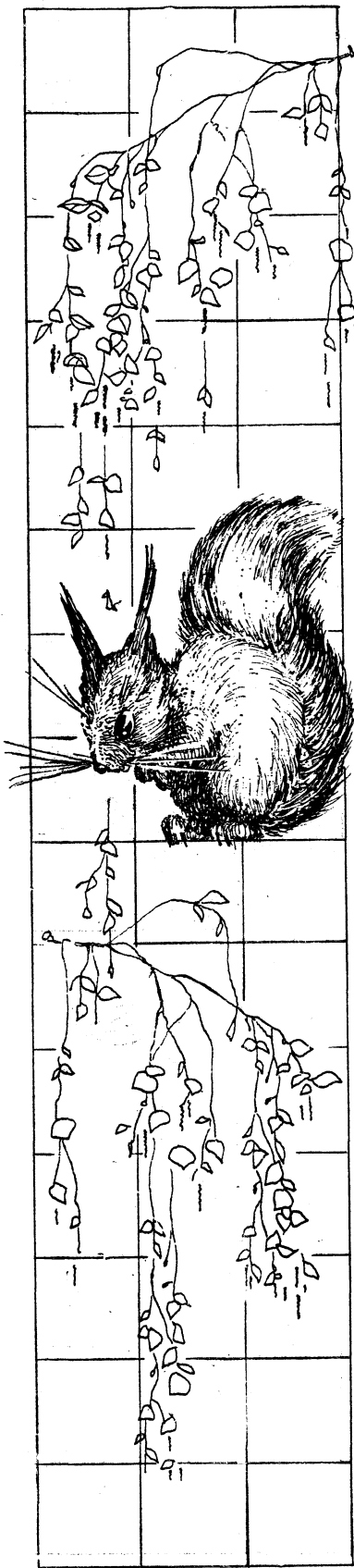
А потом Скок начал озорничать: мебель грызть, обои рвать. Как-то мамину шляпу с гусиным пером изодрал в клочья.

Отец рассердился и отнес его в соседний пионерлагерь: пусть там ребят забавляет.

Прошла неделя, другая... и вот однажды ранним утром кто-то заскребся в форточку.

Взглянули, а это наш Скок! Рыжий! Большой! Пушистый!

Я обрадовался, выбежал из-за стола и протянул ему сушку. Бельчонок схватил угощение в зубы и рыжим огоньком взвился вверх по березе. Но теперь Скок смекнул: раз в дом его не пустили, он в пустом скворечнике поселился. А к нам в гости навещался. За орехами!

Циркач

Однажды бежал я краем оврага и заметил, что в кустах у барсучьей норы возится какой-то зверек. Шерсть на нем бурая. Мордашка темная. Уши стоят. Косолапый.

— Волчонок! — Решил я. — Вот бы поймать!

Подкрался и накрыл зверя курткой.

В доме у нас в ту пору никого из взрослых не оказалось, и я решил посадить забяку в сарай. Для надежности разыскал в чулане цепочку и привязал волчонка в углу.

Первым явился дед, глянул на меня с порога и спрашивает:

— Что-то ты, милоч, больно растрепанный!

— Да вот,— я заговорщически огляделся по сторонам.— Волка поймал. Такого маленького. Волчонка.

— Где?

— В овраге у барсучьей норы. Курткой накрыл! Видишь — все руки мне покусал.

Глянул дед, и правда: красные полосы в разные стороны идут — следы от зубов.

— А ну, покажи! Где твой серый разбойник?

— Вон,— я распахнул дверь в сарай.— На цепи...

Дедушка лукаво усмехнулся в усы.

— Да вовсе это не волк...

— Щенок! — подсказал я.

— И не щенок, а плутовка рыжая!

— Лисенок? А как ты узнал? — наскочил я на деда.

— По хвосту! — спокойно пояснил дед.— И у лис, и у волков щенята одинаковые — бурые, лобастые... Только у волчат хвост весь темный, а у лисят на конце белое пятно.

И правда, на кончике хвоста у моего зверя — белое пятнышко. Словно он хвост в сметану обмакнул.

Признаться, сперва я расстроился. Ведь я уже мечтал из волка сторожа воспитать. А теперь что будет? Разве станет лиса дом караулить?! В конце концов дед посоветовал мне выучить ее и в цирк отдать...

Целый месяц я дрессировал лисенка: и по бревну водил, и служить заставлял, и лапу давать, и в кольцо прыгать. И такой смысленый оказался! Дам я ему куриное крыло поиграть, а он и рад. Крадетса к нему, съезжится в комок, напружинится... и цап-царап в зубы. Побегаёт от стенки к стенке, поносит и давай ямку рыть — добычу прятать. А я доволен: целое представление выходит!

А хитрый какой! Если кто-нибудь захочет крыло найти — от заветного места отбежит в сторону, глаза прикроет и сделает вид, будто тут ни при чем!

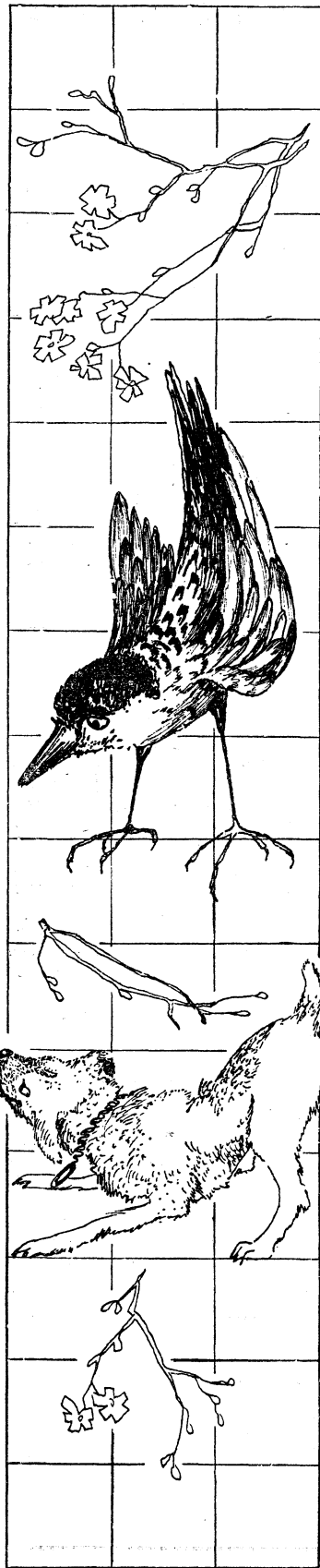
Месяца через два собрался я лисенка в город везти. В цирк подарить. И вздумал накануне погулять с ним вечерком по опушке. А на ночь на цепь сажать не стал — пусть, думаю, на прощанье по сараю побегаёт.

Утром пришел, смотрю, а зверя нет нигде. Выкопал лисовин ночью ход под дверь и утек в лес. Только циркача и видели!

Пожарник Карл

В наш сад повадилась бегать соседская кошка Маркиза. Кошка как кошка, но вот беда: частенько она на птиц охотилась. Знал я это и гонял ее. А однажды утром гляжу, а она взъерошенного галчонка преследует. Схватил метлу и шуганул ее. Маркиза убежала, а в кусте

смородины замер перепуганный насмерть птенец. Хотел я взять его в руки, а он голову назад закинул, желтым клювом щелкает...

— Ах ты, бедолага!— я изловчился и поймал галчонка, а как ухаживать за ним, не знаю.

— Сперва червей накопай и булку в молоке размочи,— посоветовал сосед.— Да корми почаще. Галчата прожорливы...

С того дня поселился в нашем доме Карл. Так прозвали галчонка. И неспроста. По утрам он чуть свет просыпался и требовал есть:

— Карл-карл!

Вскоре галчонок выздоровел и стал очень забавным. Вразвалочку бегал по комнатам — играл в моих оловянных солдатиков, прятал их по разным углам.

Через неделю Карл научился летать. Стал садиться на крышу, на трубу, на старый дуб у колодца... Но стоило мне взять червяка и позвать: Карл! Карл!— как он тут же объявлялся и широко разевал рот. При этом галчонок старался проглотить заодно и мой палец.

Когда я ставил на подоконник миску с водой, Карл залезал в нее и начинал купаться. Надо было видеть, как он купался! Подпрыгивал, махал крыльями, приседал. Даже вскрикивал от удовольствия.

Захотев пить, Карл подлетал к висящему медному умывальнику и со звоном сбрасывал крышку. За это ему частенько доставалось от бабушки.

Не раз мы с галчонок хаживали за водой к дальнему колодцу. Громыхну я ведрами на крыльце — и Карл тут как тут: взмахнет крыльями и сядет на коромысло. Я иду не спеша, и он степенно покачивается у меня на плече. А если налетит шальной ветерок, птица нахохлится разом, начнет лапами перебирать — пританцовывать!

Повстречал нас как-то сосед, дивится: хорош гимнаст у тебя! С ним только в цирке выступать!

У колодца галчонок вскочит на сруб и ждет. Только покажется бадья, Карл вспорхнет на край, напьется досыта свежей водицы, повеселеет и начнет собираться в обратный путь: чистить перья, охорашиваться... К дому галчонок всегда верхом летел, словно догадывался, что хозяину нелегко с полными ведрами.

Прожил у нас Карл лето, зиму, а к весне вздумал устраивать себе гнездо. И не где-нибудь, а в шляпе моего деда. Шляпа лежала в сенях на старом шкафу. Туда Карл таскал рваные варежки, мех, промокательную бумагу, даже мягкий бабушкин тапок заприходовал... Чего только там не было!

Войдешь в сени, а из широких полей дедушкиной соломенной шляпы выглядывает серая носатая головка. Стоило кому-нибудь приблизиться к гнезду, как Карл принимал встревоженный или угрожающий вид. Птица, казалось, предупреждала: «Попробуйте только сунуться! Не поздоровится!»

С дворнягой Валетом Карл не церемонился. В хорошем настроении он усаживался псу на спину и расчесывал клювом шерсть.

А однажды Карл отличился. Когда у соседей загорелся сарай, он первый заметил. Стал отчаянно кричать и поднял всех на ноги. Огонь потушили, а горластого Карла с того памятного вечера прозвали Пожарником!

Самый юный

участник войны

Тридцать лет, как кончилась война, Сергею Андреевичу Алешкову, юристу из Челябинска, нет и сорока, но он — участник ее, имеет медаль «За боевые заслуги».

Пять лет было мальчугану, когда село заняли фашисты. Мать с двумя меньшими сыновьями — Петей и Сережей (старшие были в армии) — ушла в лес к партизанам. При выполнении одного из заданий командира отряда ее и Петю схватили враги и замучили до смерти.

Сережа остался один. В бою с карателями он отстал от отряда, потерялся в лесу. Через несколько дней мальчика подобрал советские солдаты, и он стал сыном 142-го гвардейского стрелкового полка.

Сереже сшили настоящую — по уставу — солдатскую форму. Бойкий и разбитной, он выполнял разные легкие задания, а иногда, если недосмотрит старшина, и на передовую подносил бойцам патроны, воду. А под Сталинградом Сережа отличился. Когда завалило штабной блиндаж, он добрался до саперов, рассказал им о случившемся, и те спасли командиров. За это Сережа и был награжден медалью.

Портрет юного бойца экспонируется в Волгоградском музее.

Судьба Ивана Назарова

В литовском городке Жагара на кладбище стоит каменный монумент. На нем было написано, что здесь похоронен Герой Советского Союза Иван Михайлович Назаров.

...Три дня сражался взвод младшего лейтенанта Назарова, приняв на себя огонь фашистских танков. Командир был тяжело ранен, попал в фашистский плен. Мать получила извещение о гибели сына, на надгробии высекали его имя...

Но Иван Назаров выжил, возвратился с войны домой в Оренбуржье, в село Московка. Здесь

механизатор Иван Назаров поднимал оренбургскую целину. Потом руководил совхозным током.

Спустя много лет узнал воин, что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

О Иване Назарове — воине и труженике — свердловские документалисты сняли полнометражный фильм — «Уральские были».

Ну, а как же с памятником в литовском городе Жагара? Сейчас на нем новая надпись: «Здесь похоронены воины подразделения Героя Советского Союза Ивана Михайловича Назарова».

Почетные краеведы

Миасский городской краеведческий музей — один из старейших в Челябинской области. Когда начальником Златоустовского горного округа был знаменитый создатель булата Павел Аносов, на миасских золотых промыслах работали горные инженеры отец и сын Редикорцевы. В 1840 году, собрав большую коллекцию минералов, они дали ей название музеум.

Подлинно народным музеем он стал с 1920 года, когда в торжественной обстановке его открыли в доме одного из местных богачей.

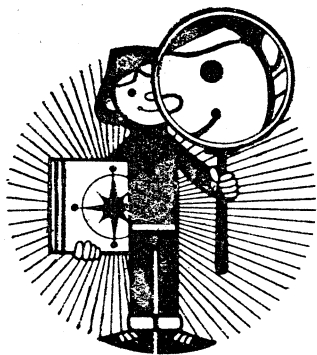
В то же время появилось «Миасское общество краеведения». Миасскими краеведами собраны ценнейшие материалы о двухвековой истории города, местных революционерах, участниках гражданской войны, защитниках Родины, истории партийных и комсомольских организаций промышленных предприятий.

В городе учреждено звание «Почетный член историко-краеведческой секции Миасского городского краеведческого музея». Эти слова, тиснутые золотом, значатся на обложке переплета грамоты-адреса.

Первыми почетного звания были удостоены ветеран революции Г. И. Печеркин и старший научный сотрудник музея П. М. Шалагинов.

МИР

НА ЛАДОНИ

Спор мумиё?

О мумиё написано в древних книгах Востока. И первые позднейшие находки его сделаны в Средней Азии. Но, может быть, мумиё есть повсюду, ведь оно уже найдено в Крыму, на Кавказе и даже в Антарктиде. Тогда какое же мумиё настоящее?

Юные исследователи из Ставрополя и Душанбе изучили две разновидности этого биологически активного вещества.

Гротовое мумиё встречается в Крыму. Оно черно-теплого цвета. В сушь — хрупкое, от влаги течет. Какова его природа? Точка зрения ставропольцев: мумиё образуется в результате пиролиза древесины. Это они доказали в лаборатории, получив лекарственные вещества, близкие мумиё по активности. А костры древних людей в пещерах — это и есть причина образования мумиё в трещинах.

Белый дым насыщен частичками органических веществ, это букет смол, ведь в огне горели и береза с весенними почками, и сосна, и ольха, и разные травы. Итак: мумиё образуется благодаря возгонке...

Мумиё Памира... Его изучают школьники из Душанбе под руководством младшего научного сотрудника Института геологии Академии наук Таджикской ССР Валерия Новикова. Оно попадает в этом районе, как правило, в трещинах скал, в пещерах и в нишах, где укрываются животные. Производитель мумиё — животные. Длинноухая пищуха, полевка, архар, киик (горный козел). Юные геологи составили карту распространения памирского мумиё, разработали методику его поиска, сделали химический анализ, который установил: в мумиё есть гипуровая кислота, а значит, оно несомненно животного происхождения.

Спорят ли мумиё Памира и Крыма? Спорят, но как равноправные вещества...

Дома из серы

Сера — один из самых распространенных материалов на земле. Годовая добыча ее составляет 60 миллионов тонн, годичный выброс в атмосферу — около 80 миллионов тонн.

Два канадских архитектора доказали, что серу можно использовать для изготовления панелей, кир-

пичей, что этот строительный материал значительно крепче бетона. В расплавленную серу — около 119 градусов — добавляют песок в пропорциях 7:3 и смесь заливают в формы. Спустя 5—6 минут кирпич готов. Правда, сера дорога и выделяет токсичный газ. Изобретатели,

однако, считают, что добавление некоторых химических веществ значительно уменьшит эти недостатки. Любопытно и то, что при строительстве из нового материала вовсе не надо цемента.

Первый опытный дом из серных кирпичей уже построен.

В конце XVII столетия в голландском городе Утрехте проживал богатый торговец Брандт, посвятивший себя искусству миниатюрной механики. Работы Брандта ценились очень высоко.

Петр I, приехавший в Голландию под именем урядника Петра Михайлова, увидел в Амстердаме произведения утрехтского мастера и был поражен его искусством. Брандт решил сделать для русского царя и преподнести ему в подарок миниатюрный голландский домик со всем убранством, мебелью и домашними принадлежностями.

Более двадцати лет трудился Брандт, воспроизводя в миниатюре все. Здесь были обои, сделанные на утрехтской фабрике. На полках виднелась серебряная посуда, отлитая в формах, приготовленных самим Брандтом. Фарфор был выпущен из Японии, а книги напечатаны в Майнце. Под потолком гостиной висела хрустальная люстра. На столике стояла клетка, где едва поместилась бы и муха. Столовая с мраморным полом, чайный стол со всеми приборами, картинная галерея, спальня с кроватью, кабинет редкостей — ничего не забыл голландский мастер.

Затем Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа закончена и просил позволения представить ее императору. Но в то время продолжалась война со шведами, и Петр находился в походе. Чиновник, получивший в Петербурге известие Брандта, в ответном послании осведомился, сколько художник хотел бы получить за свою работу. Брандт страшно обиделся и не захотел после этого отправлять в Петербург свое миниатюрное произведение, которое осталось в Голландии.

Тайна Азыжской пещеры

В отрогах Малого Кавказа на высоте полутора километров от уровня моря находится Азыжская пещера. Происхождение ее карстовое, общая длина около 200 метров, высота доходит до 20, а ширина — до 50 метров. Шесть больших залов украшены огромными сталактитами. Пещера заинтересовала археологов, и они провели здесь раскопки.

Археологи вскрыли девятиметровый пласт земли. Только на маленьком пятчке у входа в пещеру обнаружилось пять культурных слоев.

Второй и третий слои датировать было сравнительно легко: довольно тщательная отделка орудий и другие признаки говорили о том, что здесь 100—110 тысяч лет назад жили неандертальцы. Но самый нижний, пятый по счету, слой принес много неожиданностей. Каменные орудия здесь были очень грубые, примитивные. Однако даже с помощью таких орудий доисторический человек охотился на гигантского оленя, быка, лошадь, противостоял носорогу и пещерному медведю. Об этом свидетельствовали кости животных, которые были обнаружены тут же.

Каким был человек, живший 200 тысяч лет назад? Что встретят археологи, углубив девятиметровую яму? Какие тайны скрывают огромные залы пещеры, которые еще не исследовали ученые? Ответы на эти вопросы, возможно, дадут дальнейшие раскопки. Работа в Азыжской пещере предстоит большая.

За зеленым камнем

Недавно кировский краевед Б. К. Рева нашел новое богатое месторождение волконскоита. Камень здесь темно-зеленого тона, похожий на малахит. Залегает он линзами, на небольшой глубине.

Только в Западном Предуралье — в Удмурт-

ской АССР, Пермской и Кировской областях — встречается удивительный минерал волконскоит. Из него делают очень стойкую и красивую краску. Кстати, краской из волконскоита пермские иконописцы писали иконы около пяти столетий назад.

Последние пустельги

Самой редкой птицей на земле орнитологи называют обитающую на острове Маврикий пустельгу. Здесь их осталось всего пять особей. Виновными в уничтожении этого пернатого хищника признаны охотники и обезьяны, разоряющие птичьи гнезда.

Судьба последней пятерки вызывает большую озабоченность ученых. Они требуют объявить долину Черной речки, где живут последние пустельги, заповедником, запретить здесь охоту, рубку леса и взять под контроль численность обезьян.

Камчатская пихта

На восточном побережье Камчатки, в районе Кроноцкого заповедника, величественно возвышаясь над другими деревьями, стоят стройные, с гладкой серой корой и густой овально-пирамидальной кроной деревья. Роца пихты камчатской, или тонкой, — реликтовый памятник флоры. Единственный в мире островок реликта доледникового периода занимает около 22 гектаров. Средний возраст деревьев — полтора столетия.

Высота камчатской пихты редко превышает 15 метров. Причина тому — частые снегопады. Под тяжестью снега у пихт ломаются сучья, рушатся порой кроны. Но стоит уцелеть одной ветке, и дерево оживает, снова тянется ввысь. Камчатская пихта в отличие от других хвойных не сбрасывает шишки.

На всем восточном побережье Камчатки нет хвойных лесов кроме этой зеленой жемчужины — пихтовой роцы.

Белки в городе

Совсем ручными стали белки в наши дни. В Новосибирске они, не боясь людей, разгуливают по Академгородку.

Много белок развелось в Челябинском парке культуры и отдыха, на стадионе «Локомотив». Здесь они выходят на близлежащие улицы, охотно спускаются с тополей на асфальт, когда люди приносят им лакомства.

А эта ручная белка живет в парке Челюскинцев в Ленинграде. Сфотографировал ее инженер И. И. Крюков.

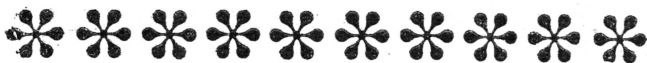
Балтика наступает

Берег Балтийского моря оползает. К такому выводу пришли польские и советские геологи, исследовавшие побережье Балтики.

Ученые определили, что южный берег Балтийского

моря понижается в среднем на один миллиметр в год, а в районе Щецинского залива — на два миллиметра.

Таким образом за последнее тысячелетие берег моря опустился почти на 20 метров.

Опять килька!

Обыкновенная килька доставила немало хлопот персоналу атомной электростанции в Дунгенесе (Англия), в системе охлаждения которой используется морская вода. Как писали потом в официальных протоколах, «вследствие засоса в водозаборное устройство косяка килек были полностью забиты решетки системы водяного охлаждения, что привело к остановке электростанции».

После первого инцидента с килькой пришлось срочно менять конструкцию злополучных решеток. Но не прошло и месяца, как снова сработали системы экстренной остановки станции.

— Неужели опять килька! — воскликнули энергетики.

Они не ошиблись.

Сколько медведей в Сибири?

Сокращению численности медведей в сибирской тайге способствовали не только неурожай и эпидемии, но и уничтожение этого зверя человеком. Сейчас медведи взяты под охрану закона.

По подсчету ученых охотоведов численность медведей в Сибири определяется следующим образом: в Красноярском крае — 13715, в Туве — 1009, Иркутской области — 7074, Бурятии — 1510, Читинской области — 1756, в Якутии — 13163. Всего в СССР, по подсчетам, обитает — 104943 медведя. По мнению охотоведов это — совсем немного.

Тамбур-мажор

Как известно, Русь издревле славилась богатырями. Сказочные былинные Святогор, Микула Селянинович, Никита Кожемяка, Илья Муромец. Может быть, у многих из богатырей были реальные прообразы?

Богатырем был Иван Степанович Лучкин, живший в первой половине прошлого века. Предположительный рост его — более двух с половиной метров. Он служил в лейб-гвардии Преображенском полку тамбур-мажором — старшим барабанщиком. Вывез его в Петербург Александр I во время посещения Златоуста 21 сентября 1824 года.

Среди коренных златоустовцев память о легендарном земляке жива до сих пор. Иван Степанович был наделен сказочной силой, а характер имел незлобивый, был холост, жил с матушкой и очень ее побаивался. Тамбур-мажором он прослужил немного — муштра, тоска по родине скосили богатыря.

Примерно во времена Лучкина служил мастеровым в Златоусте Сеня Бык, он поднимал водяное колесо весом до 30 пудов.

Во второй половине прошлого века жил в Златоусте Федор Безпальный. Однажды он подшутил над мужиками, вколачивающими сваи в плотину, — ночью утащил за полверсты чугунную бабу весом в 15 пудов.

Славился силой Алексей Козин, грузчик Челябинского элеватора, — он один заменял артель, Василий Губин — один устанавливал на место мельничный жернов.

Каповые рощи

Каповый промысел зародился на Руси в незапамятные времена. Особое развитие получил он на Севере, в районах нынешней Кировской области.

Слепец Амбросий Ковязин сделал чудесную, удивившую весь мир, шкатулку с секретами. Умельцы отец и сыновья Бронниковы были творцами уникальных деревянных — из капа — часов.

В последнее время кировчане начали применять кап для украшений, для отделки одежды и обуви — удивительно красивые из него пуговицы, пряжки, броши, подвески.

Запасы каповой березы, однако, уменьшаются. Кировская экспериментальная фабрика художественных изделий, исполь-

зующая кап как основное сырье, вынуждена в поисках материала отправлять экспедиции в Новосибирскую и Челябинскую области, в Башкирскую АССР. Недавно одна такая поисковая группа, пройдя на тракторах более трех тысяч километров, привезла в Киров около 230 тонн ценного сырья. Но этого хватит разве что на сезон. Где же выход? Надо выращивать: каповые березы. Четыре года назад в Кировском лесхозе была заложена экспериментальная роща березы — около 50 тысяч деревьев. Затем появился питомник в Вятско-Полянском лесхозе.

Пройдет несколько лет, и в Кировской области снова будет много капа — ценного сырья для кустарей-умельцев.

Пасека на липе

Небольшое озеро Упканны-Куль неподалеку от башкирской деревни Нимислярово объявлено памятником природы. Озеро интересно тем, что здесь растет водяной орех — реликтовое растение.

Рядом с этой же деревней находится еще одна достопримечатель-

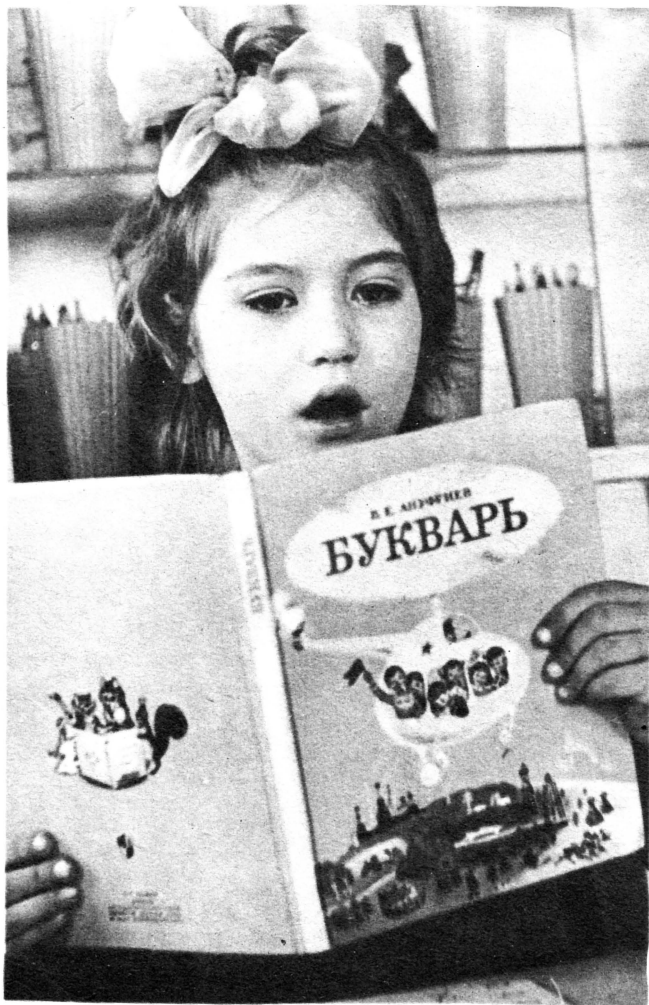
ность природы — липа возрастом в полтысячи лет. История этого дерева прослеживается в течение трех столетий. Липа была естественной пасекой: на ней вывешивались борти. Владельцы дерева-пасеки передавали его по наследству из поколения в поколение.

В кругу бегемотов

Известный французский океанолог Кусто заинтересовался бегемотами с озера Танганьика. Как подкрасться под водой к этим колоссам? Ведь бегемоты добродушны только на вид. Ученые смастерили резинового бегемота, в брюхе которого спрятался оператор — Кусто-младший. Оператору удалось внедриться в стадо бегемотов и заснять множество интересных кадров о жизни животных.

А а Ъ ъ В в Т т Д д

Букварь для детей тундры

Тираж этой книжки совсем невелик — всего 2300 экземпляров. Несмотря на это, она уже приобрела известность, получив Почетный диплом на Всероссийском конкурсе.

На обложке книги картинки, знакомые детям тундры с рождения: оленья упряжка, охотник в ярком национальном костюме, стремительная «Ракета», мчащаяся по извилистой тундровой речушке, островерхие пики нефтяных вышек.

Автор букваря Василий Ефимович Ануфриев уже почти четверть века преподает в родных местах. Он хорошо изучил особенности шурьшкарского диалекта хантыйского языка, на котором и написан букварь. Вот почему невелик тираж этой красочной книжки, рассчитанной на учеников только одного района, — в других местах язык хантов отличен от местного наречия.

Букварь В. Е. Ануфриева — не первое издание учебной литературы на языке жителей Ямало-Ненецкого округа.

Фото А. Пашука

Щ щ Э э Ю ю Я я

Януш Корчак

Филателисты знают эти яркие, несколько стилизованные марки, изображающие мальчика в красной накидке, на белом коне, мальчика с мертвой канарейкой в руке. На одном из знаков скорбное лицо пожилого человека с печальными глазами. Внизу, под рисунком, надпись: «Король Матиуш Первый», Януш Корчак 22. 7. 1879—5. 8. 1942 гг.»

Януш Корчак — это литературный псевдоним. Настоящее его имя Генрих Гольдшмит. В 1903 году Корчак окончил медицинский институт и стал детским врачом. В 1904 году был призван в русскую армию и отправлен на Дальний Восток, где в то время шла война с Японией.

Впоследствии Януш Корчак становится известным врачом-педиатром. Он получает большие гонорары у богатых, чтобы иметь возможность лечить бесплатно детей бедняков. Издав три свои книжки, Корчак сразу приобретает известность и имя.

На свои деньги Януш Корчак построил в Варшаве на Крахмальной улице, 92, Дом сирот. 30 лет его директором был старый доктор Януш Корчак, писатель и педагог. Он остался с детьми и тогда, когда Варшаву захватили фашисты.

Летом 1942 года Дом сирот окружили гитлеровцы. Было приказано приготовить детей к отъезду. Они не понимали, что их отправляют в газовые камеры лагеря смерти.

— Доктор Гольдшмит может остаться, — сказал Корчаку офицер.

— Отпустить моих сирот с вами? — ответил он. Во главе колонны прошел Януш Корчак по улицам Варшавы на Умшлагплац, откуда увозили на смерть в фашистский лагерь смерти Трелинку.

В последний момент, когда дети уже были в вагонах, комендант поезда, узнав, что на смерть едет Януш Корчак, знаменитый писатель, сказал доктору, что он может остаться.

С презрением было отвергнуто и это предложение. Януш Корчак не оставил детей. Вместе с ними он пошел на смерть, поддерживая их до последней минуты.

На с н и м к а х: почтовые марки, посвященные Янушу Корчаку.

Майский луг [рисунок пастелью]
В. НОВИЧЕНКО [г. Свердловск]

**В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 150 ЛЕТ
СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ — ПЕР-
ВОГО В РОССИИ ОТКРЫТОГО ВООРУЖЕННОГО
ВЫСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ СВЕРЖЕНИЯ САМО-
ДЕРЖАВИЯ И ЛИКВИДАЦИИ КРЕПОСТНОГО**

**ПРАВА. В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ МЫ НАЧИ-
НАЕМ ПУБЛИКАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЭТОЙ
БОЛЬШОЙ ДАТЕ. ЧИТАЙТЕ ОЧЕРК ОРЕНБУРГ-
СКОГО КРАЕВЕДА ЛЕОНИДА БОЛЬШАКОВА
«ОТЕЧЕСТВУ ДРАГИЕ ИМЕНА»**
